

Международный электронный научный журнал
International Electronic Scientific Journal

Язык и текст
2015. Т. 2. № 3

Language and Text
2015. Vol. 2, no. 3

Московский городской психолого_педагогический университет
Moscow State University of Psychology & Education

Содержание

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Оценка и коннотация: современные подходы

А.В. Вестфальская 3

Вербализатор добрый / добро как репрезентант межличностных отношений в тексте Соч... «О России в царствование Алексея Михайловича»

И.Н. Щемелинина 12

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Русский взгляд на Польшу конца XVII века в «Записках путешествия» Б.П. Шереметева

Н.Д. Блудилина 17

«Ради Самого Христа, молитесь обо мне...»: Оптинский адресат Н.В. Гоголя

В.А. Воропаев 26

Традиционное и индивидуальное в древнерусской словесности: библейская цитата-топос в Сказании о Борисе и Глебе

А.М. Ранчин 38

Святитель Феофан (Говоров) и греческая богословская школа на острове Халки

М.И. Щербакова 47

«Надо жить народной жизнью...»

К.П. Победоносцев О Главных свойствах отечественной литературы

А.В. Шмелева 53

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Сопоставительный анализ звукоподражательных единиц в русском, английском и итальянском языках

А.А. Каторова 59

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций)

Э.Н. Егорова 69

Гендерные стереотипы в дискурсе гасистики

А.П. Миньяр-Белоручева, М.Е. Покровская 76

Лингвоэкология этностереотипов современного медийного пространства

Н.В. Туранская 91

The Natural Choice? Metaphors for nature in a UK government white paper

Douglas Ponton 97

ХРОНИКИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

О научной конференции «Кусковские чтения. Актуальные вопросы текстологии: традиции и инновации»

И.В. Дергачева, А.С. Сасим, А.В. Чекалкин 121

Оценка и коннотация: современные подходы

Вестфальская А.В.,

старший преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета
Государственного Университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, anna-
vestfalskaya@yandex.ru

В статье рассматриваются два основных подхода к понятию коннотации в современном языкознании. Дается обзор работ в рамках этих подходов, в которых изучается связь коннотации с языковой оценкой.

Ключевые слова: оценка, коннотация, модальная двувёршинность, прагматика знака, коллективное бессознательное, индивидуальные оценки.

Для цитаты:

Вестфальская А.В. Оценка и коннотация: современные подходы [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Vestfalskaya.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020301

For citation:

Vestfalskaya A.V. Evaluation and connotation: contemporary approaches [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Vestfalskaya.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020301

Оценка сопряжена с коннотацией и составляет ее основу. Положительный или отрицательный оценочный элемент является определяющим компонентом коннотации и обусловлен не только веками сложившейся системой нравственной культуры каждого народа, но политической и идеологической платформой конкретного государства на определенном этапе его развития [10].

В современной науке сформировались два основных подхода к понятию коннотации: собственно лингвистический и экстралингвистический. В рамках собственно лингвистического подхода коннотация является частью лексического значения слова, представляя собой дополнительное, сопутствующее значение, выражающее экспрессивно-эмоциональные и оценочные оттенки высказывания [7]. Исходя из этого понимания, В.Н. Телия предлагает следующее определение коннотации: «Коннотация – семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [14, с.5]. Это определение полностью разделяется А.В. Куниным [9, с.92]. В.И. Шаховский выделяет эмотивную коннотацию, понимая под ней «аспект лексического значения единицы, с помощью которой кодировано выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к адресату, объекту и предмету речи,

ситуации, в которой осуществляется данное речевое общение» [15, с.14]. М.С. Ретунская под коннотацией понимает «область семантики слова, дополняющая ее денотативное (предметно-логическое) и категориально-грамматическое содержание и придающая слову экспрессивную окраску» [12, с.17].

В качестве компонента значения слова коннотацию рассматривают и другие исследователи [9], причем если некоторые авторы считают ее дополнительной и необязательной частью структуры значения лексической единицы [3; 5], то другие отводят ей такую же существенную роль, как и денотативному компоненту. Коннотация, согласно В.Н.Телия, сращена с денотатом, внутренней и внешней формой, она питается этой ассоциативно-образной мотивировкой [14]. По мнению А.В.Кунина, «коннотация не накладывается на основное содержание слова или фразеологизма, а находится в сложном единстве с ним, так как существует не только рациональное, но и тесно с ним связанное чувственное познание действительности» [9, с.92]. В таком же ключе коннотацию рассматривает Е.Ф. Арсентьева: «Коннотация является опосредованным отражением явлений действительности и благодаря этому неразрывно связана с сигнификативно-денотативным макрокомпонентом значения. Поэтому неслучаен тот факт, что наиболее авторитетной в настоящее время является точка зрения, согласно которой коннотативный макрокомпонент входит в лексическое и фразеологическое значение наряду с сигнификативно-денотативным и причудливо переплетается с ним» [4, с.147].

Как видно из приведенных определений коннотации, а также из анализа специальной литературы, посвященной этому понятию, в основе коннотативного компонента непременно находится оценка. Ученые-лингвисты выделяют в коннотации ряд компонентов, среди которых наряду с эмоциональным, экспрессивным и стилистическим обязательно присутствует оценочный компонент. Так, А.В. Кунин выделяет оценочный компонент коннотации и подразумевает под ним «объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно» [9, с.94]. Характеризуя каждый компонент в отдельности, А.В. Кунин подчеркивает, что оценка принадлежит не только оценочному компоненту, но является обязательным свойством эмотивности. «Эмотивность – это эмоциональность в языковом преломлении, т.е. чувственная оценка объекта, выражение языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [9, с.93]. Кроме того, оценочность может сопутствовать экспрессивности.

В концепции В.И. Шаховского, оценка – также неотъемлемый элемент коннотативного комплекса лексического значения слова, поскольку «мы понимаем и чувствуем одновременно, т.к. оцениваем и переживаем одновременно с названием объекта оценки» [15, с.17].

В.Н. Телия указывает на то, что лексические единицы, обладающие оценочным значением, характеризует модальная двувёршинность [14]. В высказываниях, где оценка выражена словами с оценочной семантикой, вершинную позицию занимает оценочная, или собственно оценочная, или денотативно-оценочная модальность, которая характеризует предмет обозначения, сообщая дополнительную информацию о нем как положительную, так и отрицательную.

В высказываниях, содержащих лексические единицы, обладающие коннотацией, вершинная позиция принадлежит эмотивно-оценочной, или коннотативной, модальности, при этом в фокусе оценки может оказаться признак, ассоциируемый с внутренней формой, выражающей отношение субъекта высказывания к его объекту.

Из всего сказанного следует, что коннотация и оценка находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Коннотация невозможна без оценки, которая лежит в основе коннотативного компонента значения слова, является фундаментом порождения коннотативных смыслов. Коннотация, тем самым, может служить одним из способов выражения оценки в языке и речи.

Однако оценка может содержаться не только в коннотативном, но и в денотативном компоненте значения лексемы. В этом случае вся номинация является оценочной. Оценка принадлежит ядру значения слова и, следовательно, она ингерентна для этого слова. В том случае, если сема оценки (пользуясь терминологией, разработанной И.А. Стерниным для обозначения микрокомпонентов лексического значения, характеризующих «отдельные стороны предмета номинации или отношения к нему» [13, с.43]) принадлежит коннотации, оценка находится на периферии значения и является адгерентной для данной лексической единицы.

Выявить местоположение семы оценки в структуре значения слова позволяет ряд методов, самыми продуктивными из которых, по мнению Р.М. Якушиной, хоть и не единственными, являются дефиниционный анализ и метод трансформации дефиниции [16].

Дефиниционный анализ предполагает изучение наличия/отсутствия оценочных слов в словарной дефиниции той или иной лексемы. Так, если из толкования значения слова “good” удалить слова “right” и “worth praising”, несущие в себе оценку, то слово “good” вообще перестанет существовать. “Good – of the right kind, having qualities that are worth praising” [19, p.612-613]. Таким образом дефиниционный анализ данной лексемы показывает, что оценка является ее предметно-логическим содержанием, а значит, сема оценки принадлежит денотативному макрокомпоненту значения.

Метод трансформации дефиниции, предложенный И.А. Стерниным [13, с. 71], заключается в преобразовании дефиниции значения слова в условную фразу, завершающуюся компонентом “и это хорошо/плохо”. Если значение может быть сформулировано без использования оценочных слов, и формулировку при этом возможно завершить условной фразой «и это хорошо/плохо», то следует делать вывод о принадлежности оценки коннотативному макрокомпоненту значения. Для иллюстрации воспользуемся примером из диссертационного исследования Р.М. Якушиной. Слово “rich” определяется как “having a great deal of money”. Такая дефиниция не содержит оценки как таковой, но можно добавить, что, как правило, это хорошо, когда денег много. Следовательно, оценка в данном случае принадлежит периферийному компоненту в структуре значения – коннотации и является адгерентной для этого слова [16, с.26]. Знак же оценки (хорошо ли, плохо ли, что у кого-то много денег) проявится только в речи, когда будет учтена вся совокупность факторов, его определяющих.

В рамках экстралингвистического подхода коннотация выводится за рамки лексического значения слова и описывается как набор семантических ассоциаций, отражающих особую «ауру» обозначаемого объекта, существующую в данном языковом сообществе. Такое понимание коннотации восходит к Л. Блумфилду, который ввел в коннотацию социокультурный компонент, выделив коннотации, имеющие эмоциональную базу, и коннотации, относящиеся к сфере сознания, которые и обусловлены социальными, региональными и культурными факторами [6].

Придание коннотации экстралингвистической сущности характерно для западной семантической традиции. Так, например, Дж. Лич [18, p.9-13] утверждает, что коннотацию целесообразно рассматривать только с точки зрения ассоциаций, возникающих у индивида на

основе его социального опыта. Таким образом, те дополнительные характеристики, которые суть коннотации данной лексической единицы, варьируются от эпохи к эпохе, от представителя одной социальной группы к представителю другой. Так, слово «женщина» обладает различными коннотациями для феминисток и их противников, что, очевидно, связано с разными в данном социуме оценками женщины по признаку социальной роли.

В отечественной лингвистике рассмотрение коннотации в экстралингвистическом ключе наиболее последовательно проводится в трудах Ю.Д. Апресяна. Согласно его определению, коннотация – это «узаконенная в данном языке оценка объекта действительности, именем которой является данное слово», точнее, несущественные, но устойчивые признаки выражаемого им понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета. Эти признаки не являются ни компонентами лексического значения, ни следствиями или выводами из него [2, с.159]. Коннотации относятся к сфере прагматики знака. Они отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы [1, с.67]. Ю.Д. Апресян настаивает на невключении коннотации в лексическое значение слова в лексикографической практике.

Концепция Ю.Д. Апресяна была воспринята и уточнена в работах Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука. По их определению, «лексическая коннотация лексической единицы L есть некоторая характеристика, которую L приписывает своему референту, и которая не входит в ее толкование» [2, с.159].

Сторонники экстралингвистической природы коннотации убеждены, что к коннотированию тяготеют не языковые значения, а предметы, номинированные данными языковыми средствами.

Чрезвычайно широко понимает коннотацию О.Г. Ревзина. В ее концепции коннотация – неотъемлемый элемент языковой системы в целом. Любое высказывание включает в себе те или иные коннотативные смыслы, несущие необходимую информацию, воспринимаемую совместно с денотативными. Так, фраза «Врачи еще не уходили: вся ихняя одежда на вешалке» на денотативном уровне передает информацию об определенном положении дел (информацию о мире), на коннотативном — информацию о говорящем, о его образовательном цензе (коннотативное означающее — ихний) [11, с.443]. При наличии более широкого контекста такая коннотация может позволить читателю или слушателю дать как собственную оценку субъекту речи, так и осознать отношение автора текста к говорящему.

Как видно из всего сказанного, оценка и коннотация – понятия, тесно взаимосвязанные. Нами уже отмечено выше, что именно оценка лежит в основе коннотации. Однако необходимо оговориться, что коннотация воплощает не индивидуальные оценки, даваемые отдельными представителями языкового коллектива, а ту оценку объектов действительности, которая является в данном языковом сообществе общепринятой и закрепленной в его культуре. Ассоциации, возникающие в сознании того, кто употребляет или воспринимает слова, обладающие коннотацией, постоянно присутствуют в той его области, которая называется коллективным бессознательным, если пользоваться терминологией, разработанной в социальной психологии.

Однако коннотация как оценка коллективная может быть использована отдельной личностью в качестве средства выражения своей индивидуальной оценки или оценки, которую разделяет небольшая группа людей. Используя в определенной речевой ситуации слова, обладающие в данном языковом коллективе отрицательной коннотацией, говорящий

может выразить свою личную положительную оценку того или иного факта или предмета действительности. Тогда как в иной ситуации тот же субъект речи использует ту же коннотацию для выражения отрицательной оценки. Например, слово “war” («война») в современном цивилизованном мире имеет отрицательную коннотацию «жестокость, смерть, горе». Однако конкретная война в конкретной исторической ситуации может быть оценена как событие положительное для определенных государств и людей. В своей работе “The Age of Extremes: A History of the World, 1914-1991” Эрик Хобсбаум предваряет Главу 8 “Cold War” эпиграфом, в котором он цитирует Ричарда Барнета, американского политолога и видного общественного деятеля. Суть высказывания Барнета заключается в том, чтобы показать экономическую и политическую выгоду нагнетания атмосферы предстоящего ядерного конфликта.

“The war economy provides comfortable niches for tens of thousands of bureaucrats in and out of military uniform who go to the office every day to build nuclear weapons or to plan nuclear war; millions of workers whose jobs depend on the system of nuclear terrorism; scientists and engineers hired to look for that final ‘technological breakthrough’ that can provide total security; contractors unwilling to give up easy profits; warrior intellectuals who sell threats and bless wars.

Richard Barnet (1981, p. 97)” [17, p. 225]

То есть, для определенной категории людей война может оказаться не злом, а благом. Она может оцениваться ими как «удобное» средство наживы, «удобное» средство сделать карьеру, как средство укрепить военную и политическую мощь государства, как средство установить господство той или иной идеологии.

Перечисленные средства, которыми является война, суть также ее коннотации. Указание же на тот факт, что некто считает такие средства для себя хорошими, есть оценка этого некоего субъекта. Так коннотация явилась способом выразить оценку.

Если оценка – обязательный компонент коннотации, то коннотация отнюдь не обязательно присутствует там, где выражается оценка. Как известно, в языке существуют чисто оценочные лексемы, например, «хороший», «добрый», не обладающие коннотацией.

Таким образом, оценка, с одной стороны, является одним из компонентов коннотации, с другой стороны, понятие оценки, безусловно, более широкое, более универсальное для языковой системы в целом.

Литература

1. *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Изд-во Школа «Языки русской культуры». Издат. Фирма «Восточная литература» РАН, – 1995а. – 364 с.
2. *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Изд-во Школа «Языки русской культуры». – 1995б. – 710 с.
3. *Арнольд, И.В.* Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. – М.: Флинта. Наука, 2006. – 384 с.

4. *Арсентьева Е.Ф.* Фразеологические уникалии в английском и русском языках и способы их перевода / Е. Ф. Арсентьева // Проблемы сравнительной типологии родного и изучаемого языков: сб. науч. тр. – Казань: 1983. – С. 3–11.
5. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2005. – 576 с.
6. *Блумфилд, Л.* Язык / Л. Блумфилд. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 607 с.
7. Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. / Гл. ред. А.М.Прохоров. – Изд. 3-е. – М.: 1973. – Т.13. – Кунда – Кун. – 1973. – С. 31.
8. *Кожина, М.Н.* Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта : Наука, 2008. – 464 с.
9. *Кунин, А.В.* Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.
10. *Миньяр-Белоручева, А.П., Вестфальская, А.В.* Пути исследования понятия "коннотация" / А.П. Миньяр-Белоручева, А.В. Вестфальская // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях. Материалы VIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации 27 июня 2014 года. М: ИД "Международные отношения" – 2014. – С. 33-42.
11. *Ревзина, О. Г.* О понятии коннотации / О. Г. Ревзина // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 436–446.
12. *Ретунская, М.С.* Английская аксиологическая лексика: монография / М. С. Ретунская. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1996. – 272 с.
13. *Стернин, И.А.* Лексическое значение слова / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — 170 с.
14. *Телия, В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
15. *Шаховский, В. И.* Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие / В. И. Шаховский. – Волгоград: Волгогр. пед. ин-т., 1983. – 94 с.
16. *Якушина, Р.М.* Динамические параметры оценки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Якушина Роза Михайловна. – Уфа, 2003. – 179 с.
17. *Hobsbawm, E.* The Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914-1991 / E. Hobsbawm. – London: Abacus, 2004. – 627 p.
18. *Leech, G.* Semantics. The study of meaning / G. Leech. – London: Penguin Books, 1981. – 383 p.

Вестфальская А.В.
Оценка и коннотация: современные подходы
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 3–11.
doi: 10.17759/langt.2015020301

Vestfalskaya A.V.
Evaluation and connotation: contemporary
approaches
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 3–11.
doi: 10.17759/langt.2015020301

19. Longman Dictionary of Contemporary English. – 3rd ed. – Basingstoke: Longman Group Ltd, 1995. – 1668 p. – [Longman].

Evaluation and connotation: contemporary approaches

Vestfalskaya A.V.,

a Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, anna-vestfalskaya@yandex.ru

---

The article deals with two main approaches to connotation in contemporary linguistics. Within the approaches academic works where the connection between connotation and evaluation is studied are reviewed.

Key Words: evaluation, connotation, bimodality, sign pragmatics, unconscious collective, individual assessments.

References

1. *Apresyan, Yu.D.* Izbrannye trudy. T.1. Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazyka [Selected works. Vol. I. Lexical semantics: synonymous means of language] / Yu.D. Apresyan. – M.: Izd-vo Shkola «Yazyki russkoy kul'tury». Izdat. Firma «Vostochnaya literatura» RAN, – 1995a. – 364 s.
2. *Apresyan, Yu.D.* Izbrannye trudy. T.2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Selected Works. Vol. 2: The integrated description of language and system lexicography] / Yu.D. Apresyan. – M.: Izd-vo Shkola «Yazyki russkoy kul'tury». – 1995b. – 710 s.
3. *Arnol'd, I.V.* *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka [Stylistics of Modern English] / I.V. Arnol'd. – M.: Flinta. Nauka, 2006. – 384 s.*
4. *Arsent'eva E.F.* Frazеologicheskie unikalii v angliyskom i russkom yazykakh i sposoby ikh perevoda [Praseological with a unique combination of components in English and Russian languages and their translation] / E. F. Arsent'eva // Problemy sravnitel'noy tipologii rodnogo i izuchaemogo yazykov: sb. nauch. tr. – Kazan': 1983. – S. 3–11.
5. *Akhmanova, O.S.* Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms] / O.S. Akhmanova. – M.: KomKniga, 2005. – 576 s.
6. *Blumfeld, L.* Yazyk [Language] / L. Blumfeld. – M.: Editorial URSS, 2002. – 607 s.
7. Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya. V 30 t. [The Great Soviet Encyclopedia (GSE) in 30 volumes] / Gl. red. A.M.Prokhorov. – Izd. 3-e. – M.: 1973. – T.13. – Kunda – Kun. – 1973. – s. 31.

8. *Kozhina, M.N.* Stilistika russkogo yazyka: uchebnik [Stylistics of the Russian language: textbook] / M.N. Kozhina, L.R. Duskaeva, V.A. Salimovskiy. – M.: Flinta: Nauka, 2008. – 464 s.
9. *Kunin, A.V.* Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka [The course of modern English phraseology] / A.V. Kunin. – M.: Vysshaya shkola, 1996. – 381 s.
10. *Minyar-Beloucheva, A.P., Vestfal'skaya, A.V.* Puti issledovaniya ponyatiya "konnotatsiya" [Studying the notion of "connotation"] / A.P. Minyar-Beloucheva, A.V. Vestfal'skaya // Yazyk kak sistemnaya real'nost' v sotsiokul'turnom i kommunikativnom izmereniyakh. Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po aktual'nym problemam teorii yazyka i kommunikatsii 27 iyunya 2014 goda. M.: ID "Mezhdunarodnye otnosheniya" – 2014. – S. 33-42.
11. *Revzina, O.G.* O ponyatii konnotatsii [On the notion of connotation] / O. G. Revzina // Yazykovaya sistema i ee razvitie vo vremeni i prostranstve: sbornik nauchnykh statey k 80-letiyu professora Klavdii Vasil'evny Gorshkovoy. – M.: Izd-vo MGU, 2001. – S. 436–446.
12. *Retunskaya, M.S.* Angliyskaya aksiologicheskaya leksika: monografiya [English axiological vocabulary: monograph] / M. S. Retunskaya. – N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 1996. – 272 s.
13. *Sternin, I.A.* Leksicheskoe znachenie slova [Lexical meaning of the word] / I.A. Sternin. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. — 170 s.
14. *Teliya, V.N.* Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits [Connotative aspect of semantics of nominative units] / V. N. Teliya. – M.: Nauka, 1986. – 143 s.
15. *Shakhovskiy, V.I.* Emotivnyy komponent znacheniya i metody ego opisaniya: ucheb. posobie [Emotive component of meaning and methods of its description: a manual for a special course] / V. I. Shakhovskiy. – Volgograd: Volgogr. ped. in-t., 1983. – 94 c.
16. *Yakushina, R.M.* Dinamicheskie parametry otsenki: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 [Dynamic parameters of evaluation] / Yakushina Roza Mikhaylovna. – Ufa, 2003. – 179 s.
17. *Hobsbawm, E.* The Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914-1991 / E. Hobsbawm. – London: Abacus, 2004. – 627 p.
18. *Leech, G.* Semantics. The study of meaning / G. Leech. – London: Penguin Books, 1981. – 383 p.
19. Longman Dictionary of Contemporary English. – 3rd ed. – Bungay: Longman Group Ltd, 1995. – 1668 p. – [Longman].

Вербализатор добрый / добро как репрезентант межличностных отношений в тексте Соч... «О России в царствование Алексея Михайловича»

Щемелинина И.Н.,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета (МГОУ), Москва, Россия

Данная статья посвящена анализу вербализатора добрый / добро концепта ДОБРО в сочинении Г. Котошихина. Представление автором указанного вербализатора как основного в интерпретации понятий 'великодушие', 'помощь', 'защита' основано на отражении текстом факта существования межличностных отношений, прежде всего деловых, в языковой картине мира эпохи царствования Алексея Михайловича.

Ключевые слова: добрый, концепт, отношение, межличностный, репрезентант.

Для цитаты:

Щемелинина И.Н. Вербализатор добрый / добро как репрезентант межличностных отношений в тексте Соч... «О России в царствование Алексея Михайловича» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Shchemelinina.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020302

For citation:

Shchemelinina I.N. Verbalizator dobry /dobro as the representant of interpersonal relationships in the text ... "About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich" [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Shchemelinina.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020302

Учитесь добродетель чтить;
В душе ей храм соорудите,
Ей мысли, чувства посвятите...
В.А. Жуковский [1]

При исследовании текста Соч... «О России в царствование Алексея Михайловича», созданного в Швеции, в Стокгольме, в 1666 – 1667 гг., по приказу Шведского правительства, которому нужны были сведения о России, сбежавшим за границу, по существу предавшим свое отечество подьячим Польского приказа Г. Котошихиным, обращает на себя внимание значимость вербализатора добрый, представляющего концепта ДОБРО в русской языковой картине мира. Концепт обусловлен не только эксплицитным, но и имплицитным отражением в Соч... христианского мироощущения автора и пониманием им окружающей действительности, попыткой дать по возможности адекватную оценку жизни в эпоху царствования Алексея

Щемелинина И. Н.

Вербализатор добрый / добро как репрезентант межличностных отношений в тексте Соч... "О России в царствование Алексея Михайловича"

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 3. С. 12–16.

doi: 10.17759/langt.2015020302

Shchemelinina I. N.

Verbalizator dobry/ dobro as the representant of interpersonal relationships in the text ... "About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 3, pp. 12–16.

doi: 10.17759/langt.2015020302

Михайловича. Это соответствовало данной автору прагматической установке и известному ему по службе модусу делового теста, которым должно было стать создаваемое произведение.

В тексте Соч... автор использовал лексемы добрый, добро в 57 словоупотреблениях и нескольких ЛСВ (лексико-семантических вариантах). Слово добрый в Соч... репрезентировано как отражение душевных качеств-добродетелей – духовного мира и чувств женщины, ее эмоционального состояния и проявления этих чувств; описана качественная составляющая продуктов питания и одежды, а также охарактеризованы межличностные отношения, что будет предметом нашего внимания в данной статье.

Согласно словарю П.Я. Черных, добрый – 'обладающий мягким характером', 'расположенный к людям', 'сострадательный', 'сердечный'; прост. 'хороший', 'доброкачественный'; укр. добрий – 'добрый, хороший, настоящий'; блр. добры – 'добрый'; болг. добър – 'добрый, хороший, полезный'; с.-хорв. добар, добри, доброта, добричина – 'добряк', добровати – 'проявлять доброту, благоденствовать'; словен. dober, dobricina; чеш. и словац. dobru – 'добрый, хороший', dobrak, dobrotisko – 'добряк'; польск. dobry – 'добрый, хороший, полезный'; в.-луж. dobrik so – 'дружить'; н.-луж. dobru, dobro, доброта, доброс; лит. dabnus – 'изящный, красивый, милый'; гот. (ga) daban – 'соответствовать, подходить'; др. исл. daina – 'делаться ловким, сильным'; латин. faber – 'ремесленник', fabrica – 'ремесло, мастерство, изделие'; арм. дарбин – 'кузнец'. Произошло, скорее всего, из др.-рус с XI в. и ст.-сл. добръ, добрый – 'хороший, доброкачественный, добрый, знатный', субст. добро, доброта – 'красота', добрити – 'делать красивым' [10, с. 258].

Справедливо, на наш взгляд, высказывание Е.С. Палеха о том, что «формирование концепта ДОБРО в любой культуре тесно связано с религиозной ориентированностью народа» [7, с. 20].

ЛСВ субстантивата доброе отражает «все хорошее, доброе, честное, благопристойное» [9, с. 258] в контекстах, когда Г. Котошихин не может не описать систему ценностей, принятой в Российском государстве:

- царь отвечает будет доброе меж ими совершилось; и будет доброе меж ими учинилось, скажет царь, и велит к себе быти всему свадебному чину и отцем и матереем репрезентирует смыслодержание 'соединение души и тела для дальнейшего продолжения рода' и позволяет видеть семы 'огонь любви', 'близость', 'единение';

- а когда доброго ничего не учинится, тогда все бояре и свадебной чин розъедутца в печали, не быв у царя конструкция ничего не усиливает отрицание всего хорошего, что должно было произойти.

Г. Котошихин, упоминая государственные дела царя, характеризуя быт и обычаи народа, описал ситуацию, в которой говорится о том, что часто во дворец к царице, царевнам и к царевичам приезжали боярские и ближних людей жены, а также вдовы и дочери-девицы с ходатайством о своих мужьях и детях, о братьях и родственниках и всегда находили у царской семьи необходимую помощь и защиту. Отметим такую черту, определяющую систему отношений, как добродетель, которая была присуща Алексею Михайловичу как личности, богобоязненному и богопочитавшему царю, а Бог – источник всякого блага и добра.

Нельзя опустить из виду сведения, согласно которым царь Алексей Михайлович любил активное добро – добрые деяния: перед христианскими праздниками чинил милосердные

Щемелинина И. Н.

Вербализатор добрый / добро как репрезентант межличностных отношений в тексте Соч... "О России в царствование Алексея Михайловича"

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 3. С. 12–16.

doi: 10.17759/langt.2015020302

Shchemelinina I. N.

Verbalizator dobry/ dobro as the representant of interpersonal relationships in the text ... "About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 3, pp. 12–16.

doi: 10.17759/langt.2015020302

дела: он раздавал милостыню убогим и нищим, помогал старым и немощным, проявлял снисхождение к злодеям, прощая их за совершенные поступки и грехи. Более того, в масленичную неделю (неделя перед Великим постом) «в день чтения в церкви Евангелие о страшном суде царь приглашал толпу нищей братии к себе во дворец, где и угощал их, и с ними же сам откушивал. Делалось это для получения благословения Божиего, обещанного в Евангелии тем, которые накормят Христа в образе голодных. То был обряд, такой же обряд, какими были: умовение ног, ведение осла, раздача красных яиц и т.п.» [3, с. 84]. Более того, «добро может быть не только символом морально этических установок, но и состоянием души, ее потребностью» [8, с. 576].

ЛСВ в контексте: человек в какой беде ни был, или б о чем ни бил челом, или б кто и к смерти был приговорен, и, по их прошению, может царь все доброе учинити и чинит закрепляет такое смыслопонимание, как 'совершение благого для человека, понимая при этом важность учиненного перед Господом', что выявляется через семы 'великодушие', 'помощь', 'защита', 'участливость в судьбе', 'внимательный к другим', 'полный сочувствия', 'снисходительный'. См. далее: чтоб им послом друг з другом съехатися и розъехатся волно было, хотя и доброго ничего не учинится, и друг на друга зла никакого не мыслити – в контексте доброе имеет семы 'хорошее', 'благое', репрезентирующие авторское смыслопонимание излагаемого как 'не произойдет ни ссор, ни столкновений, все чинно и благородно'. «Делать доброе гораздо отраднее, чем плохое. В покровительстве другим, в добром отношении к ним есть сознание силы, уверенность в себе и есть настоящая мощь» [6, с. 42]. Обратимся к Ю.С. Степанову, который пишет о том, что «доброжелательное отношение к миру – это важнейший, но не единственный аспект общения, и соответственно, наряду с принципами солидарности и такта можно было бы установить принципы разведки и самозащиты в общении» [2, с. 64].

ЛСВ наречия добром в контексте, и они учили царю говорить сердито и невежливо, з грозами: «будет он добром им тех бояр не отдаст, и они у него учнут имать сами, по своему обычаю» репрезентирует характеристику 'без столкновений и военных действий', 'без насилия со стороны восставших', 'по доброй воле'. См.: «1. По доброй воле, без принуждения. Лучше д. отдай. 2. По-хорошему, без ссоры». На наш взгляд, при использовании слов с корнем –добр– оказывается затронутая оппозиция свой-чужой, при этом 'царь – свой', 'бунтующие – чужие'; см. далее: царь видя их злой умысл, что пришли не по добро и говорят невежливо, з грозами, ... закричал и велел ... людем, которые при нем были, тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити. Контекст показывает на четкое соответствие представлений о добре русской картине мира, ставшей традиционной: что «не добро» - то 'нехорошее', 'злопомышление', 'недоброжелательное', 'лютое', 'хищное', 'кровожадное'. В контексте эксплицитно представлена связь оппозиционных ДОБРУ концептов ВОЙНА и СМЕРТЬ при помощи целенаправленно подобранной лексики: злой умысел, невежливо, гроза, закричать, велеть, бить, рубить, смерть, живой, ловить.

Таким образом, при исследовании слова добрый / добро в Соч... Г. Котошихина нами выявлены такие смысловые составляющие, касающиеся сферы межличностных отношений, как характеризующие царя по отношению к подданным / подчиненным: 'великодушие', 'помощь', 'защита', 'участливость в судьбе', 'внимательность к другим', 'исполненность сочувствия', 'снисходительность'; в личных отношениях: 'огонь любви', 'близость', 'единение'; 'хорошее', 'благое'; в деловых – 'хорошее', 'благое'. Все отношения – это реакция, эмоциональный процесс либо состояние, представленное в тексте посредством единиц

Щемелинина И. Н.
Вербализатор добрый / добро как репрезентант
межличностных отношений в тексте Соч... "О России в
царствование Алексея Михайловича"
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 12–16.
doi: 10.17759/langt.2015020302

Shchemelinina I. N.
Verbalizator dobry/ dobro as the
representant of interpersonal relationships
in the text ... "About Russia in the reign of
Alexei Mikhailovich
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 12–16.
doi: 10.17759/langt.2015020302

номинации и предикации, отражающих оценочное восприятие картины мира эпохи царствования Алексея Михайловича. Интерпретационное поле слова *добрый* с негативной коннотацией образуется под влиянием слова *бунтующие*.

Литература

1. Жуковский В. А. Стихи классиков. URL: <http://stihiklassikov.ru/content/dobrodetel-ot-sveta-svetov-luch-izlilsya> (дата обращения 06.09.2015).
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 64.
3. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга 2-я. 17 столетие, 6 издание. Издание литературного фонда. – Санкт-Петербург, 1912. – С. 84.
4. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. – М., 2000. – 120 с.
5. Леденёва В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. – М., 2001. – № 5. – С. 36 – 42.
6. Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. – М., 1984. – С. 42.
7. Палеха Е. С. Антология концептов. / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 5. Волгоград, 2007. – С. 20.
8. Сафонова Н. В. Теоретические проблемы концептуализации национальной картины мира // Вестник ТГТУ. Том 9. Тамбов, 2003. – С. 576.
9. Словарь русского языка XI – XVII в. Выпуск 4 (Г – Д). – Л., 1985
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стереотип. Т. 1: – Пантомима. – М., 1999.

Щемелинина И. Н.
Вербализатор добрый / добро как репрезентант
межличностных отношений в тексте Соч... "О России в
царствование Алексея Михайловича"
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 12–16.
doi: 10.17759/langt.2015020302

Shchemelinina I. N.
Verbalizator dobry/ dobro as the
representant of interpersonal relationships
in the text ... "About Russia in the reign of
Alexei Mikhailovich
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 12–16.
doi: 10.17759/langt.2015020302

Verbalizator dobry/ dobro as the representant of interpersonal relationships in the text ... "About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich"

Shchemelinina I.N.,

Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of modern Russian language, Moscow state regional University (MGOU), Moscow, Russia

---

This article is devoted to the analysis of the Verbalizator dobry/ dobro as the representant of interpersonal relationships in the text ... "About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich).

Key Words: dobro, concept, attitude, interindividual, representer.

References

1. *V. A. Zhukovsky* Poems classics. URL: <http://stihi-klassikov.ru/content/dobrodetel-ot-sveta-svetov-luch-izlilsya> (Accessed 06.09.2015).
2. *Karasik V. I.* Linguistic circle: personality, concepts, discourse. – Volgograd: Peremena, 2002. – P. 64.
3. *Kostomarov N. And.* Russian history in biographies of its main figures. Book 2-I. 17th century, 6th edition. The publication of the literary Fund. – St. Petersburg, 1912. – P. 84.
4. *Kotoshikhin G. K.* Of Russia in the reign of Alexei Mikhailovich. – M., 2000. – 120 p.
5. *Ledeneva V.V.* Idiostyle (to clarify concepts) // Philological Sciences. – M., 2001. – No. 5. – P. 36 – 42.
6. *Likhachev D. S.* Notes on Russian. 2-e Izd., extra – M., 1984. – S. 42.
7. *Palekh E. P.* anthology of concepts./ Ed. by V. I. Karasik, I. A. Sternin. Vol. 5. Volgograd, 2007. – S. 20.
8. *Safonova N.* In. Theoretical problems of conceptualizing national picture of the world // Bulletin of TSTU. Volume 9. Tambov, 2003. – S. 576.
9. Dictionary of Russian language of XI – XVII Issue 4 (G – D). – L., 1985.
10. *Chernykh J. P.* Historical-etymological dictionary of modern Russian language: In 2 t – 3-e Izd., stereotype. Vol. 1: – Pantomime. – M., 1999.

Русский взгляд на Польшу конца XVII века в «Записках путешествия» Б.П. Шереметева¹

Блудилина Н.Д.,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, *dilinata@mail.ru*

В статье анализируется литературный памятник конца XVII «Записки путешествия» Б.П. Шереметева эпохи культурного перелома, который пережила Россия в начале правление Петра I: переход от старых форм жизни к новым европейским. Пристально исследуется взгляд автора «Записок» на Польшу, как на страну, близкого по славянской крови народа, но чуждую конфессионально, уже бывшей тогда, в высшем сословии, страной европейской светской культуры, и являвшейся для России посредником западных веяний. В русском сознании уже тогда сложилась духовно-нравственная оппозиция свой/чужой в отношении к образу этой страны и ее народа: это подтверждается и анализом данного литературного источника.

Ключевые слова: жанр, путешествие, духовная оппозиция, конфессия, Шереметев, Польша, Россия, Восточная Европа.

Для цитаты:

Блудилина Н.Д. Русский взгляд на Польшу конца XVII века в «Записках путешествия» Б.П. Шереметева [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Bludilina.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020303

For citation:

Bludilina N.D. The Russian view on Poland at the end of the XVII century in "Travel Notes" by B.P. Sheremetev [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Bludilina.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020303

В правление Петра Великого на рубеже XVII и XVIII веков Россия пережила культурный перелом, который нелегко давался людям того времени, но особенно тяжело «пионерам просвещения» старшего поколения: для них переход от старых форм жизни к новым, европейским был короче, но острее и резче. То новое, что другие их современники должны были пережить и прочувствовать за годы, они должны были усваивать в месяцы и даже в недели, чему особенно способствовали путешествия в Западную Европу, куда ехали привычным путем, минуя Польшу. Эта страна — близкого по славянской крови народа, но чуждого конфессионально, по вере католической — уже была, ближе к новому времени, страной совершенно европейской светской культуры в высшем сословии. Польша также долго являлась для России посредником западных культурных веяний: так со временем в русском

¹ Подготовлено в рамках проекта Грант РГНФ 15-34-11073 "Литературные взаимоотношения России XVIII-XIX вв.: по материалам российских и зарубежных архивохранилищ".

Блудилина Н.Д.

Русский взгляд на Польшу конца XVII века в «Записках путешествия» Б.П. Шереметева
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 17–25.
doi: 10.17759/langt.2015020303

Bludilina N.D.

The Russian view on Poland at the end of the XVII century in "Travel Notes" by B.P. Sheremetev
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 17–25.
doi: 10.17759/langt.2015020303

сознании (это подтверждается и анализируемым в данной статье литературным источником) сложилась духовно-нравственная оппозиция свой/чужой в отношении к образу этой страны и ее народа.

Борис Петрович Шереметев (1652–1719) принадлежал к старшим «птенцам гнезда петрова». Он был видным сподвижником Петра I, главным его полководцем (генерал-фельдмаршалом), он долгие годы верой и правдой служил отечеству. В 1682 г. был пожалован в бояре, способствовал в 1684 г. заключению мира и союзного договора с Польшей. В 1695 г. участвовал в Азовском походе Петра I, завладел крепостями на р. Днепр. В 1697 г. отправился в продолжительное путешествие через Польшу в Западную Европу, посетил Вену, Рим и Мальту, везде был принят с великими почестями. В 1700 г. участвовал как полководец в войне со Швецией, тогда и был пожалован в генерал-фельдмаршалы. В 1706 г. усмирил взбунтовавшихся в Астрахани стрельцов. Был военачальником в Северной войне. В 1709 г. участвовал и отличился в Полтавской битве. После турецкой компании начальствовал над войсками в Польше, Померании и Мекленбурге.

О вояже русского боярина на Запад сохранилась «Записка путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в Европейские государства. 1697-1699 гг.». Впервые «Записка» была напечатана в 1773 г., вторично в 1774 г. вместе с его письмами к Петру I. Позже выборочно это сочинение было опубликовано в «Памятниках дипломатических сношений» (т. X) в 1849 г. под следующим названием: «Похождение на Мальтийский остров боярина Бориса Петровича Шереметева в 1697—1699 гг.» [1, с. 59]. Можно познакомиться с «Запиской» и в современном издании (в нем текст этого памятника подготовлен и комментирован автором данной статьи) [1].

На страницах «Записки путешествия...» Б.П. Шереметев предстает не как военачальник, а как посол, исполняющий важную государственную политическую миссию, как знатный русский боярин, представитель ближайшего окружения царя. Все это наложило на его путешествие официальный оттенок. В его описаниях много места занимают рассказы об аудиенциях, которые он имел при западноевропейских королевских дворах; упоминания о многочисленных дарах, которыми он при этом обменивался; немало места занимают в сочинении речи, которые он произносил, и тексты грамот, которые он вручал; особо подчеркнута уважительное отношение иностранных дворов к русскому боярину, соблюдение положенных ему по рангу почестей; зафиксировано каждое перемещение Шереметева по Западной Европе. В путевых записях явно чувствуется стиль отчета по выполнению ответственной дипломатической миссии, как в «статейном» списке. Но, несмотря на все эти «официальные» подробные сведения, «Записка» — не «статейный» список, в ней много бытового материала, характеризующего ее автора; немало и внешних впечатлений от увиденного во время путешествия, отразившихся в содержании, стиле и языке, в котором причудливо сливались древняя и современная русская лексика со словами из польского и западноевропейских языков.

Записи, по-видимому, вел не сам Шереметев (о нем говорится в третьем лице, в почтительном тоне), а Герасим Головцын или Алексей Курбатов, сопровождавшие знатного боярина в его странствиях [1, с. 60, 63]. Возможно, многое писалось и под диктовку Шереметева, который по старой традиции говорил о себе в третьем лице [1, с. 63].

Путешествие Шереметева, согласно тексту «Записки», было осуществлено по религиозным и познавательным мотивам: боярина позвала в путь благодарность к апостолам Петру и Павлу, его покровителям в ратном деле, и желание увидеть «окрестные» страны [1, с. 63–64]. Но истинная цель поездки была, очевидно, определена тайным указом Петра I. Маршрут путешествия предвещал путь следования «Великого посольства» и являлся частью общего плана русской дипломатической миссии в Западной Европе по созданию

антитурецкого союза европейских государств. Но тщетно искать в тексте существенные подробности переговоров Шереметева с иностранными правителями — автор утаивал их содержание. В «Записке» немало любопытных описаний европейских нравов и обычаев и наблюдений над иноземной жизнью, видно в тексте и его наивное восприятие внешних проявлений западной культуры, в основном чуждой ему.

Современники Петра I с тяжелым сердцем и в мрачном настроении ехали в неведомые края. И если умом они понимали необходимость таких поездок, то все их чувства были против путешествия. Б.П. Шереметев от-правлялся в путь, как было принято всегда на Руси, уповая на Бога, усердно помолясь и взяв себе в путеводные небесные покровители святого Иоанна Предтечу: «Да той плотный Ангел великий Божий Предтеча; аще мы и не достойны есмы, обаче не оставит нас во претрудном сем пути нашем, но уготовит нам той путь наш мирен, безмятежен и во всем благополучен, ... в сем претрудном и скорбном пути нашем, прохладит нас от зноя всяких печалей и болезней прохладением утешения и исцеления, и будет нам столпом крепости от лица вражия...» [1, с. 63]

4 сентября 1697 г. от рождества Христова или 7206 г. от сотворения мира (в памятнике даны два летоисчисления, важная примета переходного времени) переправился боярин со свитой через реку Днепр, и заночевали они на его берегу на польской стороне. (По Андрусовскому перемирию (1667) и по Вечному миру (1686), положившим конец войнам России и Польши, Малороссия разделялась между ними по Днепру, причем до 1686 г. г. Киев оставался предметом спора двух государств [1, с. 156]). Так русские путники въехали на территорию Речи Посполитой. (Калька с лат. *res publica*, государственное объединение по Люблинской унии 1569 г. Польского королевства и Литовского княжества [1, с. 156]).

В «короне Польской и в княжестве Литовском» тогда была созвана «конфедерация» (шляхетский съезд) для выбора нового короля Польского, после смерти Яна III Собеского в 1696 г., которые завершились избранием саксонского курфюрста Фридриха Августа (Августа II Сильного). Начался очередной «рокош» (междоусобица), как отмечается в «Записке путешествия», между сенаторами и шляхтой. Смута шла со стороны сторонников французского принца Франсуа Луи де Конти, претендовавшего также на польский престол [1, с. 66, 156]. «Рокошане» опасались лишь русских войск, которые послал к литовской границе Петр I, недвусмысленно выражая тем свою заинтересованность в исходе выборов в пользу Фридриха Августа [1, с. 157]. Междоусобица сопровождалась мятежами и убийствами, о чем Шереметев был уведомлен от тамошних жителей духовного чина, которые посоветовали русскому боярину ехать чрез страну «Польского владения» с великим опасением, утаивая достоинство своё и имя, чтоб «от тех рокошан не по-страдать чего зла» [1, с. 66]. Борис Петрович постановил звать себя Ро-маном, ротмистром его царского величества, а свита (царедворцы и слуги его дома, взятые для провожания до Кракова) была объявлена «равными товарищами» [1, с. 66].

С польской границы в пути русского боярина начались «великие» трудности передвижения: «...езде своею особою был в заимках, и в пере-сылках к комендантам и к губернаторам, для разговоров о вольном проезде» [1, с. 67]. Эмоциональные описания этих дорожных приключений в Речи Посполитой оживляют повествование, довольно монотонное и ску-пое на подробности и анализ увиденного.

С 7 по 18 сентября, проезжая в день приблизительно по 3–4 мили, дорога была «худая и грязная», ночевали русские путники в разных «местечках» (город — польск. *miasto*): Рудна Пана Стецкого; Дуброво «у колодезя, где крест поставлен»; Норыньск, под городом Медведичи; на разоренном месте, что был городом Искорость (или Коростень, главный город славянского племени древлян, упоминаемый в летописи под 945 г., сожженный княгиней Ольгой, мстившей за смерть мужа князя Игоря [1, с. 67, 157]), там была «римская каплица» (католическая

часовня) с ксендзом ордена кармелитов; проехав село Пашины и с полмили разных «шляхт однодворцев», под деревней Бондаревкою пана Зубчевского «подчашия» (придворная почетная должность [1, с. 67, 157]) Новотроицкого, где дорога была «зело худа»; далее — под селом Корчику панов Косаковских; переехав до места Корец, ночевали в степи у болота [1, с. 67].

Упомянута интересная деталь того времени: «... в то время слышали, что татары были в двух милях под местечком Корчику» [1, с. 67]. Крым-ские татары в то время выполняли вассальную роль по отношению к Турции и постоянно совершали набеги на украинские владения Польши (в 1676 и 1695 гг. они доходили даже до предместий Львова) [1, с. 158].

Доехав до деревни Межирички пана Иеронима Августина Лубомир-ского, гетмана великого коронного, «подскарбия коронного» (королевский казначей), он был известен тем, что поддерживал на выборах 1697 г. кандидатуру принца Конти и выступал против союза с Петром I [1, с. 67, 157]. Там прожил боярин со свитой один день, чтобы подковать коней (характерная деталь обихода путешествий того времени). Потом двигались до местечка Тучин и ночевали, проехав полторы мили, под местечком Козин, за полмили до Александрии «конюшего коронного» Конецпольского. 18 сентября ночевали в г. Олыка князя Радзивила, принадлежавшего к знатнейшей и богатейшей польско-литовской фамилии, ведшей свой род от Гедимина (в отличие от дворянства других феодальных государств, польская шляхта официально не признавала наследственных титулов и связанных с ними привилегий, но польские феодалы литовского происхождения сохраняли княжеские титулы) [1, с. 67, 158].

Здесь относительное благополучие путешествия закончилось: инкогнито Шереметева было раскрыто поляками. Они прислали к постоялому двору капитана и с ним пятьдесят человек солдат, и со двора спускать никого не велели, и прислали от себя говорить боярину и его свите, что признаем мы вас не за равное товарищество; есть между вами «един старший» Шереметев, гетман войск царского величества, и царское войско стоит по границе, а он, «распорядив» войско, едет к нынешнему «нововыбранному» королю, «для совета и управления с нами», которые держат сторону де Конти, и хотят быть ему «на королевстве» [1, с. 67–68]. Наш боярин все это самоотверженно отрицал, но ему два раза пришлось самому ездить к губернатору «под караулом», и едва своими речами уверил власти, что едет всего лишь «равное товарищество, где пристойно служить» [1, с. 68]. Шереметев и его свита «многие понесли тягости»: ходили слухи, что их хотели всех ограбить или перебить до смерти; но «десница Божия учинить то их не допустила» [1, с. 68]. Также Борис Петрович «многую издержал истрату» в том городе: дарил многих, и кормил, и поил капитана и солдат [1, с. 68].

Русские путешественники 20 сентября, покинув злополучный г. Олык, прибыли в Луцку для поправки телег, а ночевали в корчме Борятиной. Потом ехали до «места Влодзимерж» (город Владимир-Волынский, был основан св. Владимиром, упоминается в «Повести временных лет» под 988 г., в составе Польши с 1569–1795 гг. [1, с. 68, 158]), где обедали, а ночевали, отъехав полторы мили, в корчме Кодечевской, далее — в корчме села Рубишева. 26 сентября боярин со свитой приехали в Замосць (Замостье), каменный город, с церковью чудотворца Николая, в которой служили два «черные священника» (монахи); и стояли в «предместии».

Там в особом замке жила гостеприимная «панья» Анна-Франциска, урожденная Гнинская, вдова Мартына Замойского, «великого подскарбия коронного», и трое ее сыновей Томас, Михал и Мартын [1, с. 68, 158]. К ней русские путники и отправились с визитом. Их встречали с большим почетом и церемонно: у крыльца — дворовая шляхта, в сенях — «эконом» со шляхтой и «начальные люди»; в первой палате — старший сын «её милости» и с ним шляхта; в третьей — её езуит-духовник; в четвертой — приняла всех «зело любовно» «панья» Замойская: сама изволила подносить венгерское вино и спрашивала о здоровье, и как ехали, и куда едем, и

каких чинов люди? [1, с. 68–69] После визита столь же чинно ее сын провожал боярина со свитой из всех палат в сени, а когда ехали на двор и со двора, у ворот и в палатах стояли солдаты в ружье по обе стороны, одетые по-венгерски. Оттуда русские путешественники заехали по приглашению во двор ловчего (придворная должность, заведующего королевской охотой) Плоцкого пана Петра Шидловского; он и его жена приняли их также «зело любовно»: ужинали и «банкетовали»; и с его дочерью и с другими «паньями» танцевали до девятого часу ночи [1, с. 69]. На другой день на квартире боярина навел сын «паньи» Подскарбиной со шляхтой и со своею челядью для «наведывания» о здоровье; и по достоинству ему была отдана честь, а против его слов о войсках Московских и «о всем ответ чинен»; и посидев, «подвеселясь мало», уехал [1, с. 69]. Позже «панья» Подскарбина присылала в их квартиру от своего двора шляхтича звать русских на банкет, куда «убрався», боярин со свитой поехали на конях, а первым значился среди них Алексей Курбатов по воле боярской «для утаения». Когда они въезжали в замок, много солдат стояло по обе стороны в строю. Принимали их столь же почтительно и чинно: сначала «...подносили водку, и на тарелках носили закушивать конфекты», потом позвали к круглому столу в другую палату, где «в кушанье довольство было изрядное, и пили венгерское вино про государево здоровье и царевича государя» [1, с. 69]. Разговаривали они с Замойским и с двумя иезуитами о теперешнем короле, о «рокошанах», о московских войсках и «о всяких поведеньях». «И во всем удовольствие было великое», — отмечено в «Записках» [1, с. 70]. После обеда ходили они в палаты к самой «панье» Подскарбиной, где подносили им вино; она дипломатично спрашивала о Московских войсках, где находятся? Поблагодарив ее «за принятие любовное и всякое удовольствие», ушли, а ее сын почтительно провожал русских гостей до самых нижних сеней [1, с. 70]. На вечер вновь были «заваны до» пана Шидловского; и там «банкетовали», и танцевали часу до восьмого ночи с «паньями», которые пришли из замка от «паньи» Подскарбиной [1, с. 70]. На другой день «для благодарствования за удовольствие» посланы были к «панье» Замойской Василий Батурин и Яким Косов [1, с. 70].

Так славно и почтенно проводили время боярин со свитой, но и здесь не обошлось без приключений. В Замосце так же «прознавали» их, как и в Ольке, не за «равное товарищество»; и они были на сутки арестованы и провели их под караулом; только долгие переговоры и переписка разуверили городские власти [1, с. 70]. Была и другая напасть: в их бытность в Замосце, приезжал с тремя «хоронгвями» (эскадрон в кавалерии в 120 всадников) пан Лащ, староста Грабовецкий, и узнав о боярине, замыслил он, по выезде русских из города, всех погубить, его люди сидели в осаде, поджидая наших, в некоей корчме. О чем Шереметева тайно предупредил пан Шидловский. Боярин и его свита были в большой опасности, но благодаря «присылке» от доброй «паньи» Замойской, пан Лащ отъехал [1, с. 70]. На дорогу та же щедрая и заботливая «панья» прислала русским путешественникам в дорогу «диких битых всяких птиц многия гнезды» [1, с. 70].

Далее путь по Польше боярина Шереметева со свитой следовал через село Валенция и местечко Туробян, владение «паньи» Замойской; село Студенок, пана Древицкого, «каштелана» (комендант крепости) Лубенского; обедали в местечке Красник, а ночевали, проехав королевское местечко Урзендов полторы мили, в селе Крослин, пани Подскарбиной. 8 октября они выехали к реке Висле в местечко Клотнича, пана Иозефа Потоцкого, старосты Галицкого; и, пообедав, переправились чрез реку Вислу и ночевали на берегу в корчме. Там с Шлезского тракту повернули на Краков, на местечко Тарлов, пана графа Тарло; ночевали в селе Рассохи в корчме пана Древецкого; а обедали в тот же день в местечке Глиняном. Там повстречали посланного от польского короля к Москве пана Бокея, судью Троицкого, «покоевого королевского» (придворная должность). От Рассох, переехав милью, обедали в городе Опатове Чарном, «маршалка надворного» (гофмаршал, распорядитель королевского двора) пана Любомирского; «то место хорошее, — отмечено в «Записке», — в нем семь костелов» [1, с. 71].

Ночевали в местечке Иванск, «паньи» Калиновской вдовы. Проехав три мили, обедали в местечке Раков пана Гонсецкого, ротмистра королевского; а ночевали в селе Потогск. На другой день обедали в местечке Хмельник; а ночевали в корчме.

13 октября они добрались до места Пинчов, где жили до 23 числа; оттуда были посланы в Краков к русскому резиденту дьяку Алексею Васильеву «сыну Никитину» Василий Батурич и Алексей Курбатов. Выехав из Пинчова, ночевали в местечке Скаймерж ксендзов Краковских. Далее приехали в королевское местечко Просовицы, где «за некоторыми нуждами мешкали» до 3 ноября [1, с. 71]. За милю до Кракова ночевали в корчме, куда приезжал резидент дьяк Алексей Васильев «сын Никитин». Отобедав, поехали в Краков, где стали на Слаковской улице, во дворе ратного пана Крауса.

От короля был прислан к Шереметеву «становничий» (церемониймейстер) Краковский, чтобы боярин стал на «дворе», приготовленном по указу королевского величества.

С утра на квартиру к Шереметеву приезжал с визитом пан Слушка, гетман полный Литовский, «каштелан» Вилнский; двое Потоцких, Стефан — «стражник коронный» и Теодор — «ксендз бискупства» (епископ) Поморского; секретарь королевского величества пан Клеост приглашением на аудиенцию с королем на выбор: публично с церемонией или приватно. Боярин просил секретаря, чтобы был принят приватно без церемонии.

6 ноября в пятом часу дня, приехал тот же секретарь с каретою королевского величества: «...карета зело богато вызолочена вся, и резьба высокая, а в ней сбито бархатом золотым, и заложена шестью возниками в гнеде чалы» (упряжные лошади серо-коричневой масти) [1, с. 72]. В ней Боярин поехал во дворец, а напротив него сидел секретарь и резидент московский дьяк Алексей Никитин; а перед каретою ехали дворяне и боярского дома люди верхами.

Приехав в королевский двор, пошли вверх в «аудиенц-камеру», в которой находился король с Сенатом (как проходила встреча, можно увидеть на гравюре, которая нарисована в то время «с оригиналов со всем тогдашним убором»). Русский боярин стал пред его королевским величеством, и, поклонясь в пояс, говорил речь, суть которой заключалась в точном обозначении геополитической обстановки в Восточной части Европы, и побед над турками (летом 1695 г. Шереметев лично с казаками гетмана Мазепы штурмом взяли турецкую крепость Кызы-Кермень, потом срытую до основания), крымским ханом (Шереметев участвовал и при взятии Азова в 1696 г.), общими «неприятелями креста святого» [1, с. 160–161]. Речь шла и о «Вечном мире», договоре между Россией и Польшей, заключенном в Москве в 1686 г., по которому Польша отказывалась от территориальных споров, признав за Россией право обладания Смоленском, Киевом и левобережной Украиной [1, с. 160]. Текст речи Шереметева приводится в «Записках» целиком [1, с. 72–75]. Когда боярин закончил, то от королевского лица ответную речь говорил «Георгий Алберт Денгов» (Денхоф Ежи Альбрехт), епископ Премышльский, великий канцлер коронный, особо отметивший военные заслуги русского фельдмаршала, «ведая же во многих пресильных знатных военных оказиях не устрашимое твое сердце» [1, с. 76]. По ее завершении боярин и его свита были допущены до королевской руки. Потом подходили поприветствовать боярина сенаторы, пан Феликс Казимеж Потоцкий, гетман полный коронной, воевода Краковской; Пан Иозеф Слушка, гетман полный Литовский, «каштелян» Вильнский и прочие. После этого боярин и все бывшие при аудиенции, поклонясь Августу II, из палат вышли, и до квартиры провожал боярина в карете королевский секретарь.

7 ноября, на следующий день, Шереметев послал к королевскому величеству великолепные дары: «два сорока соболей, ценой в триста рублей, мех соболей в триста ж рублей, две черныя лисицы, пятьдесят рублей, пищаль турецкая, зело богатоустроенная с камнями, двести рублей, сто огонков, пятьдесят рублей» (огонек — хвост пушного зверя) [1,

с. 77]. Более скромные, но богатые подарки русскими мехами, деньгами и оружием получили и польские придворные.

День этот был насыщенным для русского боярина. У иезуитов в костеле Святых Апостолов Петра и Павла был праздник: праздновали «закона своего начальнику Станиславу Костке», слушали мессу и проповедь епископа Премышльского в присутствии Августа II. По окончании мессы Шереметев проводил королевское величество до кареты, и король с ним «привитался (поприветствовался) зело любительно» [1, с. 77].

В тот же день наш гетман откушал у пана Слушки, гетмана полного Литовского. Назавтра уже посылал боярин к нему в дары: «двенатцать возников пегих, ценою в полтора ста рублей, два меха горностаевых, цена обеим сорок рублей, две пары соболей, пятьдесят рублей, сто огонков, сорок рублей, два меха белых чешуйчетых, десять Рублев» [1, с. 77].

Столь же щедро были одарены и прочие сенаторы. Например, пану Стефану Потоцкому, стражнику коронному, были посланы «конь Черкесской с седлом и со всяким богатым убором, ценою во сто в шестьдесят рублей, сабля Турецкая, оправленная в золоте с камнями, во сто рублей, пара соболей, в сорок рублей», а к его брату, епископу Поморскому, — «двенатцать возников, ценою во сто двадцать рублей, пара соболей, в сорок рублей, мех горностаевой пятнадцать рублей, пятьдесят огонков дцадцать рублей, два меха белых чешуйчетых, десять рублей» [1, с. 77].

В тот же день вышеупомянутые сенаторы «обсылали дарами от себя» русского боярина. Гетман полный Литовский прислал «два шандала больших стенных серебряных», и за принос присланному его была дана «пара соболей, да косяк камки (шелковой ткани), мех белей (белок), ценою всего на тридцать рублей» [1, с. 78]. Стражник коронный прислал две пары золотых часов «высокой работы»; а его присланному был поощрен как и предыдущий дарами «ценою на тридцать рублей». Епископ Поморский также прислал золотые часы «богатоубранные с камнями дорогими», и трость, оправленную золотом с алмазами; отблагодарили и его присланного [1, с. 78]. Столь же щедрты были в «отдаривании» высокого русского гостя и прочие высокие лица при польском дворе.

8 ноября вечером Шереметьев приватно встречался и беседовал три часа с королевским величеством о военных делах, он велел русскому гетману перед собой рисовать «ордер де баталии» (диспозиция, боевой порядок), как ходят в воинских ополчениях.

Следующие дни нашего боярина были посвящены визитам, обедам, банкетам у разных высоких лиц при польском дворе: у пана Потоцкого, стражника коронного, воеводы Калишского и Мазовецкого и другие; поездке из Кракова в поле, где он «тешился метанием стрел из луков со знакомцы и с людьми, бывшими при нем, которой стрельбы смотрели многие поляки и немцы» [1, с. 78].

19 ноября был Шереметев со своею свитою на банкете у королевского величества в его палатах в замке, за столом чествовал высокого русского гостя «ближней» короля, в его милости находящейся Ян Пребендовский, «каштелян» Хелминский, и все сенаторы. На другой день Август II явил милость «зело склонную» и «много тайно» говорил с боярином. В тот же день король изволил прислать своего секретаря к Шереметеву с дарами: «пара фузей, да пара пистолет французских, весьма богато устроенных, шкатулка серебряная сканной работы с камнями, да кубок сделан из морской вещи, оправлен в серебре и вызолочен» [1, с. 79].

Вплоть до 24 ноября боярин гостил в Кракове. Перед отъездом ему был прислан рекомендательной «аттестат (приводится в тексте «Записок» [1, с. 79–80]) от господина Карла Юлия Седлницкого, камергера цесарского величества, находящегося при польском короле чрезвычайным посланником.

Блудилина Н.Д.

Русский взгляд на Польшу конца XVII века в «Записках путешествия» Б.П. Шереметева

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 3. С. 17–25.

doi: 10.17759/langt.2015020303

Bludilina N.D.

The Russian view on Poland at the end of the XVII century in “Travel Notes” by B.P. Sheremetev

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 3, pp. 17–25.

doi: 10.17759/langt.2015020303

Все свои затраты «в бытность» в Кракове Шереметев тщательно подсчитал: «истраты ... в харчевья потребности», и что дано военным королевским и сенаторским музыкантам и лакеям, и барабанщикам и конюхам, которые всегда возили боярина в королевской карете, и «иным всяких чинов», которые приходили по обыкновению своему поздравлять боярина, — «изошло две тысячи триста талеров битых» [1, с. 80].

25 ноября русские путешественники покинули Краков. Ночевали в местечке Илкуш Королевском, где «делывали» серебро. 27 ноября — последняя ночь в Польше, проведенная в селе Бетхен епископа Краковского. На следующий день они переехали «цесарскую» границу, миновали Восточную Европу, и начиналась Западная.

После своего вояжа Шереметев явился в Москву совершенно преображенным из русского боярина в европейца; в немецком платье, подражая немецким обычаям и выставляя себя мальтийским рыцарем («кавалерской крест алмазной весь золотой» был ему вручен «гранд-магистром» Мальтийского ордена), чем необыкновенно понравился Петру.

Литература

1. Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. М.: Наследие, 2000. С. 58–152.

Блудилина Н.Д.
Русский взгляд на Польшу конца XVII века в «Записках
путешествия» Б.П. Шереметева
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 17–25.
doi: 10.17759/langt.2015020303

Bludilina N.D.
The Russian view on Poland at the end of
the XVII century in "Travel Notes" by B.P.
Sheremetev
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 17–25.
doi: 10.17759/langt.2015020303

The Russian view on Poland at the end of the XVII century in "Travel Notes" by B.P. Sheremetev

Bludilina N.D.,

Full Ph.D. in Philology, a leading researcher at the Institute of World Literature of Gorky Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, *dilinata@mail.ru*

This article analyzes the literary monument of the late 17th notes travel B.P. Sheremetev era cultural fracture which went through Russia at the beginning of the reign of Peter the great: the transition from the old to the new European life forms. Closely explores the mind of the author of "notes" to Poland as a country close to the Slavic blood people but religiously alien, already then, in the high bar, country European secular culture, and as an intermediary for Russia to Western influences. In Russian minds already evolved spiritually-moral opposition ally/foe in regard to the image of this country and its people: it is the analysis of the literary source.

Key Words: genre, journey, spiritual opposition, confession, Sheremetev, Poland, Russia, Eastern Europe.

References

1. Russia and the West: the horizons of mutual learning. The literature of the first quarter of the 18 century. M.: The Legacy, 2000, pp 58-152.

«Ради Самого Христа, молитесь обо мне...»: Оптинский адресат Н.В. Гоголя²

Воропаев В. А.,

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва,
Российская Федерация), voropaevvl@bk.ru

В статье речь идет о иеромонахе Филарете (в схиме Феодот; Кольцов, 1804–1873), оптинском старце, духовнике братии Гефсиманского скита при Свято-Троицкой Сергиевой лавре, – адресате письма Гоголя в Оптину Пустынь (село Долбино, 20 июня 1850 г.): «Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет...». Долгое время адресат письма оставался неизвестным или указывался неверно. Препятствием для правильной атрибуции стала смена имени при пострижении в схиму. Письмо Гоголя и его суждения об обители стали хрестоматийными. В 1916 г. С.Н. Дурьлин процитировал гоголевские строки и распространил мысль, обобщая духовный опыт многих людей: «Да, быть в Оптиной, – быть в ней всегда, когда пишешь, учишься, работаешь, страдаешь, умираешь далеко от нее – и быть все же в Оптиной <...> Гоголь сказал то, что сказали бы все, оживотворенные оптинской любовью и властью, все – от Киреевского до плачущей бабы».

Ключевые слова: Гоголь, иеросхимонах Феодот (Кольцов), монастырь Оптина Пустынь, старцы, монашество, духовное наставничество.

Для цитаты:

Воропаев В.А. «Ради Самого Христа, молитесь обо мне...»: Оптинский адресат Н.В. Гоголя [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Voropaev.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020304

For citation:

Voropaev V.A. [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Voropaev.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020304

В Оптиной Пустыни Гоголь бывал трижды: в июне 1850 г. и в июне и сентябре 1851 г. Эти поездки и знакомства с оптинскими иноками оставили глубокий след в душе писателя. Спустя три недели после первого посещения монастыря он писал графу А.П. Толстому из родового имения Васильевки: «Я заезжал на дороге в Оптинскую Пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. Это слышится в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе, почему. Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное» (из письма от 10 июля 1850 г.) [4, с. 337–338].

² Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-04-00407а («Новые аспекты изучения биографии и творчества Н.В. Гоголя»).

В самом деле, прославленные ныне в лике святых четырнадцать преподобных отцев и старцев Оптинских – это лишь малая толика того святого братства, которое подвизалось в благодатной обители. Под руководством мудрых пастырей спасались десятки, сотни монашествующих и мирян. Чьи-то имена нам известны, но большинство из них ведомо теперь одному Богу.

Рис.1. Гоголь. Художник Ф.А. Москвитин (2007)

Речь пойдет об одном из таких подвижников христианского благочестия – иеросхимонахе Феодоте (Кольцове), оптинском старце, духовнике братии Гефсиманского скита при Свято-Троицкой Сергиевой лавре. Гоголь познакомился с отцом Феодотом, в ту пору иеромонахом Филаретом, во время своего первого посещения Оптиной Пустыни летом 1850 г. 19 июня Гоголь и его спутник М.А. Максимович выехали из обители в имение И.В. Киреевского Болдино, находившееся в сорока верстах от монастыря. Отсюда Гоголь на следующий день написал письмо иеромонаху Филарету:

«Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо, и силы мои не только ничтожны, но их нет без освеженья свыше. Говорю вам об этом неложно. Ради Христа, обо мне молитесь. Покажите эту записочку мою отцу игумену и умоляйте его вознести свои мольбы обо мне грешном, чтобы удостоил Бог меня недостойного поведать славу имени Его, не посмотрев на то, что я всех грешнейший и недостойнейший. Он силен, Милосердый, сделать всё и меня, черного, как уголь, убелить и возвести до той чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном. Ради Самого Христа, молитесь. Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской Пустыне.

Бог да воздаст вам всем сторицею за ваше доброе дело. Ваш всею душою Николай Гоголь» [Там же, с. 332–333].

В эпистолярном наследии Гоголя трудно найти другое письмо, в котором бы так проникновенно было выражено его христианское мирозерцание, молитвенное устройство души. Долгое время адресат этого письма оставался неизвестным или указывался неверно.

Письмо написано на полулисте почтовой бумаги большого формата, сложенного пополам, в размер почтового листа. На обороте рукой Гоголя надписано: «Отцу Филарету, иеромонаху в Оптинской Пустыне». На подлиннике имеется помета игумена монастыря преподобного Моисея (Путилова): «Получено из села Долбино помещика Ивана Васильевича Киреевского 26 июня 1850».

Впервые письмо было напечатано со следующим пояснением, адресованным редактору «Домашней Беседы» В.И. Асконченскому: «В бумагах настоятеля нашей обители покойного о. архимандрита Моисея, нашлось собственноручное письмо незабвенного Н.В. Гоголя, писанное им в 1850 году к одному старцу-иеромонаху. Из расспросов я узнал, что Николай Васильевич, посетив в этом году нашу обитель, слушал в церкви всенощное бдение, во время которого молился весьма усердно и с сердечным умилением, потом посетил некоторых старцев и уехал в Белевский уезд в с. Долбино, имение покойного И.В. Киреевского, одного из истинных друзей своих, откуда и написал предлагаемое письмо» [14, с. 457–458; см. также 7, с. 732].

Позднее И.Л. Щеглов (Леонтьев) перепечатал это письмо в статье «Гоголь в Оптиной Пустыни (Из дорожных заметок)» и задался вопросом, кто мог быть адресатом Гоголя: «Оптинские монахи, которых я расспрашивал по поводу этого письма, почему-то относят его по адресу совсем иного о. Филарета – старца московского Новоспасского монастыря, известного друга и духовника Ивана Васильевича Киреевского» [17, перепечатано: 18, 19]. Однако Новоспасский иеромонах Филарет (Пуляшкин), умерший в 1842 г., разумеется, не мог быть адресатом письма Гоголя, о чем и говорит И.Л. Щеглов в своей статье. Но при этом строит самые невероятные предположения относительно того, кому в действительности могло быть адресовано это письмо.

В 1901 г. письмо Гоголя было напечатано в издании В.И. Шенрока без сообщения каких-либо сведений о иеромонахе Филарете [См.: 13, с. 327–328]. Г.П. Георгиевский, главный хранитель Отдела рукописей Румянцевской (ныне – Российской государственной) библиотеки, в статье «Оптинские письма Гоголя» (1928), долгое время остававшейся неопубликованной, называет адресата Гоголя «одним из известных старцев Оптиной Пустыни» [2, с. 417]. Комментируя письмо, исследователь замечает: «Когда письмо было доставлено в Оптину Пустынь из Долбина, оно по естественному порядку строгой монастырской жизни прежде всего попало в руки монастырского настоятеля отца Моисея. Игумен Моисей, ознакомившись с содержанием письма, собственноручно сделал на нем пометку о времени получения его в Оптиной и о месте отправления его <...> Впрочем, и в желание Гоголя входило, чтобы и игумен прочитал его письмо и совершил за него молитву» [Там же].

Рис.2. Собор преподобных отцев и старцев Оптинских.

И далее Г.П. Георгиевский делится своими соображениями по поводу гоголевского письма: «Что Филарет ответил Гоголю и вообще писал ли он ответное письмо, остается до сих пор не известным, так как такого письма не только не опубликовано, но, по-видимому, и не сохранилось в составе уцелевшей переписки Гоголя. Можно даже думать, что его и не было. Гоголь едва ли мог сообщить свой адрес, по которому можно было бы послать ему ответ. По крайней мере в письме к отцу Филарету такого адреса нет. <...> Да и по существу письмо Гоголя не требовало непременно и определенного ответа. По всем этим соображениям вполне допустимо, что ответного письма от отца Филарета не последовало» [Там же, с. 417–418].

Завершает свои размышления исследователь следующим образом: «Писал ли еще кому-нибудь в Оптину Гоголь одновременно с письмом к Филарету – тоже остается неизвестным, и тоже отрицательный ответ и на этот вопрос представляется наиболее вероятным. По-видимому, Гоголь кроме Филарета, на этот раз никому не писал в Оптину Пустынь, хотя в первое свое короткое посещение Оптиной он уже успел познакомиться с другими старцами ее. В письме к Филарету он обращается и к настоятелю, и к тем, "кто у вас усерднее молится и любит молиться", и даже ко всей братии. Едва ли такие обращения были бы возможны, если бы Гоголь собирался писать еще письма в Оптину. По-видимому, письмо к Филарету имело в виду коллективного адресата и освобождало Гоголя от труда еще писать в Оптину» [Там же, с. 418].

Эти рассуждения можно признать вполне резонными и проясняющими некоторые обстоятельства, связанные с письмом Гоголя к иеромонаху Филарету. Но в статье Г.П. Георгиевского не содержится сведений о самом адресате письма.

В 1993 г. Р.В. Багдасаров по материалам Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки напечатал избранные страницы Летописи скита Оптиной Пустыни (1845–1882), которая велась по благословию и под непосредственным наблюдением Оптинских старцев [См.: 11]. Публикация сопровождается комментариями, в которых, в частности, приводятся краткие сведения о насельниках монастыря и некоторых мирянах, посещавших скит.

Комментируя запись от 22 октября 1853 г. (день Казанской иконы Божией Матери, храмовый праздник в монастыре), Р.В. Багдасаров среди принимавших участие в богослужении называет иеромонаха Филарета (1785–1864), который согласно «Формулярным спискам монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптины Пустыни» по болезненному состоянию уволен по собственному прошению от должности наместника Московского Ставропигиального Новоспасского монастыря и определен в Оптину Пустынь 3 марта 1843 г. [Там же, с. 54, 136].

На основании этих сведений в комментариях к переписке Гоголя на протяжении двух десятилетий указывалось, что письмо Гоголя от 20 июня 1850 г. адресовано бывшему наместнику Московского Новоспасского монастыря иеромонаху Филарету (Семенову) [См.: 2, с. 429; 3, с. 749; 5, с. 802]. Однако эта атрибуция оказалась ошибочной. Адресат письма Гоголя – иеромонах Филарет (в схиме Феодот; Кольцов, 1804–1873). Препятствием для правильной атрибуции стала смена имени при пострижении в схиму. Скажем несколько слов об этом великом монахе-аскете, прозорливом духовнике и молитвеннике³.

Вид Введенской Оптиной Пустыни близ Козельска Калужской губернии. Середина XIX в. Раскрашенная литография

Рис.3. Вид Введенской Оптиной Пустыни близ Калужской губернии. Середина XIX века.
Раскрашенная литография.

Феодот Захарович Кольцов происходил из государственных крестьян Тульской губернии. В Оптину Пустынь поступил в 1834 г. тридцати лет. Находился под духовным окормлением сначала преподобного Льва (Наголкина), потом преподобного Макария (Иванова). 23 декабря 1842 г. пострижен в монахи с именем Филарет, 30 июня 1846 г. рукоположен во иеродиакона, 11 декабря 1849 г. – во иеромонаха. Послушание проходил на мельнице, в разных посылках, клиросным.

На протяжении многих лет отец Филарет исполнял обязанности сборщика (собирал деньги на обитель и записывал дарителей в особую тетрадь); при этом несколько не изменилось его внутреннее монашеское устройство, что бывает далеко не всегда. Тем не менее, опасаясь вреда душевного, могущего произойти от общения с миром, он в апреле 1851 г. перешел в Спасо-Преображенский монастырь Казанской епархии, а в августе того же года – в Гефсиманский скит при Свято-Троицкой Сергиевой лавре. 10 декабря 1851 г. отец Филарет был

³ Пользуясь случаем, приношу благодарность оптинскому иеродиакону Платону (Рожкову) за уточнение некоторых сведений об иеросхимонахе Феодоте (Кольцове).

назначен духовником братии. 23 декабря 1854 г. по благословению святителя Филарета, митрополита Московского, он принял схиму с именем Феодот.

Схима – высшая степень монашества, соединенная со строгими обетами самоотвержения. Монах, принявший схиму, иначе – великий ангельский образ, – дает обет отречения от мира и всего мирского. Перед пострижением в схиму отец Филарет советовался со своим духовным отцом, преподобным Макарием. Вот что отвечал ему старец в июне 1854 г.:

«В письме своем от 5 мая ты, уведомляя меня о своей болезни и о том, что лекарственные пособия не приносят тебе ощутительной пользы, между прочим говоришь, что советуют тебе просить схимы. Ты же, склоняясь на предложение сие сердечным желанием, с другой стороны, колеблешься мыслию, видя, что по телесной немощи своей не в состоянии будешь исполнять схимнического правила и на таковые твои недоумения просишь моего совета» [16, с. 383].

И далее, приведя суждения святых отцов по поводу принятия схимнического образа и о правиле для немощных, старец заключает письмо следующим рассуждением: «...если желаешь оставить духовничество и принять схиму, прежде всего должен обратиться с молением к Богу, прося Его помощи, да совершится на тебе воля Его святая; и потом, отвергая свою волю и разум, предложить сие намерение свое на рассуждение начальников и поступить во всем согласно их решению, без сомнения принимая оное за определение о тебе воли Божией» [Там же, с. 384].

Прожив семь лет в Гефсиманском скиту при Свято-Троицкой Сергиевой лавре, отец Феодот пожелал совершенного безмолвия и уединения. По благословению наместника лавры архимандрита Антония (Медведева) он удалился с двумя иеросхимонахами в глубину леса за пять верст от скита. Здесь схимники построили себе кельи на расстоянии друг от друга в вержéние камня (мера длины, определяемая полетом камня средней величины) и предались безмолвию и иноческим трудам. В 1858 г. на этом месте была основана Параклитова пустынь, начальником которой назначен иеросхимонах Феодот. После пятилетнего пребывания здесь он решил возвратиться в Оптину, дабы найти последнее упокоение рядом с могилами святых старцев-схимников преподобных Льва и Макария.

Воропаев В.А.

«Ради самого Христа, молитесь обо мне...»: Оптинский адресат Н.В. Гоголя
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 26–37.
doi: 10.17759/langt.2015020304

Voropaev V.A.

"For the sake of Christ, pray for me ...":
Optina's addressee of N.V. Gogol
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 26–37.
doi: 10.17759/langt.2015020304

Рис.4. Преподобный Макарий Оптинский

В апреле 1863 г. отец Феодот вернулся в родную обитель и принят был с любовью оптинским настоятелем и братией. Двери его кельи никогда не закрывались для нуждавшихся в его молитвенной помощи и совете. До конца своих дней он подавал монастырской братии пример усердием к молитве и церковному богослужению, а также смирением, простотою и нестяжательностью [См.: 1, с. 242–244; 10, с. 365; 12, с. 270, 686–687; 15, с. 139–141].

Отец Феодот почил мирной христианской кончиной 8 марта 1873 г.; погребен между Казанским и Введенским соборами. Как сказано в его жизнеописании, «любовь некоторых духовных чад его и расположенных к нему особ воздвигла ему памятник, внутри которого день и ночь теплится лампада пред образом Спасителя» [1, с. 244].

Рис.5. Могила иеросхимонаха Феодота.

По всей видимости, Гоголь больше не встречался с отцом Филаретом. Во время его посещений Оптины в 1851 г. того уже не было в обители. Но нет сомнений, что молитвенное общение между ними продолжалось. В письме к монаху Порфирию (Григорову) из Одессы от 6 марта 1851 г. Гоголь передает душевный поклон «настоятелю, отцу Филарету и всей братии» [4, с. 401].

Письмо Гоголя к оптинскому иеромонаху Филарету (Кольцову) и его суждения об обители стали хрестоматийными. В 1916 г. С.Н. Дурьин в очерке «Начальник тишины» процитировал гоголевские строки и распространил мысль, обобщая духовный опыт многих людей: «Да, быть в Оптиной, – быть в ней всегда, когда пишешь, учишься, работаешь, страдаешь, умираешь далеко от нее – и быть все же в Оптиной <...> Гоголь сказал то, что сказали бы все, оживотворенные оптинской любовью и властью, все – от Киреевского до плачущей бабы» [9, с. 317].

Ср. отмеченное А.Б. Гольденвейзером 14 августа 1909 г. негативное отношение к гоголевскому письму графа Толстого: «Льву Николаевичу очень не понравилось письмо Гоголя в Оптин монастырь с просьбой, чтобы о нем молились. "Очень нехорошее письмо, – сказал Лев Николаевич. – Жалкое какое-то самоунижение и в то же время – преувеличенное значение своих писаний"» [8, с. 293].

Весной 1853 г., к Троицкой родительской субботе (приходилась в этом году на 6 июня), Мария Ивановна Гоголь послала в Оптину деньги на помин души старшего сына Николая. Игумен Моисей отвечал ей 30 мая из монастыря: «Почтеннейшее Ваше письмо от 19-го сего мая и при оном пятьдесят рублей серебром от усердия Вашего имел честь получить, согласно христианскому желанию Вашему на приношение в обители нашей при Божественной Литургии выниманием частей о упокоении незабвенного и достойного памяти сына Вашего

Николая Васильевича. Благочестивые его посещения обители нашей носим в памяти неизгладимо. По получении нами из Москвы печального известия о кончине Николая Васильевича, с февраля прошлого года исполняется по душе его поминовение в обители нашей на службах Божиих и навсегда продолжаемо будет с общезаботливым усердием нашим и молением премилосердного Господа; да упокоит душу раба Своего Николая во Царствии Небесном со святыми, а Вам да ниспослет свыше благословение, здравие и небесное утешение в огорчительном лишении единственного сына» [6, с. 120].

В наши дни поминовение Николая Гоголя на оптинских службах восстановлено.

Литература

1. <Архимандрит Леонид (Кавелин).> Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Изд. 3-е, доп. /Репринтное издание Свято-Введенской Оптиной Пустыни, <1995>. 170 с.
2. Георгиевский Г.П. Оптиные письма Гоголя /Подготовка текста В.А. Воропаева и О.Ю. Щербаковой, примеч. В.А. Воропаева // Н.В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н.В. Гоголя. М.: Издательский дом «К единству!», 2004. С. 412–429.
3. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9: Избранные письма. Краткая летопись жизни и творчества / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994. 784 с.
4. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 15: Переписка. 1848–1852 / Сост., подготовка текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. 624 с.
5. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 16: Летопись жизни и творчества / Сост. И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2010. 816 с.
6. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. /Издание подготовил И.А. Виноградов. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 904 с.
7. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. /Издание подготовил И.А. Виноградов. Т. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 1168 с.
8. Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1959. 488 с.
9. Дурьлин С.Н. Русь прикровенная: [сборник] / Сост. и автор вступ. статьи С. Фомин. М.: Паломник, 2000. 335 с.

10. *Запальский Г.М.* Оптиная Пустынь и ее воспитанники в 1825–1917 годах. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 416 с.
11. Летопись Оптиной Пустыни. Избранные страницы: 1845–1882 /Подготовка текста, введение и коммент. Р.В. Багдасарова // Православие и русская народная культура: [Библиотека «Российского этнографа».] Кн. 1. М., 1993. С. 8–144.
12. Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. Т. 1 /Сост. монах Марк (Хомич). М., 2008. 704 с.
13. Письма Н.В. Гоголя: В 4 т. /Ред. В.И. Шенрока. Т. 4. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, <1901>. 540 с.
14. Письмо Н.В. Гоголя // Домашняя Беседа. 1863. Вып. 2. 18 мая. С. 457–458.
15. Подвижники благочестия Оптиной Пустыни XIX – начала XX века. Жизнеописания. Очерки. Документы. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2012. 448 с.
16. Собрание писем преподобного Макария Оптинского к монахам. Т. 2 /Сост. С.О. Захарченко; коммент. С.О. Захарченко, Т.В. Панюковой. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2014. 670 с.
17. *Щеглов И.Л.* Гоголь в Оптиной Пустыни (Из дорожных заметок) // Торгово-Промышленная Газета». 1900. № 285. 24 декабря. Литературное Приложение № 46.
18. *Щеглов И.Л.* Подвижник слова. Новые материалы о Н.В. Гоголе. СПб. «Мир» В.Л. Богушевского, 1909. 183 с.
19. *Щеглов И.Л.* Н.В. Гоголь: [сборник критических статей]. <СПб.,> 1912. 181 с.

"For the sake of Christ, pray for me ...": Optina's addressee of N.V. Gogol

Voropaev V.A.,

Full Ph.D. (Philology), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
voropaevvl@bk.ru

This article about ieromonahe Filaret who was an Optina's elder, the confessor of brotherhood of Gethsemane monastery at Holy Trinity Sergius Lavra - the addressee of the Gogol's letter to Optina Monastery (village Dolbino June 20, 1850) "For the sake of Christ, pray for me, Father Filaret ...". For a long time the addressee was unknown or be incorrect. The Gogol's letter and his judgments about convent become paradigmatic. In 1916 S.N. Durylin quoted Gogol's line and extended the idea, summarizing the spiritual experience of many people.

Key Words: Gogol, Optina Monastery, elders, monks, spiritual guidance.

References

1. <Archimandrite Leonid (Kavelin).> The historical description of Kozelsk Vvedensky Optina. Ed. 3rd, ext. / Reprint Vvedensky Optina, <1995>. 170.
2. *St George G.P.* Optina letter Gogol / Drafting of V.A. Voropaeva and O. Shcherbakova, n. V.A. Voropaeva // N.V. Gogol and Orthodoxy. Collection of articles about creativity N.V. Gogol. M.: Publishing House "To unity!", 2004, pp 412-429..
3. Gogol N.V. Coll. cit.: The 9 t. T. 9: Selected Letters. A brief chronicle of the life and work / Comp. and comments. V.A. Voropaeva, I.A. Vinogradov. M.: Russian Books, 1994. 784 p.
4. Gogol N.V. Full. cit. Op. and letters: The 17 t. T. 15: Correspondence. 1848-1852 / Comp., Preparation of texts and comments. I.A. Vinogradov, V.A. Voropaeva. M.; Kiev: Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2009. 624 p.
5. N.V. Gogol Full. cit. Op. and letters: The 17 t. T. 16: Chronicles the life and work / Comp. I.A. Vinogradov, V.A. Nikolaev. M.; Kiev: Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2010. 816 p.
6. Gogol in his memoirs, diaries, correspondence contemporaries. Full systematic set of documentary evidence. Sci-critical edition: In 3 vol. / Publication produced I.A. Vinogradov. T. 1. M.: Institute of World Literature of the RAS, 2011. 904 p.

Воропаев В.А.
«Ради самого Христа, молитесь обо мне...»: Оптинский
адресат Н.В. Гоголя
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 26–37.
doi: 10.17759/langt.2015020304

Voropaev V.A.
"For the sake of Christ, pray for me ...":
Optina's addressee of N.V. Gogol
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 26–37.
doi: 10.17759/langt.2015020304

7. Gogol in his memoirs, diaries, correspondence contemporaries. Full systematic set of documentary evidence. Sci-critical edition: In 3 vol. / Publication produced *I.A. Vinogradov*. 3. T. M.: Institute of World Literature of the RAS, 2013. 1168 p.
8. *Goldenveizer A.B.* Near Tolstoy. M.: State publishing house of literature, 1959. 488 p.
9. *Durylin S.N.* Russia covertly: [collection] / Comp. and author of the join. Article S. Fomin. M.: Pilgrim, 2000. 335 p.
10. *Zapalsky G.M.* Optina and its pupils in the 1825-1917 years. Handwritten M.: Monuments of Ancient Rus, 2009. 416 p.
11. Annals of Optina. Selected pages: 1845-1882 / Preparation of the text, introduction and comments. *R.V. Bagdasarov* // Orthodoxy and Russian folk culture: [Library "Russian ethnographer."] Pr. 1. M., 1993. S. 8-144.
12. Annals of the monastery of St. John the Baptist and located at Kozelsk Vvedensky Optina: In 2 t. T. 1 / Ed. Monk Mark (Khomich). Moscow, 2008. 704 p.
13. Letters N.V. Gogol: In 4 t. / Ed. VI Shamrock. T. 4. SPb.: Publication AF Marx's <1901>. 540.
14. Letter N.V. Gogol // Home conversation. 1863. Vol. 2. May 18th. Pp 457-458.
15. Devotees of godliness Optina XIX - early XX century. Biographies. Essays. Documentation. Stauropegial Vvedensky Optina monastery, 2012. 448 p.
16. Collection of letters of St. Macarius of Optina monks. T. 2 / Comp. S.O. Zakharchenko; comments. S.O. Zakharchenko, T.V. Panyukova. Petrozavodsk: Publishing house of Petrozavodsk State. University Press, 2014. 670 p.
17. *Goldfinches I.L.* Gogol Optina (Notes from the Road) // Commerce and Industry Newspaper. " 1900. № 285. 24 December. Literary Supplement number 46.
18. *Goldfinches I.L.* Ascetic word. New materials on the N.V. Gogol. SPb. "Peace" V.L. Bogushevsky, 1909. 183 p.
2. *Goldfinches I.L.* N.V. Gogol: [collection of critical essays]. <SPb.,> 1912. 181 p.

Традиционное и индивидуальное в древнерусской словесности: библейская цитата-топос в Сказании о Борисе и Глебе

Ранчин А.М.,

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и кафедры журналистики и телевидения Высшей школы телевидения (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, aranchin@mail.ru

В статье рассматривается проблема соотношения топики, диктуемой традицией, и индивидуального начала в древнерусской агиографии, ориентирующейся на канон, на принципы «эстетики тождества». В качестве примера анализируется цитата из Евангелия от Матфея (5: 14–15), являющаяся житийным топосом. Показано, что своеобразие текста заключается не в отступлении от задаваемого традицией канона, а в его варьировании. Очевидно, такое варьирование вообще характерно для топики в древнерусской агиографии, как и в традиционалистской литературе в целом.

Ключевые слова: топка, агиография, цитата, Сказание о Борисе и Глебе, древнерусская литература.

Для цитаты:

Ранчин А.М. Традиционное и индивидуальное в древнерусской словесности: библейская цитата-топос в Сказании о Борисе и Глебе [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Ranchin.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020305

For citation:

Ranchin A.M. [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [*Language and Text langpsy.ru*], 2015, vol. 2, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Ranchin.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020305

В изучении традиционалистской литературы, следующей принципам «эстетики тождества» и ориентирующейся на воспроизведение моделей-образцов, существует проблема соотношения «общих мест» (топики) и индивидуальных особенностей конкретного текста: что отличает друг от друга эти тексты и каким образом вообще возможно возникновение их своеобразных черт, если поэтика произведения определяется достаточно жесткими канонами? В наиболее заостренной форме эта проблема была сформулирована Ю.М. Лотманом, применившим к традиционалистской литературе подход, основанный на теории информации: «Как же может получиться, что система, состоящая из ограниченного числа элементов с тенденцией к предельной их стабилизации и с жесткими правилами сочетания, тяготеющими к канону, не автоматизируется, то есть сохраняет информативность как таковая?» [5, с. 438].

Ответ самого Ю.М. Лотмана может быть сведен к двум идеям.

Во-первых, в традиционалистском (каноническом) искусстве, в том числе и словесном, доминирует установка не на (клишированное) содержание, а на код, который и получает прежде всего реципиент, в частности читатель литературного произведения. При этом передаваемый код играет роль возбудителя новой информации в сознании получателя (читателя): «Это самовозрастание информации, приводящее к тому, что аморфное в сознании получателя становится структурно организованным, означает, что адресат играет гораздо более активную роль, чем в случае простой передачи определенного объема сведений. В случае, когда мы имеем дело с получением информативного возбудителя, это, как правило, строго урегулированный текст, который способствует самоорганизации воспринимающей личности. <...> Сверхупорядоченность плана выражения здесь приводит к тому, что связь между выражением и содержанием теряет присущую естественным языкам однозначность и начинает строиться по принципу узелка и связанного с ним воспоминания. <...> Получатель фольклорного (а также и средневекового) художественного сообщения лишь поставлен в благоприятные условия для того, чтобы прислушаться к самому себе. Он не только слушатель, но и творец. С этим связано и то, что столь каноническая система не теряет способности способности быть информационно активной. <...> [Г]рафический или иначе зафиксированный текст — это лишь наиболее осязаемая, но не основная часть произведения. Оно нуждается в дополнительной интерпретации, включении в некоторый значительно менее организованный контекст» [5, с. 439-440]. Таким образом, например, получается, что читатель жития не столько приобретает сведения о святом, сколько соотносит с его деяниями собственные поступки, умиляясь подвижнику, ощущая собственную греховность и ничтожность, каюсь в них и пытаюсь жить иначе. Получаемый при чтении код реорганизует собственный жизненный опыт читающего, побуждает по-новому увидеть себя.

Во-вторых, «следует учитывать, что между структурой текста и осмыслением этой структуры на метауровне общего культурного контекста могут быть существенные расхождения. Не только отдельные тексты, но и целые культуры могут осмыслять себя как ориентированные на канон. Но при этом строгость организации на уровне самоосмысления может компенсироваться далеко идущей свободой на уровне построения отдельных текстов. Разрыв между идеальным самоосмыслением культуры и ее текстовой реальностью в этом случае становится дополнительным источником информации» [5, с. 441]. Для иллюстрации Ю.М. Лотман приводит классический пример: несовпадение между консервативной культурной позицией протопopa Аввакума и новаторским характером созданных им текстов.

Исследователь отметил очень важные свойства, характерные для рецепции текста в традиционалистской культуре, однако полностью согласиться с его концепцией невозможно. Прежде всего, каноническое искусство нельзя характеризовать, опираясь на произведения, отчетливо и явно этот канон нарушающие, и тем более на тексты, созданные в эпохи кризиса традиционалистской культуры (таков случай протопopa Аввакума). Подобные исключения отнюдь не подтверждают правила, не типичны для культуры, построенной на принципах «эстетики тождества». Кроме того, и это главное, автор статьи «Каноническое искусство как информационный парадокс», выделяя кардинальное отличие канонического искусства от искусства, подчиненного установке на новизну, исходит из позиции получателя, но не отправителя информации. Между тем эти позиции несхожи и могут существенно различаться. Автор текста стремится нечто сообщить адресату, но не только побудить к перестройке внутреннего «я». Так, агиограф декларирует в качестве своей главной цели сохранение памяти о святом, для чего обыкновенно (если это возможно) собирает сведения о его жизни. В противном случае традиционалистская культура, по-видимому, могла бы ограничиваться

очень малым числом текстов — для трансляции соответствующих кодов большое количество не требуется.

Восприятие получателем заключенных в тексте кодов как языка для описания и осмысления собственной жизни и своего «я» в отдельных случаях не просто крайне затруднено, но даже как будто бы противоречит установке, характерной для этих текстов: так, перипетии судьбы героя волшебной сказки или подвиги былинного богатыря по самой сути своей принадлежат иной реальности, иному семантическому континууму, нежели мир, в котором находится аудитория народного сказителя.

Произведения или даже целые культуры и эпохи, приверженные принципам традиционализма, очень часто не знают эстетического как автономного явления и, соответственно, не стремятся к реализации принципа художественной новизны и оригинальности – пусть даже в границах традиции, и создание и бытование текстов в этих культурах диктуется иными условиями, нежели установка на передачу или порождение новой информации. Таковы тексты, обладающие сакральной функцией или тем или иным образом соотношенные с сакральной сферой. Для письменных памятников такого рода уместно в качестве определения понятие словесность, предложенное С.С. Аверинцевым, противопоставившим словесность в этом особенном значении литературе, которая реализует эстетическую установку [1]. Как словесность в этом понимании могут быть определены не только тексты Священного Писания, которые рассматривает С.С. Аверинцев, настаивая на их кардинальном отличии от (древнегреческой) литературы, но и, например, памятники древнерусской книжности, в частности жития святых.

В действительности ни план содержания, ни в план выражения в произведениях традиционалистского рода не могут быть полностью клишированными, трафаретными. Если в волшебной сказке есть устойчивый сюжетный код (последовательность функций, описанных В.Я. Проппом и сведенных к меньшему числу инвариантов семиотиками и нарратологами, прежде всего французскими), то выбор актантов зависит исключительно от свободной воли сказителя, так же, как и обобщение, дублирование или исключение самих функций. Мало того: именно на трафаретном фоне инвариантного сказочного сюжета особенно выразительны вариации, которые воспринимаются как новая и непредсказуемая информация. В данном случае новое – не нарушение, а варьированием канона (традиции, модели), который является достаточно эластичным. Поэтика сюжета волшебной сказки – выразительный пример, демонстрирующий весьма условный характер оппозиции каноническое искусство – неканоническое искусство. Структура волшебной сказки оказывается родственной структуре одного из жанров литературы Нового времени (правда, литературы развлекательной, массовой) – детективной новеллы, которая может описываться как «единая система типовых событийных единиц (мотивов), как это было сделано Проппом для волшебных сказок» [13, с. 97]. В детективной новелле новизна, непредсказуемость конкретной информации (кто окажется убийцей, как преступник будет изобличен – неизвестно) сочетается с трафаретностью кода и передаваемой им информации на обобщенном уровне, на уровне абстракции (обязательно происходит и расследуется преступление, и столь же обязательно виновный будет установлен)

Другой пример такой вариативности канона — преподобническая агиография, в которой жестко реализуется последовательность топосов – воспроизводящихся, переходящих из текста в текст сюжетных мотивов, эпизодов (ср. из последних работ на эту тему прежде всего [10]), а в более широком понимании также реулярно воспроизводящихся единиц плана выражения –

словесных формул и т. д. Однако графетной является лишь семантика этих топосов – ячеек, «кластеров» житийного текста, в то время как конкретное заполнение, носители, означающие этой семантики могут быть самыми разными. Кроме того, до некоторой степени возможно варьирование в синтаксисе текста (последовательность топосов строго задана в пределах целого текста, но перестановки допустимы внутри отдельных смысловых блоков). Также возможны исключение или замена отдельных компонентов житийной топики.

Ограничусь примерами, относящимися к двум топосам. Первый топос – «[м]отив божественных знамений, до рождения святого и/или во младенчестве, свидетельствующих о его избранности и посвященности Богу» [10, с. 436]. Его вариации весьма разнообразны. В Житии Феодосия Печерского он представлен в «слабой» форме – в эпизоде наречения имени при крещении, когда священник-прозорливец нарекает святому его имя, означающее «дарованный Богу», в Житии Авраамия Смоленского это чудо — видение, открытое некоей инокине, которая видит некую пресветлую жену, берущую на руки новорожденного (очевидно Богородицу), в Житии Сергия Радонежского таким знамением является троекратное возгласие ребенка из чрева матери. Второй топос – «[п]одвижник покидает родительский дом <...> и уходит в монастырь» [10, с. 441]; один из первых примеров содержится в Житии Антония Великого. Он также варьируется. Феодосий Печерский пытается уйти из родного дома дважды, причем тайно, вопреки воле непреклонной матери, Авраамий Смоленский постригается после смерти родителей, в чем агиограф видит проявление Провидения, Сергия-Варфоломея отец и мать упрощают остаться в миру до их кончины, и он исполняет родительскую просьбу.

Проследим сочетание традиционного и индивидуального смыслов в на примере одной из библейских цитат в Сказании о Борисе и Глебе⁴. Хотя функции реминисценций из Писания в этом памятнике многократно исследовались (см., в частности, [14, р. 13-16; 11])⁵, эта цитата, насколько мне известно, не была предметом особого внимания.

Агиограф вслед за рассказом о временном забвении памяти Бориса и Глеба после перенесения мощей младшего брата в Вышгород вписывает в текст жития фрагмент,

⁴ Как справедливо напоминает М. Гардзани, реминисценции, обыкновенно определяемые исследователями как функциональные заимствования из Священного Писания, попадали в древнерусскую книжность чаще всего не из библейских книг, до 1499 года не сведенных в единый корпус, а из богослужебной практики и должны были восприниматься древнерусской аудиторией именно в таком контексте, и это обстоятельство должны учитывать медиоведы [2, с. 17–31, 192–193]. Однако исконная принадлежность фрагментов той или иной библейской книге акцентировалась на богослужении, к тому же они находились в составе богослужебных книг, содержащих библейские фрагменты (как Евангелие-апракос) и могли восприниматься еще и на этом фоне. Так или иначе, рассматриваемая цитата, являясь достаточно изолированным речением-афоризмом, по-видимому, не приобретает нового, особенного смысла в контексте церковной службы.

⁵ В своей статье, посвященной функции цитат из Нового Завета в Сказании о Борисе и Глебе, В.И. Тузиков указывает на несостоятельность моего утверждения, что почитание князей (в том числе причисленных к лику святых как мученики) основывалось, в частности, на представлении о воплощении правителем полноты рода и земли, в чем князь оказывался до некоторой степени подобен Богочеловеку Христу [8, с. 110-111]. Как замечает В.И. Тузиков, это представление ни в коей мере не является каноническим и составители житий нигде не выражают его [11, 60–61]. Это возражение основано на недоразумении, на неверном понимании моей мысли: в моей работе речь идет о дохристианском по своим истокам языческом субстрате, создававшем предпосылки для формирования почитания (в христианской культуре он мог иметь неосознанный характер), а отнюдь не о рефлексии богословского рода. Именно указанное обстоятельство позволяет объяснить, почему из мирян в домонгольский период и в первые столетия монгольского были канонизированы только князья.

композиционная функция которого – обеспечить смысловой переход к сообщению о вскоре последовавших чудесах, прославивших святых братьев и город, в котором они были захоронены: «Яко же рече Г(оспод)ь не может градъ оукрыти ся врѣху горы стоя. ни свѣщѣ въжъгъше сподъмь покрывають. нѣ на свѣтилѣ поставляють да свѣтитъ тьмьныя. тако и си с(вя)тая постави свѣтити въ мире премногими чудесеы» [12, с. 55–56, стб. 16в]. Это речение Христа (Мф.5: 14–15) — своеобразная формула, характеризующая прежде неизвестную, но явленную и прославленную святость. В славянской Библии она имеет такой вид: «Не может градъ оукрыти ся врѣхоу горы стоя. ни въжагають свѣтильника. и поставляють его подъ сподъмь нѣ на свещьницѣ. да свѣтитъ всѣмъ» [7, л. 212г; 6, с. 1539]. Цитата именно с этой смысловой установкой регулярно воспроизводится в переводной и оригинальной древнерусской агиографии, а также в памятниках южнославянской книжности. Она, например, содержится в Житии Михаила Тверского, в многочисленных преподобнических агиобиографиях (см. примеры в работе [4, с. 44, 134, 301–311]), в Хронике сербских кралей. Устойчивость контекста и функции этой реминисценции в различных житиях делают ее так называемой цитатой-топосом (см. о цитатах-топосах [3; 9]), в преподобнической агиографии М.К. Кузьмина выделяет у этой цитаты четыре ядра значений [4, с. 301–311].

Однако в Сказании о Борисе и Глебе эта традиционная цитата приобретает дополнительный смысл, так как весьма сложным и искусным образом встраивается в текст, соотносясь с его пространственной структурой (см. о ней [8, с. 22–23, 75–85]). Библейская цитата непосредственно предшествует прославлению Вышгорода как места упокоения мощей братьев. Души Бориса и Глеба возносятся в небо, к престолу Бога, а их тела, нетленные и не источающие смрада, положены в Вышгороде — городе, в чьей названии присутствует сема «вышина», «высота». Агиограф обыгрывает внутреннюю форму названия «Вышгород», наделяя этот город признаком избранности и славы, связанной со святыми братьями: «Блаженъ по истинѣ и высокъ паче всѣхъ градъ роусьскихъ и вышии градъ. имыи въ себе таковое скровище. емоу же не тѣчнь ни всь миръ по истине Вышегородъ нарече ся. вышии и превышии городъ всѣхъ» [12, с. 57, стб. 17б]. Непосредственно библейская цитата говорит о прославлении Бориса и Глеба чудесами в Вышгороде. Однако шире она соотносится и с обнаружением тела Глеба, поверженного или захороненного, оставленного убийцами в пустынном месте, в лесу. Святость отростотерпца являют чудеса, в том числе световые: «видѣша свѣтъ и свѣщѣ в поустѣ мѣстѣ» [12, с. 55, стб. 16б]. Так и отыскивают мощи люди Ярослава Мудрого. И тело было «свѣтло» [12, с. 55, стб. 16 в].

В связи со световой символикой Сказания и мотивом света в цитате может быть значимой неточность этой реминисценции. В евангельском речении нет лексемы «тьмьныя», которая образует внутри цитаты оппозицию свет – тьма. Эта оппозиция вписывается в более обширный контекст Сказания о Борисе и Глебе, где свет соотносится со святостью стратотерпцев, в то время как тьма характеризует братоубийцу-нечестивца Святополка и его приспешников. Вышгород, бывший резиденцией преступника и местом его совещания с исполнителями убийства, принадлежал миру тьмы как в символично-метафорическом, так и в реальном смысле, ибо ночной совет происходил ночью: Святополк «пришедъ Ввшегородоу ночь отаи призва Поутьшу и вышегородскыѣ моужѣ» [12, с. 46, стб. 10б–10в]. Таким образом, Вышгород, бывший вместилищем тьмы и греха, становится обителью света и святости, обретая соответствие своему «высокому» имени.

Так цитата-топос получает в контексте памятника дополнительный смысл. Текст жития как бы реализует, материализует, развертывает смысл Христова речения, впитывает его в себя, проникается им. Здесь, как, по-видимому, и во многих других случаях, стремясь «умножить»,

амплифицировать духовный смысл произведения», древнерусский книжник ставил не «убедить и привести человека к плодотворному действию» (эту функцию библейских цитат считает основной М. Гардзанити [2, с. 34–35]), но приблизить описываемые события к тексту Священного Писания, соотнести с Вечностью, прижать им дополнительный сакральный ореол. Топика, диктуемая традицией, и индивидуальная семантика не противоречат другу. Оригинальное оказывается дополнением и варьированием канонического.

Литература

2. *Аверинцев С. С.* Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние двух творческих принципов) // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 13—75.
3. *Гардзанити М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М.: Индрик, 2014. – 232 с.
4. *Кузьмина М. К.* Библейские цитаты-топосы в древнерусской литературе житий святых // Известия Смоленского государственного университета, 2014, № 2 (26). С. 8-16.
5. *Кузьмина М. К.* Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV –XVII вв.: дисс. ...канд. филол. наук. М., 2014. – 602 с.
6. *Лотман Ю. М.* Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб., 1998. С. 436-441.
7. Острозька Библия / Опрацював та приготував до друку ерм. архимандрит др. Рафаїл (Роман Турконяк). Київ: Українське Біблійне Товариство; Львів: Благодійний Фонд «Книга», 2006. – 1957 с.
8. Остромирово Евангелие 1056-1057 года по изданию А.Х. Востокова. М.: Языки славянской культуры, 2007. – 968 с.
9. *Ранчин А. М.* Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 576 с.
10. *Ранчин А. М.* О топике древнерусской словесности. К проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2012, № 3 (49). С. 21-32.
11. *Руди Т. Р.* О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 431–500.

Ранчин А.М.
Традиционное и индивидуальное в древнерусской
словестности: библейская цитата-топос в Сказании о
Борисе и Глебе
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 38–46.
doi: 10.17759/langt.2015020305

Ranchin A.M.
Traditional and individual in ancient
literature: Bible quote-topos in the Tale of
Boris and Gleb
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 38–46.
doi: 10.17759/langt.2015020305

12. *Тузиков В. А.* Библейские цитаты в «Сказании и страдании и похвале святым мученикам Борису и Глебу» // Известия Волгоградского государственного университета, 2008, № 10. С. 61-64.
13. Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М.: Наука, 1971. – 754 с.
14. *Щеглов Ю. К.* К описанию структуры детективной новеллы // Щеглов Ю.К. Проза. Поэзия. Поэтика. Избранные работы / Сост. А.К. Жолковский, В.А. Щеглова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 86–107.
15. *Picchio R.* The Functions of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of Slavia Orthodoxa // *Slavica Hierosolymitana*. 1977. Vol. 1. P. 1–31.

Traditional and individual in ancient literature: Bible quote-topos in the Tale of Boris and Gleb

Ranchin A.M.,

Full Ph.D. in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
aranchin@mail.ru

The problem of this article is considered by the relation of topic, which is dictated by tradition and individual beginning in ancient hagiography. This problem is also guided by the canon, on the principles of "aesthetic identity." As an example, the quote from the Gospel of Matthew (5: 14-15) is a hagiographical topos, which is analyzed. It is shown that the originality of the text lies in its variation. Obviously, a such variation is typical for topics in ancient hagiography, as in traditionalist literature in general.

Key Words: hagiography, quotation, The Legend of Boris and Gleb, Old Russian literature.

References

3. *Averincev S.S.* Greek "literature" and "Islamic literature" (confrontation between the two creative principles) // *Averincev S.S. Rhetoric and the origins of European literary tradition.* - M.: Languages Slavic culture, 1996. P. 13-75.
4. *Gardzaniti M.* Biblical quotations in Church Slavonic literacy. - M.: Indrikis, 2014. - 232 p.
5. *Kuzmin M.K.* Biblical citations--toposes in ancient literature, *Lives of the Saints* // *Proceedings of the Smolensk State University*, 2014, № 2 (26). P. 8-16.
6. *Kuzmina M.K.* functions in the ancient biblical quotations *prepodobnicheskikh Lives XV - XVII centuries.*: diss. ... cand. filol. Sciences. M., 2014. - 602 p.
7. *Lotman Y.M.* canonical art as the information paradox // *Lotman Y.M. On the art.* SPb.: The Art of St. Petersburg, 1998. S. 436-441.
8. *Ostroh Bible* / *Opratsyuvav that prepare up to Druck EPM. Archimandrite others. Rafail (Roman Turkonyak).* Kiev: Ukraïnske Bibliyne Tovaristo; Lviv: Blagodiynny Fonl "book", 2006. - 1957 p.
9. *Ostrom Gospel, the 1056-1057 edition of A.H. Vostokova.* M.: Languages Slavic culture, 2007. - 968 p.
10. *Ranchin A.M.* *Vertograd zlatoslovny: Old Russian book culture in the interpretation, analysis and commentary.* M.: New Literary Review, 2007. - 576 p.

Ранчин А.М.
Традиционное и индивидуальное в древнерусской
словестности: библейская цитата-топос в Сказании о
Борисе и Глебе
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 38–46.
doi: 10.17759/langt.2015020305

Ranchin A.M.
Traditional and individual in ancient
literature: Bible quote-topos in the Tale of
Boris and Gleb
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 38–46.
doi: 10.17759/langt.2015020305

11. *Ranchin A.M.* On topic of Old Russian literature. On the problem of differentiation of topos and quotations // *Ancient Rus. Questions medievalists*, 2012, № 3 (49). S. 21-32.
12. *Rudy T.R.* On the composition and the lives of Sts topic // *Proceedings of the Department of Old Russian literature of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences*. SPb.: Dmitri Bulanin, 2006. T. 57. P. 431-500.
13. *Tuzikov V.A.* Biblical quotations in the "Tale and suffering and praise the holy martyrs Boris and Gleb" // *Proceedings of the Volgograd State University*, 2008, № 10. S. 61-64.
14. Assumption collection of XII-XIII centuries. / Ed. Getting. *O.A. Knyazevskaya, V.G. Demyanov, M.V. Lyapon*. M.: Nauka, 1971 - 754 p.
15. *Shcheglov J.K.* The description of the structure of detective novels // *Shcheglov J.K. Prose. Poetry. Poetics. Selected works / Comp. A.K. Zholkovsky, V.A. Shcheglova*. M.: *New Literary Review*, 2012. P. 86-107.
16. *Picchio R.* The Functions of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of Slavia Orthodoxa // *Slavica Hierosolymitana*. 1977. Vol. 1. - P. 1-31.

Святитель Феофан (Говоров) и греческая богословская школа на острове Халки⁶

Щербакова М.И.,

доктор филологических наук, член Союза писателей России, член-корреспондент Международной Академии наук педагогического образования, Москва, Россия, *m-shcherbakova@mail.ru*

В статье рассматривается деятельность Святителя Феофана (Говорова), внимание которого было обращено на общее состояние Православной Церкви на Востоке и, в частности, на подготовку священнослужителей.

Ключевые слова: Святитель Феофан, Православная церковь, греческая богословская школа.

Для цитаты:

Щербакова М.И. Святитель Феофан (Говоров) и греческая богословная школа на острове Халки [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Shcherbakova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020306

For citation:

Shcherbakova M.I. St. Theophan (Govorov) and the Greek theological school on the island of Halki [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Shcherbakova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020306

В 1844 г. в греческом монастыре Пресвятой Троицы, расположенном на острове Халки — одном из девяти Принцевых островов в Мраморном море в 20 верстах от Константинополя — на самом высоком холме острова, в северной его части, патриархом Германом IV была основана греческая богословская школа.

В декабре 1847 г. халкинскую школу посетили первые сотрудники Русской Духовной Миссии, направлявшиеся в Иерусалим через Константинополь. Глава Миссии архимандрит Порфирий (Успенский) получил от вселенского патриарха Анфима «письмо к начальнику богословского училища на острове Халки митрополиту Типалдо»⁷. Нет сомнений, что посещение состоялось, а также, что сопровождал епископа Порфирия его помощник по делам Миссии иеромонах Феофан (Говоров), будущий святитель Русской Православной Церкви.

Школа была задумана и стала главным образовательным учреждением для высшего и низшего духовенства в Константинопольском Патриархате. За годы своего существования, вплоть до закрытия в 1971 г., ею было выдано 930 дипломов об окончании учебного курса.

⁶ Подготовлено в рамках проекта Грант РГНФ 15-34-11073 "Литературные взаимоотношения России XVIII-XIX вв.: по материалам российских и зарубежных архивохранилищ".

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Ед. хр. 326. Л. 72 об.-73 об.; Еп. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Ч. III. СПб., 1896. С. 166–168.

В 1856—1857 гг. настоятелем русской посольской церкви в Константинополе служил Феофан (Говоров), уже в сане архимандрита, великолепно богословски образованный, имея богатый опыт церковно-дипломатической, учебной и административной работы. Его внимание было обращено на общее состояние Православной Церкви на Востоке и, в частности, на подготовку священнослужителей. «Что до Халкинского училища, то устав его дает о нем полное понятие. Вижу, что оно prepares весьма хороших пастырей. От него одного можно ожидать перерождения здешнего клира», — писал он 9 марта 1857 г.⁸

На Пасху, 7 апреля, архимандрит Феофан посетил богословскую школу на Халки и воочию убедился, «как прекрасно там все приспособлено к воспитанию лиц духовного звания. Это ученый и учащийся монастырь!»⁹

Здание школы было «расположено продолговатым четверугольником, с одной только стороны незастроенным, — писал архимандрит Феофан. — Оно деревянное, но довольно еще исправное»¹⁰. В этом здании размещались все: схолярхи, наставники, сорок учащихся. «Оканчивающие курс живут по одному в комнате; прочие по два и по три, но не более (в числе учащихся один из Молдавии, два серба и четыре болгары)»¹¹.

В письмах из Константинополя сохранились отзывы арх. Феофана о руководителе и преподавателях халкинской духовной школы. «Сильнейшее влияние в сем училище оказывают: схолярх — владыка Типалдо — познаниями, жизнью и управлением, и учитель словесности — Танталиди — ритор сильный, хотя слепой уже почти. Все богословские науки составлены владыкою-схолярхом и им преподаются отчасти»¹².

Константин Типалдос (1795—1867), первый ректор Халкинского богословского училища, с 1848 г. также состоял титулярным митрополитом Ставропольским (города Кари в Малой Азии).

Илия Танталидис, поэт и профессор, в 1853 г. издал «Опровержение папистов» («Παπιστικὸν Ελέγχων») — сборник собранных им трудов православных греческих богословов XVIII—XIX вв. против папистов, с анализом различных аспектов учения Римско-католической Церкви. Эти книги и поныне сохраняются в библиотеке богословской школы (шифр А/229).

Следует отметить, что Русская Православная Церковь оказывала халкинской школе всевозможную поддержку. Описывая монастырские постройки, архимандрит Феофан отметил в письме к директору Духовно-учебного управления Святейшего Синода К. С. Сербиновичу 29 апреля 1857 г.: «Прямо против ворот — среди двора — церковь, небольшая, но порядочно убранная внутри. За церковью — библиотека — каменная. Это только здание. По недостатку средств шкафы еще не устроены, и книги лежат в сундуках за печатью ефории. Инструментов физических вовсе нет. Долгом считаю помянуть, что с нетерпением и уверенностью ожидается не только продолжение обычного от России пособия сему училищу, но и восполнение за те года, в которые оно не присылалось по случаю войны. В отношении к последней сумме не излишне было бы изъявить желание, чтоб она была употреблена именно на окончательное устройство библиотеки и приобретение физических инструментов»¹³.

⁸ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Из неопубликованного. С. 165–185; АРПМА. Ф. Свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 41. Док. № 4011.

⁹ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Ед. хр. 1604.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Из неопубликованного. С. 165–185; АРПМА. Ф. Свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 41. Док. № 4011.

¹³ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Ед. хр. 1604..

И далее в письме: «Сколько мог заметить, в сем училище есть сильное желание знакомиться с русскою литературою духовною. “Догматическое богословие” и “История раскола” преосвященного Макария, а также “Богословие догматическое и пастырское” отца архимандрита Антония, доставленные мне для сего училища, были приняты с радостью. Всю однако ж библиотеку русско-славянскую составляют книги, присланные прежде Св. Синодом. Они помещаются в комнате преподавателя славянского языка. О других книгах, а равно о наших духовных журналах, они не знают. Думаю, было бы хорошо высылать в сие училище наши духовные журналы, особенно “Творения св. отцев в русском переводе”¹⁴ могли бы служить прекрасным пособием к изучению русского языка»¹⁵.

Письмо архимандрита Феофана к К. С. Сербиновичу свидетельствует о том, что в апреле 1857 г. им были переданы в дар библиотеке халкинской богословской школы восемь книг: архимандрита Макария (Булгакова) пятитомное «Православно-догматическое богословие» (СПб., 1849-1853) и «История русского раскола, известного под именем старообрядства» (СПб., 1855); труды архиепископа Антония (Амфитеатрова) «Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной Церкви» (Киев, 1848) и «Пастырское богословие. Ч. 1» (Киев, 1851)¹⁶.

С годами не только библиотека, но и все здание богословской школы на острове Халки подверглось перестройке. Деревянное строение заменено каменным — той же планировки, но с укороченными боковыми крыльями; так что алтарная часть церкви, некогда размещавшейся «посреди двора», выступает за границы прямоугольного пространства. Перед ней — просторная лужайка на месте старой каменной библиотеки, от которой сохранился лишь фундамент под слоем дерна. У алтаря — могилы; на одной из плит высечено имя Илии Танталидиса. Библиотека переехала в основное здание богословской школы.

В книжных фондах халкинской школы нами выявлено издание 1847 г. на русском языке. Без переплета, перевязанное бечевкой, оно хранится в бумажном конверте формата А-4. В верхней части титульного листа — написанный чернилами перевод заглавия на греческий язык. Это «Введение в православное богословие. Сочинение архимандрита Макария, инспектора и профессора богословских наук в С.-Петербургской духовной академии» (С.-Петербург, в типографии Е. Фишера. 1847). За него автор был удостоен ученой степени доктора богословия. Докторская диссертация преосвященного Макария (Булгакова) по справедливости признана лучшим и наиболее полным изложением православного догматического богословия и вскоре по выходе в свет была переведена на иностранные языки.

Очевидная забота архимандрита Феофана о богословской школе на острове Халки была продиктована заинтересованностью в судьбах ее выпускников, в числе которых «бывают желающие большего усовершенствования»¹⁷. Известно, что архимандрит Феофан располагал списком окончивших курс Халкинской богословской школы «с показанием, где они теперь находятся»¹⁸. «Имеющие средства едут даже в Лейпциг... И что услышат там? <...> Из оканчивающих курс в сем году двух иерусалимитов принять в наши академии будет просить Иерусалимский Патриарх. Сам слышал от не оканчивающих, что желали бы по окончании ехать в Россию. Нельзя ли предложить Вселенскому Патриарху от лица Всероссийского Синода, чтоб,

¹⁴ “Творения св. отцев в русском переводе” — журнал, основанный профессором Московской духовной академии архимандритом Филаретом (Гумилевским) в 1843 г.; издавался до 1917 г.

¹⁵ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Ед. хр. 1604.

¹⁶ «Догматическое богословие» архиепископа Антония (Амфитеатрова) в 1858 г. было переведено на новогреческий язык.

¹⁷ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Ед. хр. 1604.

¹⁸ Там же.

по окончании курса в богословском училище, посылали всех или по выбору в Россию, без особенных прошений и переписок? Это тем удобнее, что оканчивающих бывает немного. Только с обязательством, чтоб из русских академий прямо поехали к Патриарху в его распоряжение, а не шатались по России без дела. Таким объявлением воли Святейшего Синода будет поддерживаться расположение греков к нам»¹⁹.

Плоды энергичной, хотя и непродолжительной деятельности архимандрита Феофана как настоятеля русской посольской церкви в Константинополе ясно ощущались и в последующие годы. Неслучайно в 1860 г., по поручению Синода, Турцию и Грецию для знакомства с халкинскими и афинскими богословскими школами посетил К. К. Зедергольм, будущий иеромонах Оптиной Пустыни. «В нашем посольстве в Константинополе он слышал разговоры, что Россия бессильна, ибо у нее нет денег, а “как не будет денег, другие державы станут только смеяться над нашими угрозами”. Зедергольм записал в свою путевую книжку, что не безденежье, а безверие губит Россию, но не высказал дипломату своих возражений»²⁰. На встрече со знаменитым старцем патриархом Григорием VI Зедергольм затронул вопрос о халкинской богословской школе в монастыре Пресвятой Троицы; на это патриарх заметил, что «нужна осторожность, чтобы присылка русских воспитанников не повредила заведению и здешним христианам вообще»²¹.

«Но вот отец Климент знакомится с богословом-греком, преосвященным Типальдосом, ректором Халкинской академии и Митрополитом Ставропольским. Здесь Зедергольм говорит, и говорит с жаром, говорит духовнее, православнее митрополита-ректора; и ректор, который пробовал “поставить вопрос на более реальную почву, спешит согласиться с нашим немцем... Разговор шел о том: необходимо или нет пользоваться протестантскими и латинскими сочинениями по некоторым хорошо обработанным на Западе отраслям богословских наук. Зедергольм сожалел об этой необходимости. Преосвященный Типальдос говорил, что можно пользоваться от Запада лишь методом, а не духом и что людей, даже и молодых, но уже утвержденных в вере, стеснять в чтении даже и философском не надо. Зедергольм, не отвергая этой свободы, жаловался на “бедность руководств и на недостаток полноты в изложении полной православной системы, которые могли бы обнять все науки (он здесь разумел только одни богословские науки, конечно) и избавили бы нас от необходимости обращаться к западным писателям”. Типальдос одобрил его и прибавил, что решения этой задачи ожидают от России, где есть и средства, и люди»²². Добавим, что при беседе присутствовал и профессор Илия Танталидис.

То отношение Русской Православной Церкви к Халкинской богословской школе, которое поддерживалось и всемерно укреплялось святителем Феофаном, поднимало в православном мире авторитет этого уникального духовного училища, остававшегося на протяжении всей своей истории важнейшим центром по подготовке клира Константинопольского патриархата в Турции.

Литература

1. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Из неопубликованного. М. 2001.

---

¹⁹ Там же.

²⁰ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 192.

²¹ Там же.

²² Там же.

Щербакова М.И.

Святитель Феофан (Говоров) и греческая богословская школа на острове Халки

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 3. С. 47–52.

Shcherbakova M.I.

St. Theophan (Govorov) and the Greek theological school on the island of Halki

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 3, pp. 47–52.

2. *Антонин (Капустин)*. С Востока. // Христианское чтение. 1861. Ч. 2. Ноябрь. С. 270—306.

3. *Серафимов С.* Несколько слов о преподавании славянского языка в Богословском Халкийском училище в Константинополе. // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 14. С. 771—779.

St. Theophan (Govorov) and the Greek theological school on the island of Halki

Shcherbakova M.I.,

Full Ph.D. in Philology, member of the Writers' Union of Russia, corresponding member of the International Academy of Pedagogical Education, Moscow, Russia, m-shcherbakova@mail.ru

---

The article deals with the activity of St. Theophanes (Govorov), whose attention was drawn to the general state of the Orthodox Church in the East and, in particular, for the preparation of priests).

Key Words: St. Theophan, the Orthodox Church, the Greek theological school.

References

1. *V. A. Zhukovsky* Poems classics. URL: <http://stihi-klassikov.ru/content/dobrodetel-ot-sveta-svetov-luch-izlilsya> (Accessed 06.09.2015).
2. *Karasik V. I.* Linguistic circle: personality, concepts, discourse. – Volgograd: Peremena, 2002. – P. 64.
3. *Kostomarov N. And.* Russian history in biographies of its main figures. Book 2-I. 17th century, 6th edition. The publication of the literary Fund. – St. Petersburg, 1912. – P. 84.

«Надо жить народной жизнью...» К.П. Победоносцев О Главных свойствах отечественной литературы

Шмелева А.В.,

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой методики преподавания русского языка и литературы ИФИ МГОУ лектор федеральной лекторской группы Общества «Знание» России, Президент Ассоциации педагогов Московской области «Учителя русского языка и литературы», Москва, Россия

Данная публикация раскрывает традиции русской художественной литературы, основанные на принципах историзма и народности. Прослеживается связь слова и мировоззрения писателя на примере творчества одного из выдающихся русских деятелей второй половины XIX столетия – К.П. Победоносцева. Исследованию подлежит основной тезис Победоносцева, обращенный к писателям – «Надо жить народной жизнью...». Аккумуляция с идеалами народа, выработанными на протяжении всей истории России, позволяет сохранить культуру художественного слова и национально-исторический облик.

Ключевые слова: русская классика, мировая культура, художественность, стиль писателя, жанр путешествия, традиции воспитания наследников, аксаковский кружок, задачи творчества, смыслы слова, историзм мышления, народность.

Для цитаты:

Шмелева А.В. «Надо жить народной жизнью...» К.П. Победоносцев О Главных свойствах отечественной литературы [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Shmeleva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020307

For citation:

Shmeleva A.V. "We should live the people's lives ..." K.P. Pobedonostsev About the main characteristics of Russian literature [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Shmeleva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020307

Наш современный писатель Владимир Николаевич Крупин, выступая в 2007 году в Калуге на Оптинском Форуме «Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции», отметил мировое значение русской культуры: «Величие России в области мировой культуры бесспорно. Уберите из мира русскую музыку – мир оглохнет, уберите русскую живопись – мир потускнеет, уберите русскую литературу – мир онемеет. А откуда и музыка, и живопись, и слово? От Церкви и из Церкви. Вот кому обязана Россия своим высоким нравственным сводом, своим могуществом, своим первенством в мировой культуре» [2]. Корневая связь русского художественного искусства с мировоззрением прослеживалась на протяжении всей истории России. На разных исторических этапах эта связь обнаруживала пиковые точки воплощения. Этот эффект особенно выразился в смысловых категориях,

Шмелева А.В.

«Надо жить народной жизнью...» К.П. Победоносцев О
Главных свойствах отечественной литературы
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 53–58.
doi: 10.17759/langt.2015020307

Shmeleva A.V.

"We should live the people's lives ..." K.P.
Pobedonostsev About the main
characteristics of Russian literature
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 53–58.
doi: 10.17759/langt.2015020307

главная из которых – служение. Служение искусству и в искусстве, служение Истине, напрямую связанные с понятиями о чести и об исторической ответственности писателей-классиков.

Во второй половине XIX века идея служения высоким христианским идеалам воплотилась в общественно-политической и государственной деятельности выдающегося русского ученого и яркого общественного деятеля Константина Петровича Победоносцева. Как литератор Победоносцев вошел в отечественную литературу очень быстро, и привлек внимание любопытной работой, фрагменты которой вошли во все хрестоматии по литературе того времени как образец «виртуозной стилистики», как тогда отзывались практически все литературные критики [1]. Речь идет о книге «Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма», изданной в 1864 году в Санкт-Петербурге. Б.Б. Глинский, назвав Победоносцева «виртуозом русского слова», поставил его в один ряд с такими мастерами отечественной словесности, как И.С. Аксаков и М.Н. Катков. Б.В. Никольский, на которого ссылается в своих биографических материалах Б.Б. Глинский, подчеркнул, что манера письма Победоносцева всецело заимствована им у наших духовных писателей и может быть признана манерой церковной стилистики по преимуществу. В журнале «Исторический Вестник» (1896) Б.В. Никольский дал блестящий очерк о писательской манере Победоносцева. Б.В. Никольский, как и Победоносцев, был выпускником Училища правоведения, что позволяет давать критику объективную оценку деятельности и творчества [4].

В 1863 году Победоносцев сопровождал Великого князя Наследника Николая Александровича в его путешествии по России. Практика путешествий по России существовала, но она не была единообразной для венценосных особ; в каждом отдельном случае – свой регламент, определяемый характером обучения и воспитания Наследников. Наиболее известное и широко описанное в научной и исторической литературе путешествие по России Цесаревича Великого князя Александра Павловича с его наставником – поэтом В.А. Жуковским. Предпринимаемые путешествия предполагали непосредственное знакомство будущих царствующих особ с государством посредством личного общения с народами, его населяющими, культурой, бытом, нравами, экономикой, природой. Путешествия по России Наследников Престола могли быть приурочены к коронационным торжествам их Августейших родителей, как в случае, например, с Цесаревичем Великим князем Александром Павловичем, для которого (вместе с братом Великим князем Константином) первая поездка по России началась после майских торжеств (5 апреля 1797 года в день Светлого Христова Воскресения в Москве прошла коронация Императора Павла Петровича, а после 3 мая началась торжественная поездка по России). В свою вторую поездку по России (с посещением Владимира, Нижнего Новгорода, Казани, Валдая, Ярославля), состоявшуюся в 1798 году. Цесаревич Александр в продолжении пути писал письма своему тогда очень близкому, как можно судить по опубликованным письмам, другу – графу А.А. Аракчееву. А.А. Аракчеев сопровождал Цесаревича только в первой поездке. Письма тех лет раскрывают настроения Цесаревича, его личные впечатления, что заметно отличается от официальных документов. Жанр путешествия – древнейший жанр. Как известно, все поездки членов Императорского Двора фиксировались. Особый интерес представляли для читающей публики, для историко-филологической науки посещения Царствующих лиц кого-то конкретного места и описания пребывания в нем. И здесь следует упомянуть о двух документах, представляющих историографическую ценность: первый – «Император Александр в Риге 24, 25 и 26 мая 1802 года», изданный в том же году в Санкт-Петербурге, и второй – «Журнал посещения Москвы Его Императорским Величеством Александром в 1809 году», изданный в Москве в 1810 году. Рассмотрение этих документов позволяет судить об историческом характере времени,

Шмелева А.В.

«Надо жить народной жизнью...» К.П. Победоносцев О
Главных свойствах отечественной литературы
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 53–58.
doi: 10.17759/langt.2015020307

Shmeleva A.V.

"We should live the people's lives ..." K.P.
Pobedonostsev About the main
characteristics of Russian literature
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 53–58.
doi: 10.17759/langt.2015020307

историческом характере народа, исторической специфики взаимоотношений власти и народа, правителей и подданных.

Став Всероссийским Императором, Александр II Николаевич внимательно, как и его Державный предшественник, подошел к вопросу воспитания своих детей. Традиции, заложенные Отцом-Императором, Его Наследственный сын продолжил, и они, в частности, касались характера образования Цесаревича. Штат воспитателей, наставников и преподавателей Цесаревича Великого князя Николая Александровича, среди которых – Н.В. Зиновьев, Г.Ф. Гогель, В.П. Титов, граф Б.А. Перовский, Я.К. Грот, граф И.И. Воронцов-Дашков, О.Б. Рихтер, князь В.А. Барятинский, граф А.В. Олсуфьев, протопресвитер И.Л. Янышев и др. – был дополнен К.П. Победоносцевым. К этому времени Победоносцев имел опыт научно-практической деятельности: Победоносцев в ту пору был одним из самых крупных авторов журнала «Русский Вестник», им были опубликованы первые серьезные исследовательские труды «Заметки для истории крепостного права в России» и «О реформах в гражданском судопроизводстве». Это послужило тому, что в 1859 году Победоносцев был приглашен в Московский университет на кафедру гражданского права, которую он занимал небольшим года, поскольку уже в 1861 году было предложено преподавать законоведение Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу и Великим князьям Александру Александровичу и Владимиру Александровичу. Его личные качества, исследовательские способности и полученное образование, а также собственная научная позиция делала выбор Двора вполне оправданным. Исторические изыскания, опубликованные в «Русском Вестнике» сразу выделили его как молодого выдающегося ученого. Именно такой, принципиальный, честный, знающий был нужен Императору Александру II в качестве учителя для своих сыновей. Этим Император определил и будущее России: когда встанет вопрос о государственном устройстве в междоцарствии, именно Победоносцев своей речью в Правительственном Сенате сохранит самобытность России от либеральных преобразований (Лорис-Меликова, Абазы, Милюкова и др.), и неотлучно находясь при Императоре Александре III, будет способствовать «охранительному» курсу Двора. Таким образом, Император Александр II сделал исторический шаг, введя Победоносцева в круг доверенных лиц Наследника. Манифест «О незыблемости самодержавия» упрочит традиционную идеологию на несколько десятилетий.

В 1863 году высшее образование Наследника Престола было окончено. Увенчать столь серьезное полученное образование должна была, по мысли графа Строганова, поездка по России. До предстоящего путешествия Наследник уже совершал путешествие по России в 1861 году, отчет о нем был опубликован Веряжиным в Санкт-Петербурге в том же 1861 году, но теперь Цесаревичу предстояло путешествие, как и предполагалось, образовательное и довольно продолжительное. Цель путешествия – знакомство Цесаревича с Российской Империей, населением, традициями, достопримечательностями – с внутренним положением государства. Сохранились воспоминания князя В.П. Мещерского («Мои воспоминания»), в которых он описывает подготовку и сам формат предстоящего путешествия по России. Победоносцев и Бабст в своих изданных «Письмах о путешествии...» подчеркнули: «Цель наша – оживить в памяти и участников и свидетелей подробности путешествия, столь богато разнообразными и незабвенными для русского сердца впечатлениями».

Сегодня «Письма...» следует рассматривать как ценнейший исторический источник по истории России, экономике и государственному устройству, как уникальное документальное свидетельство о том, как происходило знакомство Наследника с Россией. «Письма...» с полной уверенностью можно оценить и как своеобразную энциклопедию, созданную «последними летописцами», наделенными государственной мудростью и ответственностью. Таким

Шмелева А.В.

«Надо жить народной жизнью...» К.П. Победоносцев О
Главных свойствах отечественной литературы
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 53–58.
doi: 10.17759/langt.2015020307

Shmeleva A.V.

"We should live the people's lives ..." K.P.
Pobedonostsev About the main
characteristics of Russian literature
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 53–58.
doi: 10.17759/langt.2015020307

государственный человеком Победоносцев предстает не только на поприще общественной деятельности, но и на ниве служения Слову и служения Словом.

Творческая деятельность Победоносцева масштабна: это и работы по праву, по истории, это и его публицистика, воспоминания, письма, это и собственная поэзия, художественные переводы. Он обладал искусством книжного Слова. Истоки природного дара Победоносцева следует искать в семье, в которой царил атмосфера патриархальности, глубокого уважения к национальным святыням, и, возможно, влияние деда – священника Звенигородского уезда также сыграло свою роль в формировании национально-консервативных убеждений и высокой духовной образованности. Будучи обер-прокурором святейшего Синода, имея в распоряжении издательский капитал А.Н. Муравьева, Победоносцев руководил выпусками духовно-нравственных книг; он также способствовал возрождению в России древнерусского церковного однопева. Несмотря на консервативную и твердую позицию относительно сектантов (известно, что Победоносцев был непримирим к сектантствующим – духоборам, молоканам, к священнику-еретику Гапоном), Победоносцев умел ценить благородство, внутреннюю духовную красоту и веру представителей других христианских конфессий. Когда окончила свой земной путь фрейлина Двора – Эдита Раден, лютеранка по вероисповеданию, Победоносцев оплакивая ее в своем прощальном слове, раскрыл значение православного погребального обряда.

В отечественной художественной литературе Победоносцев всегда выделял национально-исторические русские идеалы, он высоко подчитал русских писателей как создателей величайшей художественной культуры. Здесь очевидно влияние на художественное восприятие Победоносцева отца, профессора Московского Университета. Стоит упомянуть о том, что родная сестра Победоносцева впоследствии тоже стала писательницей. Победоносцев был знаком и, разумеется, знал творчество почти всех писателей и литературных критиков своего времени, в этом ряду и Аксаков, и Катков, Гончаров, Достоевский, Толстой, Хомяков, Самарин, Киреевский, Тютчев, с дочерьми которого на протяжении всей своей жизни Победоносцев вел переписку. Когда в январе 1886 года не стало Ивана Сергеевича Аксакова, Победоносцев написал статью, которая так и называлась – «Аксаковы», в которой отметил вклад «аксаковского кружка» (Аксаковых, Киреевских, Хомякова, Самарина и др.) в укрепление высоких художественных традиций отечественной культуры и в определение национально-исторического мировоззрения. «Аксаковский кружок», по глубокому убеждению Победоносцева, составляли «честные чисто русские люди, родные сыны земли своей, богатые русским умом, чуткие чутьем русского народа, любящего народ свой и землю, и алчущие, жаждущие правды и прямого блага для земли своей», которые искали в прошедшем своей Родины идеал для настоящего устройства и для будущих судеб ее». В чем Победоносцев видел их заслугу? – это были «истинно русские люди», отчизнолюбцы, и «от них в первый раз явственно и разумно услышало наше сбитое с толку общество проповедь мудрости в великом слове». Что это за великое слово? – «познай самого себя, углубись в прошедшие судьбы страны своей и своего народа, и узнаешь свой дух в его духе и свою силу почерпнешь из него».

Жизнь Победоносцева увенчалась переводом Нового Завета на русский язык. И не случайно. Победоносцев убежден в том, что все формы культуры народной неразрывно связаны с русской православной Церковью. Он считал: православная Церковь красна народом, а потому надо жить жизнью своего народа: «Кто русский человек душой и обычаем, тот понимает, что значит храм Божий, что значит церковь для русского человека. Мало самому быть благочестивым, чувствовать и уважать потребность религиозного чувства, мало для того,

Шмелева А.В.
«Надо жить народной жизнью...» К.П. Победоносцев О
Главных свойствах отечественной литературы
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 53–58.
doi: 10.17759/langt.2015020307

Shmeleva A.V.
"We should live the people's lives ..." K.P.
Pobedonostsev About the main
characteristics of Russian literature
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 53–58.
doi: 10.17759/langt.2015020307

чтобы уразуметь смысл церкви для русского народа, и полюбить эту церковь как свою родную. Надо жить народной жизнью, надо молиться заодно с народом в одном церковном собрании, чувствовать одно с народом биение сердца, проникнутого единым торжеством, единым словом и пением» [3]. Пожалуй, здесь и стоит искать ту силу слова, которой обладал Победоносцев и которая раскрывает в нем незаурядного писателя-классика.

Литература

1. См., напр.: *Глинский Б.Б.* Константин Петрович Победоносцев (материалы для биографии) // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. – М.: АНО «Развитие духовности, культуры и науки», 2004. С.10.
2. *Крупин В.Н.* Русская классика и народная мудрость – хранители нравственности // II Оптинский форум: Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции. Тема: Благоустройство жизни в России. – Москва-Калуга-Оптина пустынь, 18-21 мая 2007 г.: Сб. материалов: В 3 т. – М.; Калуга, 2007. Т.1. С.331.
3. *Победоносцев К.П.* Церковь. Ч.V / Победоносцев К.П. Московский сборник. Цит. по: <http://www.wco.ru/biblio/books/pobedonoscev1/main.htm>
4. См.: *Стогов Д.* Патриот Земли Русской. К 135-летию со дня рождения Б.В. Никольского // Никольский Б.В. Сокрушить крамолу / Сост., предисл. и примеч. Д.И. Стогова; отв. ред. О.А. Платонов – М.: Институт русской цивилизации, 2009.

"We should live the people's lives ..." K.P. Pobedonostsev About the main characteristics of Russian literature

Shmeleva A.V.,

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of a chair of methods of teaching Russian language and literature, President of the Association of teachers of the Moscow region
"Teachers of Russian Language and Literature, Moscow, Russia

This publication reveals the tradition of Russian literature, based on the principles of historicism and nationalities. The connection of speech and outlook of the writer as an example of creativity one of the outstanding figures of the second half of the XIX century – K.P. Pobedonostsev. Research subject is the basic thesis of Pobedonostsev which is addressed to the writers - "We should live the people's lives ..." Accumulation of the ideals of the people, which are elaborated throughout the history of Russia. It allows to preserve the culture of artistic expression and national historic appearance.

Key Words: Russian classics, world culture, artistry, penmanship, genre of travel, the traditions of education of heirs, creativity task, sense of the word, historicism of thinking, nationality.

References

1. See for Ex.: *B.B. Glinski* Konstantin Pobedonostsev (materials for a biography) // Pobedonostsev K.P. The great lie of our time. - M.: ANO "Development of Spirituality, Culture and Science", 2004. p.10.
2. *V.N. Krupin* Russian classical and folk wisdom - the guardians of morality // II Optina forum: Legacy and Russian spiritual choice of the Russian intelligentsia. Subject: livability life in Russia. - Moscow-Kaluga-Optina, May 18-21, 2007: Sourcebook: In 3 t. - M.; Kaluga, 2007. Vol.1. p.331.
3. K.P. Pobedonostsev Church. CH.V / K.P. Pobedonostsev Moscow collection. Quotation from: <http://www.wco.ru/biblio/books/pobedonoscev1/main.htm>
4. See for Ex.: *D. Ricks*: The Patriot of Russian Land. By the 135th anniversary of B.V. Nikolsky // B.V. Nikolsky To Crush sedition / Comp., Foreword. and notes. D.I. Stogova; Executive Editor. O.A. Platonov - M.: Institute of Russian civilization, 2009.

Сопоставительный анализ звукоподражательных единиц в русском, английском и итальянском языках

Каторова А. А.,

магистрант факультета «Иностранные языки» МГППУ, Москва, Россия,
anechka.katorova@mail.ru

Статья посвящена сопоставительному исследованию звукоподражательных единиц в русском, английском и итальянском языках. Гипотеза исследования заключается в том, что облик звукоподражательных единиц в разных языках отражает своеобразие языковой картины мира благодаря использованию собственных фонетических, морфологических средств выражения в каждом из них.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, звукоподражания, русский, английский, итальянский языки, звукосимволизм, междоимение.

Для цитаты:

Каторова А.А. Сопоставительный анализ звукоподражательных единиц в русском, английском и итальянском языках [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Katorova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020308

For citation:

Katorova A.A. The comparative analysis of onomatopoeic units in Russian, English and Italian languages [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2015, vol. 2, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Katorova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020308

В современной лингвистике особую значимость приобретает изучение проблем, связанных с сопоставительным анализом лексических единиц разных языков. Изучение такой группы лексики, (звукоподражательной) которая сохраняет в звуковом облике звукоподражательные элементы, в настоящее время представляет несомненный интерес.

В научной литературе термин «звукоподражательная единица» имеет много синонимов: «подражательные слова», «образные слова», «имитатив», «звукоподражательное слово» («ономатон») ²³. Такое обилие терминов, используемых для обозначения звукоподражаний, может свидетельствовать о неугасаемом интересе лингвистов к этому классу слов. В данной работе рассматриваются звукоподражания, звукоподражательные слова и слова с частичной звукоподражательной мотивированностью. На этой основе был выбран обобщающий термин «звукоподражательная единица» ²⁴. Звукоподражательные единицы живой, неживой природы и звукоподражательные единицы, имитирующие звуки, издаваемые человеком были

²³ Веди́на Т.И. Введение в языкознание.– М.: Просвещение, 2001. – С. 118-120.

²⁴ Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Просвещение, 1967. – С. 344 345.

анализированы на трех уровнях языка: фонетическом, морфологическом и лексико-семантическом.

В научной литературе термин «звукоподражательная единица» имеет много синонимов: подражательные слова, образные слова (Р. Кунгуров, А. Исхаков), имитатив (Г.Е. Корнилов), звукоподражательное слово - ономотон (С.В. Воронин). Такое обилие терминов, используемых для обозначения звукоподражаний, может свидетельствовать о неугасаемом интересе лингвистов к этой лексике. В данной работе рассматриваются звукоподражания, звукоподражательные слова и слова с частичной звукоподражательной мотивированностью. На этой основе был выбран более общий термин «звукоподражательная единица».

В последнее время изучением звукоподражательной лексики занимался С.В. Воронин, который определил звукоподражание как «закономерная и произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом)»²⁵. Под звукоподражательными словами, или ономотопами, понимаются слова, между формой и значением которых существует экстралингвистическая связь. А.Н. Тихонов отметил, что звукоподражания занимают особое место в системе частей речи и являются самостоятельными единицами. Они не имеют номинативной функции, но обладают лексическим значением. Также звукоподражательные слова относят к определенному классу слов, которые могут свободно переходить из одной части речи в другую, образуя производные слова²⁶.

В языке существует множество слов звукоподражательного характера, которые необходимо объединить в отдельную лексико-грамматическую категорию. Однако следует помнить о том, что ономотопы с частичной мотивированностью часто можно отнести к различным знаменательным частям речи. Так, например, слова «стучать», «кричать» являются глаголами, тогда как «стук», «шум» – существительными.

А.Н. Тихонов считает, что сами звуки являются компонентом звукоподражаний и именно этой особенностью отличаются от других слов. Таким образом, их мотивированность ясна по сравнению с другими словами, мотивированность которых забыта. Звукоподражания имеют постоянный и одинаковый состав для носителей определенного языка (например: мяу (meow, mew-mew), кря-кря (quack-quack), хрю-хрю (oink-oink)). Таким образом, звукоподражания обладают закрепленной семантикой и звуковой формой, следовательно, они способны выступать в языке как полноценные слова. Следует отметить, что А.Н. Тихонов имеет в виду только звукоподражания, уже вошедшие в систему, ставшие фактом языка. В свою очередь индивидуально-авторские новообразования, по его мнению, часто отражают лишь субъективное восприятие звуковых явлений самого их создателя.

Звукоподражательные единицы нередко относят к числу междометий. Например, в толковых словарях они почти не отделены от междометий. Междометия – это слова, которые служат для выражения чувств говорящего, не называя их. Главная роль в реализации лексических значений играет языковой контекст, ситуация, темп речи, интонация, а иногда и мимика. В то время как звукоподражательные единицы (например, bow-wow, thud) являются подражаниями звуков и не выражают никаких эмоций.

Мы предоставляем результаты сопоставительного анализа, которые были выявлены при сопоставлении трех языков (русского, английского и итальянского) на материале звукоподражательных единиц, взятых из языковых корпусов.

Для начала рассмотрим специфику звукоподражательных единиц в русском языке.

²⁵ Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. – Л.: ЛГУ, 1990. – С. 23-24.

²⁶ Тихонов А.Н. Междометия и звукоподражания – слова? // Русская речь, № 5. – М.: Наука, 1981. – С. 122-124.

Отечественный лингвист А. Дудников считает, что в русском языке звукоподражательные единицы могут быть разделены на несколько групп: 1) слова, которые имитируют звуки, произносимые птицами (например: чик-чирик, ку-ка-ре-ку, кря-кря); 2) слова, которые имитируют, звуки, произносимые животными (например: гав-гав, хрю-хрю, мяу); 3) слова, которые имитируют звуки неживой природы (например: кап-кап, тик-так)²⁷.

Для русского языка характерна редупликация звукоподражательных единиц (например: ко-ко ква-ква, чух-чух, дзинь-дзинь, ха-ха, хи-хи, буль-буль), а иногда даже чередование в корне (например: тик-так, пиф-паф)²⁸. От таких звукоподражательных единиц в русском языке свободно образуются существительные, глаголы, причастия и т.д. Они становятся полноценными частями речи, которые сохраняют звукоподражательную мотивированность. Также эти слова могут присоединять к звукоподражательному корню аффиксы (например: хлоп, хлопок, хлопать, хлопающий; тик-так, тикать, тикающий). Звукоподражания служат базой для образования глагольных звукоподражаний, самих глаголов (обычно с суффиксом -ка: гавкать, шушукать, пошушукаться) и отглагольных существительных (гогот, хохот, гавканье).

Стоит отметить, что существуют звукоподражательные единицы, которые не вошли в систему языка (например: кыс-кыс, бац), а также те, которые, наоборот, существуют в языке как полноценные части речи, как существительное или глагол с выраженным звукоподражательным элементом (раскаты (грома), шелест (листьев), свист, скрежет, всплеск).

В русском языке на протяжении всей истории в количественном составе звукоподражаний играют глаголы²⁹ (аукаться (ау), вжикать (вжик), выщелкнуться (щелк), гыгыкнуть (гык), гулькотать (гуль), зачухать (чух), обчихаться (чих), почухаться (чух), чурать (чур), шухануть (шух)). Например: от чух-чух: чухать, зачухать.

Существует несколько способов словообразования глагольных звукоподражаний на ступени деривации.: 1) мотивирующие звукоподражания с суффиксом -ать (звякать); 2) мотивирующие звукоподражание с суффиксами -к и -ать (крякать, тренькать).

С точки зрения синтаксической функции, Л.Д. Чеснокова выделяет три функции звукоподражаний в тексте:

1) Звукоподражания, которые являются самостоятельными высказываниями (пример: «Бау-бау! – раздались выстрелы»).

2) Звукоподражания, которые выполняют функцию прямой речи (пример: «Работал бондарь: – тук-тук-тук»).

3) Звукоподражания, которые, приобретая номинативное значение, выступают в роли знаменательных слов и употребляются в функции членов предложения. Приведем пример:

«Но бестолковая кукушка,

Самолюбивая болтушка,

Одно ку-ку своё твердит...»³⁰

²⁷ Дудников А.В. Современный русский язык: учебник / А.В. Дудников. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 186-189.

²⁸ Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Просвещение, 1967. – С. 344-345.

²⁹ Дудников А.В. Современный русский язык: учебник / А.В. Дудников. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 186-189

³⁰ Лифшиц М. А. В мире эстетики. М.: Изобразительное искусство, 1985 – С. 98.

Стоит добавить, что звукоподражательная лексика очень часто используется в детской художественной литературе (в загадках, сказках), также данная лексика используется носителями языка в неформальной обстановке, где возникает большое количество словообразований от звукоподражаний, и в публицистическом стиле.

Для английских звукоподражательных единиц характерен достаточно явно выраженный звукоподражательный корень, что может быть объяснено небольшим количеством аффиксов. Звукоподражательные единицы в английском языке преимущественно состоят из одного корня (например: boom, whistle, rustle, rumble). Однако к таким глаголам могут быть присоединены флексии, но в ограниченном количестве (например: boom-ed, creak- ing, scarp-ed). Это свойственно для языков аналитического типа.

Одним из способов словообразования в английском языке является конверсия. Так, звукоподражательная лексика, которая вошла в состав языка, может подвергаться конверсии (например: whistle – to whistle; drop – to drop). Также звукоподражательные единицы в английском языке часто подвергаются редупликации (например: chung-chung, jing-jing, bang-bang). Также, существует тенденция к чередованию в корне (chitter-chatter, tick-tack, snip-snap)³¹.

Английский язык имеет тенденцию к использованию слуховых ощущений по сравнению со зрительными. Звук – это сигнал того или иного явления действительности. Стоит отметить, что воспринимать звук сложнее, чем например, цвет. Ведь цвет предмета мы, как правило, наблюдаем на протяжении более или менее длительного времени, часто даже без ограничения этого периода. Звук нами воспринимается чаще всего в течение ограниченного отрезка времени. Все это обуславливает относительную субъективность слуховых ощущений, что находит отражение в звукоподражательной лексике, а также в языке художественной литературы.

А.А. Реформатский отмечает, что даже название игры «пинг-понг» (ping-pong) относится к звукоподражаниям, потому что звук стука мяча об стол напоминает звук капель дождя по стеклу³².

В английском языке существует группа глагольных звукоподражаний. Эта группа слов может выступать в предложении в роли сказуемого, но при этом они не имеют обычных признаков глагола, т.е. склонения, падежа, числа и т.д. Такие слова используются для обозначения резких, быстрых движений (например: “Girl jumps, her hair shooting out like a parachute. Splash! Jump!” («Девочка прыгает, ее волосы расправляются как парашют. Плеск! Прыжок!»))³³ (“Oh, but only think what would happen if Biggs were to drop you? Plop!” («Только представь, чтобы случилось, если бы Биггс уронил тебя? Хлопок!»)).

Хотелось бы отметить, что разработкой проблемы звукоподражаний в итальянской лингвистической традиции не уделялось достаточно внимания³⁴.

Как замечает итальянский лингвист А. Габриелли, звукоподражательные единицы имеют с междометиями общее внешнее сходство. Звукоподражания (voci onomatopoeiche) могут просто

³¹ Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. – Л.: ЛГУ, 1990. – С. 51-54.

³² Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Просвещение, 1967. – С. 346-351.

³³ URL: <http://corpus.byu.edu/>

³⁴ Белова Т.С. Сопоставительный анализ системы звукоизобразительных средств итальянского и русского языков, автореф., - М.: 2009. С. 26-38.

имитировать различные звуки и шумовые эффекты, так и подражать языку животных³⁵. Другой итальянский лингвист С. Баталья пишет, что звукоподражания в итальянском языке получили широкое распространение в период футуризма, тогда как, например, в «Божественной комедии» Данте Алигьери встречаются только в нескольких случаях³⁶.

Звукоподражания живой природы в итальянском языке во многих случаях не стали производящей основой для образования других слов. Например, звукоподражание *сга сга* (квак-ква) не будет образовываться, как в русском языке («квакать» от «ква-ква»), а будет иметь другой глагол, который может быть совсем не похожим по фонетическому составу на взятое звукоподражание (*сга сга* (лягушка) – *gracidare*; *ih oh* (осел) – *ragliare*; *bau bau* (собака) – *abbiare*; *iilh* (лошадь) – *nitrire*; *cri cri* (цикада) – *frinire*; *qua qua* (утка) – *strarnazzare*; *pio pio* (цыпленок) – *rigolare*; *cip cip* (птица) – *cinquettare*). Нередко для образования глагола от звукоподражания используется глагол *fare* (делать), например, *fare pio pio* или *fare tic-tac*.

Также, в итальянском языке существуют звукоподражательные единицы, которых нет в русском и английском языках. С. Баталья отмечает, что звуки, издаваемые птицами, в итальянском языке имеют большое количество различий. Так, например, в итальянском языке есть звук, который издает воробей – *scalp, dib dib bilp bilp*, ласточка – *vitt vide vitt*, кукушка – *cu cu*, зорьки – *chiu*. Также, в итальянском языке есть звукоподражательная единица *taffete*, которая обозначает что-то сделанное очень быстро и против воли, что позволяет сделать вывод о том, что русский перевод (бабах) не несет в себе все оттенки значения данного звукоподражания; *fru* – это звук падающих листьев, для которого в русском языке нет эквивалента; или *регерегерере*, который означает звук в трубе.

Как в русском и английском языках, звукоподражательные единицы в итальянском языке могут субстантивироваться. Для примера возьмем предложение из корпуса итальянского языка: “*Il gallo della mia vicina incomincia alle quattro a lasciare i suoi chichirichi*” («В четыре часа утра петух моей соседки начитает свои кукареку»).

В разных языках могут существовать звукоподражания, которых нет в других. Однако в последние десятилетия в итальянский язык вошло много слов из английского языка, как отмечает автор итальянской грамматики Л. Монти (например: *sob* (икота), *bag* (взрыв), *whoop* (крик), *zip* (свист), *screech* (скрежет).

Результаты сопоставительного анализа звукоподражательных единиц в русском, английском и итальянском языках

Для иллюстрации проведенного исследования возьмем следующие звукоподражательные единицы: на фонетическом уровне: храп – *snore* – *russare*; на морфологическом уровне: визг, щелк – *screech*, *click* – *stridio*, *scatto*; на лексико-семантическом уровне: чик-чирик – *tweet-tweet* – *cip-cip*.

Фонетический уровень

Для примера возьмем звукоподражания, которые являются имитациями звуков, которые издает человек.

Храп – *snore* – *russare*. «*Snore*» - отмечено в Оксфордском словаре и в словаре Треккани как слово с звукоподражательным происхождением. Слово с звукоподражательной мотивированностью.

³⁵ URL: http://www.grandidizionari.it/Dizionario_I

³⁶ URL: http://www.grandidizionari.it/Dizionario_I

В русском звукоподражании сочетание глухого, шумного [x] и смычного, дрожащего [p] может быть сопоставлено с английским сочетанием щелевого звука [s] и сонорного, носового [ŋ], и с итальянским долгим щелевым звуком [s]. Видимо, у носителей русского и итальянского языков «храп» ассоциируется резким, глухим звуком, в то время как в английском языке «храп» это носовой звук. В английском языке гласный звуки [o] и [u] лабиализованы, а в русском звук [a] является закрытым звуком, что позволяет говорить о том, что для носителей русского языка в слове «храп» присутствует глубокий, задний звук [a].

А также, наличие согласных из одной классификации (щелевые, смычные) в примере споге-храп

Морфологический уровень. Звукоподражания неживой природы

Перед тем, как перейти к анализу, стоит выделить некоторые особенности русского, английского и итальянского языков на этом уровне:

1. Редупликационных звукоподражаний неживой природы значительно меньше, чем живой, более того они имеют свойство утрачивают второй элемент при переходе в другую часть речи.

2. Наличие ониматотом с звукоподражательной мотивированностью, которые изначально выступают в определенной части речи, т.е. они утратили свою изначальную звукоподражательную форму и являются глагольными звукоподражаниями.

3. Наличие редупликационных звукоподражательных единиц в этих языках, но при переходе в часть речи утрачивают второй повторяющийся элемент.

4. Наличие ритмических комбинаций и звукоподражательных единиц с чередованием в корне (например, звукоподражательная единицы «тик-так» в предложении «часы тикают»).

На морфологическом уровне, стоит отметить, что в английском и в итальянском языках звукоподражательные единицы, имитирующие звуки человека и предметов также, как и в русском, представлены словами со звукоподражательной мотивированностью, которые могут выступать в разных частях речи (визг, щелк – screech, click – stridio, scatto), также можно отметить ярко-выраженная краткость в буквенном составе звукоподражательных единиц, которые имитируют звуки, издаваемые человеком в этих языках(визг, щелк – screech, click – stridio, scatto).

На этом уровне, стоит отметить особенности звукоподражательных единиц живой природы на этом уровне. В итальянском языке во многих случаях они не стали производящей основой для образования других слов. Например, звукоподражание cra cra (ква-ква), не будет образовываться как в русском языке (квакать от ква-ква), а будет иметь другой глагол, которые почти совсем не похож по фонетическому составу на взятое звукоподражание (cra cra – gracidare).

Лексико-семантический уровень. Живая природа

Это группа звукоподражаний по сравнению с другими группами имеет в большинстве своем чисто звукоподражательную форму. Поэтому, представляет несомненный интерес то, что происходит с ним на этом уровне.

Все звукоподражания употребляются в своем первичном значении, а так же в переносном.

Рассмотрим пример наиболее интересные примеры звукоподражательных единиц чик-чирик – tweet-tweet – cip-cip:

Через минуту из патио долетели обрывки беглого разговора — чик-чирик двух женских голосов, — затем протяжно прохрипели петли тяжелой входной двери, застучали каблучки, и кто-то остановился у него за спиной;

Tutti impegnati cinguettavano fra una parente (Все рабочие чирикали через стенку).

В русском и итальянском языках перенос значения накладывается на людей или их действия.

На основе данных примеров, можно сделать вывод, что в русском языке оно может использоваться по отношению к людям, в то время как в английском трава может издавать «чирикающий» звук:

The grass makes a dry, sputtering tweet. (Трава издает сухое, «бормочущее чириканье).

Таким образом, можно заключить, что в английском языке перенос значения накладывается в большей степени на предметы, а так же на звуки.

Облик звукоподражательных единиц в разных языках отражает своеобразие языковой картины мира благодаря использованию собственных фонетических, морфологических и лексико-семантических средств выражения в каждом из них.

Одни и те же звукоподражательные слова в сопоставляемых языках характеризуются не только структурными и фонетическими особенностями, но и семантическими. При сопоставлении звукоподражательных единиц различных языков внимание должно быть обращено не только на прямое значение данного слова, но и на переносные.

Одной из главных причин различия звукоподражательных единиц в разных языках состоит в том, что звуки-источники имеют сложную природу, и, как правило, их точная имитация средствами языка невозможна, поэтому каждый язык выбирает одну из составных частей этого звука как образец для имитации.

Семантические и, соответственно, функциональные расхождения составляют национально-культурную специфику звукоподражаний, которую необходимо знать, чтобы исключить коммуникативные неудачи.

Литература

1. *Арнольд И.В.* Лексикология современного английского языка. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. - 351 с.
2. *Белова Т.С.* Сопоставительный анализ системы звукоизобразительных средств итальянского и русского языков, автореф., - М.: 2009, 180 с.
3. *Воронин С.В.* Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. - Л.:ЛГУ, 1990. - 200 с.
4. *Журавлев А.П.* Фонетическое значение. - Л.: ЛГУ, 1974. - 160 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Советская Энциклопедия, 1990. - 683 с.
6. *Тихонов А.Н.* Междометия и звукоподражания – слова? // Русская речь, № 5. - М.: Наука, 1981. - 238 с.
7. *Anderson E.R.* A Grammar of Iconism. London: Associated University Presses, 1998. - 264 p.

Каторова А.А.
Сопоставительный анализ звукоподражательных единиц
в русском, английском и итальянском языках
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 59–68.
doi: 10.17759/langt.2015020308

Katorova A.A.
The comparative analysis of onomatopoeic
units in Russian, English and Italian
languages
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 59–68.
doi: 10.17759/langt.2015020308

8. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2nd ed. – 2006. – 1205 p.
9. *Jespersen O.* Language: Its Nature, Development, and Origin. – London: G. Allen & Unwin Ltd., 2011. – 454 с.
10. *Yule G.* The Study of Language. – N.Y.: Cambridge University Press, 5th ed., 2014. – 322 p.
11. Merriam Webster Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 05.11.2014).
12. Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 05.11.2014).

The comparative analysis of onomatopoeic units in Russian, English and Italian languages

Katorova A.A.,

1st year student of master program in MSUPE, Moscow, Russia, *anechka.katorova@mail.ru*

The article is devoted to the comparative analysis of onomatopoeic units in Russian, English and Italian languages. The hypothesis of the research is that the onomatopoeic words in different languages reflect originality of the language picture of the world by using its own phonetic and morphological means.

The following was revealed in the conducted comparative analysis of onomatopoeic lexis of Russian, English and Italian: though the onomatopoeic lexis is common to all mankind and it is also language universal, it is realized in the words that have a national character. Therefore, different languages behave differently while imitating. At this point, the importance is placed on ideo-ethnic features of languages, cultures and traditions of peoples..

Key Words: comparative analysis, onomatopoeia, Russian, English, Italian languages, sound symbolism, interjection.

References

1. *Arnold I.V.* Lexicologia sovremennogo angliiskogo yazika. – M.: Izdatel'stvo literaturi na inostrannih yazikah, 1959. – 351 s. [Lexicology of contemporary English. – Moscow, Publisher of literature on foreign languages, 1959 – 351 p.]
2. *Belova T.S.* Sopostavitel'nii analiz sistemi zvukoizobrazitel'nih sredstv ital'aynskogo i russkogo yazikov, avtoref., – M.: 2009, 180 s. [The comparative analysis of system sound-making means of Italian and Russian languages, abstract of thesis, – Moscow, 2009 –180 p.]
3. *Voronin S.V.* Phonosemanticheski idei v zarubeznom yazikoznanii. – L.: LGU, 1990. – 200 s. [Phonosemantic ideas in foreign Linguistics, St. Petersburg, LGU Publ., 1990. – 200 p.]
4. *Zhuravlev A.P.* Phonosemanticheskoe znachenie. – L.: LGU, 1974. – 160 s. [Phonosemantic meaning. St. Petersburg, LGU Publ., 1974. – 160 p.]
5. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. V. N. Yartseva.* – M.: Sovetskaya entsiklopedia, 1990. – 683 s. [Linguistic encyclopedia dictionary / main of. V. N. Yartseva. – Moscow, Soviet Encyclopedia, 1990. –683 p.]
6. *Tihonov A.N.* Mezhdometia i zvukopodrazhanie – slova? // Russkay rech. № 5. – M.: Nauka, 1981. –283 s. [Interjections and onomatopoeia – are they words? // Russkay rech, № 5. – Moscow, 1981. – 238 p.]
7. *Anderson E.R.* A Grammar of Iconism. London: Associated University Presses, 1998. –

Каторова А.А.

Сопоставительный анализ звукоподражательных единиц
в русском, английском и итальянском языках

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 3. С. 59–68.

doi: 10.17759/langt.2015020308

Katorova A.A.

The comparative analysis of onomatopoeic
units in Russian, English and Italian

languages

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 3, pp. 59–68.

doi: 10.17759/langt.2015020308

264 p.

8. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2nd ed. – 2006. – 1205 p.

9. *Jespersen O.* Language: Its Nature, Development, and Origin. – London: G. Allen & Unwin Ltd., 2011. – 454 p.

10. *Yule G.* The Study of Language. – N.Y.: Cambridge University Press, 5th ed., 2014. – 322 p.

11. Merriam Webster Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. – URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/> (date of access: 05.11.2014).

12. Oxford Dictionary [Electronic resource]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/> (date of access: 05.11.2014).

Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций)

Егорова Э.Н.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Россия, Архангельск, ruslit1611@yandex.ru

Данная статья посвящена вопросам речевой агрессии и реализации в газетных текстах тактик стратегии дискредитации. В рамках общего юрислингвистического направления анализируются газетные публикации, которые приобрели «статус» объектов судебных лингвистических экспертиз. В качестве методологической и научной основ выступают работы В.И. Жельвиса, О.Н. Быковой, Г.В. Кусова и др.

Ключевые слова: речевая агрессия, стратегия дискредитации, тактики и стратегии речевого воздействия, юридикация.

Для цитаты:

Егорова Э.Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Egorova.shtml> (дата обращения: dd.mm.gggg) doi: 10.17759/langt.2015020309

For citation:

Egorova E.N. The verbal aggression and the strategy of discrediting (analysis of newspaper publications) [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2015, vol. 2, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Egorova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020309

Исследования явления речевой агрессии и конфликтного дискурса имеют длительную традицию как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике; существуют разнообразные методы и приёмы анализа коммуникативных ситуаций конфликтного типа. Однако само понятие агрессии не имеет в лингвистике четкого определения. При узком понимании «агрессия» в речи рассматривается как «форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [2, с. 96], т. е. имеется в виду речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: оскорбление (в том числе грубая брань), насмешка, угроза, враждебное замечание, злопожелание, категоричное требование без использования общепринятых этикетных средств и т.д. При широком понимании под словосочетанием «речевая агрессия» подразумеваются все виды наступательного, доминирующего речевого поведения. В таком случае, отмечает Е.Н. Басовская, «коммуникация вообще немыслима вне агрессивных проявлений» [1, с. 257].

Реализация в текстах или в речи агрессии оценивается в лингвистической литературе неоднозначно. С одной стороны, речевая агрессия во всех ее проявлениях оценивается как нечто нежелательное, с другой - речевая (вербальная) агрессия рассматривается либо как вполне приемлемое речевое действие, способствующее эмоциональной разрядке (катарсисная функция) [4, с. 35-430 и др.], либо как проявление «пробивных» стратегий в деловой коммуникации [3, с. 82].

С учётом направленности упомянутых выше терминологических установок под речевой агрессией мы будем понимать и как форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом (узкий смысл), и как нарушение речевого паритета (широкий смысл). Поскольку это форма речевого воздействия, при которой человек (языковая личность) нарушает этические нормы общения.

Речевая агрессия связана с такими речевыми действиями, как словесное оскорбление или дискредитация, дискриминация, диффамация. В наибольшей степени речевая агрессия находит воплощение в разговорных и публицистических сферах коммуникации (бытовой и публицистический дискурсы). Форма таких речевых действий может носить литературный характер, что не снижает степени их агрессивности. При речевой агрессии давление на личность происходит через воздействие на её ценностную сферу, составной частью которой является социальный статус индивида. Поэтому понятие речевой агрессии не сводится к употреблению бранных слов и нелитературных выражений, это более широкое понятие.

Необходимо отметить, что в судебной лингвистической экспертизе часто можно встретить вопрос о том, какими приемами, посредством каких языковых и речевых ресурсов проявляются признаки оскорбления. Выделяют основные типы стратегий агрессивного речевого поведения. К наступательным видам стратегии относятся стратегия дискредитации и стратегия нападения.

Стратегия дискредитации положений, высказанных собеседником, реализуется через тактики обвинения, компрометации, гиперболизации. Цель применения данной стратегии — подорвать доверие аудитории к позиции, защищаемой оппонентом.

Стратегия нападения является вспомогательной, она направлена непосредственно на эмоциональную сферу противника. Цель использования данной стратегии — с помощью провокационных вопросов вывести собеседника из психологического равновесия.

В работе Г.В. Кусова обозначены следующие типы стратегий речевого поведения в рамках коммуникативной перверсии: 1) диффамация – публичное распространение сведений, порочащих кого-либо; 2) вербальная дискриминация – выражение в речи своего отличия и превосходства по расовым, национальным, имущественным или иным признакам; 3) вербальная дискредитация – подрыв авторитета, умаление значения кого-либо, подрыв доверия; 4) вербальная инсинуация – создание предпосылок негативного восприятия социального имиджа кого-либо [6, с. 24].

О.С. Иссерс предлагает рассматривать стратегию дискредитации в рамках глобальной стратегии в области речевого воздействия, которую можно обозначить как «игру на понижение» [5, с. 160].

Целью же речевой агрессии может стать дискредитация того или иного общественного деятеля, которая реализуется посредством речевого воздействия.

Несомненно, что одной из самых сильных конфликтных стратегий речевого поведения является стратегия дискредитации, которая реализуется посредством различных тактик: обвинения, разоблачения, обнародования негативных фактов, оскорбления (косвенного оскорбления «бросать тень на кого-либо»), намека, драматизации, иронии (насмешки, издевки), игнорирования личности, перебивания, компрометации, угрозы, хамства и т. п.

Итак, субъект воздействующий может использовать различные речевые тактики для реализации своей цели. Проиллюстрируем некоторые из вышеперечисленных тактик на материале газетных публикаций, которые впоследствии стали объектами анализа при производстве судебных лингвистических экспертиз.

Рассмотрим пример речевой тактики «Обвинение». Статья «Почему у нас самые высокие тарифы на тепло и горячую воду?» [выпуск № 45 (12.11.2009 г.) информационной газеты «Информ Полис»]. Анализируемый контекст: «Это же касается приказов Республиканской службы по тарифам и постановлений Улан-Удэнского городского Совета депутатов, превращающих горожан в «ясачных людей» энергетического монстра и устанавливающих самые примитивные отношения при сборе дани, когда аппетиты взимающих «ясак» почти ничем не ограничены».

В подтекстовой форме автор обвиняет РСТ и Улан-Удэнский городской Совет депутатов в превышении должностных полномочий и использовании своего положения в корыстных целях. Обвинение реализуется посредством обращения к исторической памяти: автор употребляет словосочетания - «ясачных людей», «сбор дани», «аппетиты взимающих ясак». Ясак (тюрк.) - натуральная подать, которой облагались нерусские народы, занимавшиеся охотничьим промыслом в XV-XVIII вв. в Поволжье, в XVII – нач.XX вв. - в Сибири. В Сибири согласно «Уставу об управлении инородцев» (1822) нерусское население было приравнено к русским крестьянам. В отношении некоторых народов, причисленных к «кочевым» или «бродячим» инородцам (якуты, тунгусы, чукчи и др.), обложение ясаком сохранялось до 1917 года. Таким образом, передается негативная информация в пресуппозитивной форме: 'Республиканская служба по тарифам (РСТ) и Улан-Удэнский городской Совет депутатов издают приказы, согласно которым горожане превращаются в зависимых («ясачных») от «энергетического монстра» людей'. Оценочное словосочетание - «энергетический монстр» - это косвенная форма упоминания основного объекта речи - «ТГК-14». Обвинения, высказанные в адрес РСТ и Улан-Удэнского городского Совета депутатов, бросают тень на деловую репутацию «Территориальной генерирующей компании №14», поскольку в сознании актуализируется поговорка: скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Названные субъекты своими приказами и постановлениями поддерживают ТГК-14, значит, между ними установились «дружеские» отношения.

Журналист осуждает бездеятельность, остановку в развитии предприятия. Если бы ТГК-14 развивалась, то это, по мнению автора, позволило бы избежать таких негативных последствий, как высокий тариф (затратное производство) и ущерб окружающей среде.

Рассмотрим пример речевой тактики «Разоблачение». Статья «Жена главы Шунемы спаивает малолетних?» газеты «Вельск-Инфо» №35 (984) от 02 сентября 2009 года. Частью заголовочного комплекса является имя собственное «NNN», которое юридизировано, то есть должно быть рассмотрено с позиции интерпретации, релевантной для юридической практики. «Частый «герой» наших публикаций NNN попался на спаивании малолетних» (подзаголовок). Данная фраза обличительного характера передаёт смысл: «NNN, о котором мы часто публикуем информацию (отсюда использование переносного значения с ироничным оттенком

= «частый «герой»), попался на спаивании малолетних (то есть формирует смысл - был уличен в правонарушении в отношении несовершеннолетних лиц). Вновь оценочное мнение (мнение-умозаключение). Маркером является контекст письма в редакцию. Оценка проявляется посредством лексем - «попался на спаивании». Слово «попался» актуализирует оценочный смысл: «разоблачили, поймали; уличили в противозаконном действии», ассоциативно связано с устойчивыми выражениями «попался, который кусался». Кроме того, актуализируется пресуппозитивный смысл - 'у авторов данной публикации есть свидетельство того, о чём они пишут, а также уверенность в том, что этот факт можно доказать'. Этот смысл формируется у читателей, поскольку лексема «попался» употреблена в прошедшем времени («это уже произошло»). Об этом свидетельствует также сема, передающая значение - 'длительность процесса' в оценочной словоформе «на спаивании» (отглагольное существительное = значение глагола «приучать к пьянству»).

Анализ статьи, произведённый в рамках судебной лингвистической экспертизы показал, что она представляет собой коллективное письмо в приличной форме, осуждающее и критикующее поведение представителя власти (NNN) в рамках тактики «разоблачения». Событийную информацию, представленную в данном письме необходимо соотнести с действительностью.

Рассмотрим пример речевой тактики «Обнародование негативных фактов». Автор статьи «Беда-неделя» (газета «Правда Северо-Запада» №24 от 24.06.2009) перечисляет проблемы («отсутствие воды» - «присутствие воды: избыток не там, где надо»), осуждая (в подтексте):

«Реально жутко, например, жительнице Зое Павловне, живущей на пр. Ломоносова, д.222, (квартиру не указываем - закон не велит). Не глюк: у неё в углу комнаты можно созерцать водопад. Можете себе представить, каково это жить, когда угол сырой? Ремонты бесполезны!».

В форме оценочного суждения здесь автором дана негативная оценка конкретному факту. Маркером оценки выступает фраза - «реально жутко». Журналист приглашает читателя вступить в диалог посредством использования формы мн.ч. глагола «можете себе представить». Во втором случае употребления слово «угол» может быть истолковано не просто как «определённое место в квартире», а как сам 'дом' (значимый концепт в лингвокультуре). Заявление о том, что «ремонты бесполезны!» действует на читателя устрашающе. Журналист приглашает ответственных за положение дел посмотреть на безысходную ситуацию:

«Пора объявлять сезон экскурсий - пригласить хочется всего двух туристов: того самого правильного едросса NNN, да кореша его NNN, что над всем этим 7-дневным хозяйством контроль наводит».

Тактика обнародования негативных фактов относится к тактикам, прямо реализующим стратегию дискредитации. В данном случае отправитель выражает явные отрицательные оценки относительно сложившейся ситуации.

Рассмотрим пример речевой тактики «Драматизация». В статье «7 дней - это победа!» (газета «Правда Северо-Запада» №27 от 15.07.2009): «На той же улице ПО-беда в доме №3 «7 дней» хотят изгнать с помощью священника: у них на почве бесхозяйственности УправКомпании паранормальные явления наблюдаются. Вода, стекая через мусоропровод, словно специально задумано, попадает на высоковольтные провода. Когда час X короткого замыкания - один Господь знает. УправКомпания не знает. Короткое замыкание - страшная

штука: непременно вылетят пробки, наверняка перегорит вся бытовая техника, может начаться пожар. Потом только ТВ официально сообщит про некий несчастный случай... «Несчастный» - на Сульфате не случай. «Несчастлива» жизнь... с такой УправКомпанией – вот всем «несчастьям несчастье»».

Автор при описании очередной проблемы использует тактику драматизации путём использования приёма - доведение до абсурда следующей мысли: «хотят изгнать с помощью священника: у них на почве бесхозяйственности УправКомпании паранормальные явления наблюдаются. Вода, стекая через мусоропровод, словно специально задумано, попадает на высоковольтные провода». Представлен ход потенциально опасной – драматичной - для жизни ситуации. И названы виновные в этом «инсценированном» страшном событии - «УправКомпания 7 дней». Автор указывает на равнодушие и безразличие людей - «про некий несчастный случай...», а затем подводит печальный итог, созвучный подзаголовку предыдущего абзаца - «СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ» ('жизнь собаки зависит от хозяина', 'плохой хозяин – несчастная жизнь') и отражающий окказиональное название данного абзаца - «КОРОТЫШ»: «Несчастлива» жизнь... с такой УправКомпанией – вот всем «несчастьям несчастье»». Автор использует такие формы, как оценочное суждение и мнение («страшная штука», «всем «несчастьям несчастье»). Фактологическая информация - «улица Победы, дом №3» (требует проверки - правовой аспект).

Сложной задачей является определение статуса текстов, ориентированных на комический эффект, поскольку иронические, ернические замечания воспринимаются как дискредитирующие. Например, отождествление адресата публикации с персонажами-бандитами из м/ф «Приключения капитана Врунгеля», которые исполняют песню «Бандитогангстерито». В пресуппозитивной форме актуализируется смысл о причастности объекта речи к криминалу.

Высмеивание есть наиболее жесткий способ негативной характеристики личности. Создание повышенного эмоционального фона, сопровождающего отрицательную оценку, может быть осуществлено в различных, в том числе и косвенных, формах. Для реализации тактики высмеивания, что напрямую связано со стратегией дискредитации конкретного лица (лингвистический признак оскорбления), автор использует также положительно оценочные лексемы: «подвигам NNN», «Браво!», «пищат от восторга», «боевой агитационный листок».

Как показывают результаты анализа публикаций, самыми «востребованными» оказываются тактики косвенного оскорбления («бросить тень»), намёка, иронии, насмешки, издевки, которые позволяют автору не выразить прямо своё негативное мнение, а через имплицитно заложенный смысл создать отрицательный фон для восприятия в высказывании информации. Ирония, как и жанры шутки, пародии, считается приличной формой выражения авторской позиции (но только в том случае, если в публикации не содержится адресной направленности). Если текст имеет чёткую адресную направленность, то это усиливает процесс юридизации.

Литература

1. Басовская Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации / Е. Н. Басовская // Критика и семиотика. – Новосибирск: НГУ, Вып. 7. – 2004. – С. 257–263.

Егорова Е.Н.

Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций)

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 3. С. 69–75.

doi: 10.17759/langt.2015020309

Egorova E.N.

The verbal aggression and the strategy of discrediting (analysis of newspaper publications)

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 3, pp. 69–75.

doi: 10.17759/langt.2015020309

2. *Быкова О. Н.* Речевая (языковая, вербальная) агрессия /Теоретические и прикладные аспекты речевого общения / Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999. С. 96-99.
3. *Верещагин Е. М., Роймар Р., Ройтер Т.* Речевые тактики. Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 82-93.
4. *Жельвис В. И.* Инвектива в парадигме средств фатического общения // Жанры речи. – Саратов: Изд-во Гос УНЦ «Колледж», 1997. – С. 137-144.
5. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - Москва, 2002.
6. *Кусов Г. В.* Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт. – Волгоград, 2004.

The verbal aggression and the strategy of discrediting (analysis of newspaper publications)

Egorova E. N.,

Candidate of Philology, associate Professor, Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk,
Russia, ruslit1611@yandex.ru

This article is devoted to the questions of the speech aggression and the realization tactics of discrediting strategy in newspaper texts. We analysed newspaper publications which received the 'status' of objects of judicial linguistic examinations. The works of V.I. Zhelvis, O.N. Bykova, G.V. Kusov, etc are used as methodological and scientific bases.

Key Words: the verbal aggression, the strategy of discredit, the tactics and strategy of speech influence, the juridization.

References

1. *Basovskaja E. N.* Tvorcy cherno-beloj real'nosti: o verbal'noj agressii v sredstvakh massovoj informacii, E. N. Basovskaja. Kritika i semiotika. Novosibirsk: NGU, Vyp. 7. [Creators of black-and-white reality: about the verbal aggression in mass media, E. N. Basovskaya. The criticism and the semiotics]. Novosibirsk, NGU Publ., 2004, pp. 257–263.
2. *Bykova O. N.* Rechevaja (jazykovaja, verbal'naja) agressija, Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshhenija, [The (language, verbal) aggression, the theoretical and applied aspects of speech communication] Vestnik Rossijskoj ritoricheskoj asociacii. [The messenger of the Russian rhetorical association]. Vyp. 1 (8). Krasnojarsk, 1999. pp. 96-99.
3. *Vereshhagin E. M., Rojmar R., Rojter T.* Rechevye taktiki. Voprosy jazykoznanija. [The speech tactics. The linguistics questions]. 1992. № 6. pp. 82-93.
4. *Zhel'vis V. I.* Invektiva v paradigme sredstv faticheskogo obshhenija. Zhanry rechi. [The invektiva in a paradigm of means of fatichesky communication//speech Genres]. Saratov. Kolledzh Publ., 1997, pp. 137-144.
5. *Issers O. S.* Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. [The communicative strategy and tactics of the russian speech]. Moscow, 2002.
6. *Kusov G. V.* Oskorblenie kak illokutivnyj lingvokul'turnyj koncept. [The verbal insult as of an illokutivny lingvokulturny concept.]. Volgograd, 2004.

Гендерные стереотипы в дискурсе гасстики

Миньяр-Белоручева А.П.,

доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
kafedra241@mail.ru

Покровская М.Е.,

доцент кафедры иностранных языков исторического факультета Московского
Государственного Университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

В статье рассматриваются гендерные стереотипы в дискурсе гасстики. Гендерный стереотип относится к одному из важнейших компонентов языковой картины мира каждого народа. Анализ гендерных стереотипов через призму дискурса гасстики позволяет выявить культурные и языковые особенности конкретного народа, создать собирательные мускулинные и феминные образы, способствующие эффективному осуществлению межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: дискурс гасстики, гендерные стереотипы, феминный, мускулинный, языковая картина мира, образы, межкультурная коммуникация.

Для цитаты:

Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Гендерные стереотипы в дискурсе гасстики [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Minyar-Beloroucheva_Pokrovskaya.shtml doi: 10.17759/langt.2015020310

For citation:

Minyar-Beloroucheva A.P., Pokrovskaya M.E. Gender stereotypes in gustics discourse [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 3. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Minyar-Beloroucheva_Pokrovskaya.shtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020310

Гендерный стереотип выступает одним из важнейших элементов языковой картины мира каждого народа. Гендерные стереотипы отражают общечеловеческие или культурно-специфические ценности и социально-психологические представления о мужчинах и женщинах в конкретном языковом обществе. К факторам, влияющим на создание гендерных стереотипов помимо этнической и расовой принадлежности, возраста, социального статуса человека, относятся и вкус как один из видов хеморецепции, создающих в когнитивном пространстве гендерные образы посредством языковых средств гасстики.

Изучение гендерных стереотипов через призму гасстики, непосредственно связанное с выявлением культурных и языковых особенностей, позволяет понять мировоззрение конкретного народа, создать собирательные мускулинные и феминные образы, способствующие эффективному осуществлению межкультурной коммуникации, влияющей

на «сознание <...> участников межкультурного общения» [10, с.15]. Успех межкультурного общения зависит от множества взаимосвязанных факторов, включающих языковые, социокультурные и эмоционально-оценочные, которые уникальны для каждого народа. Для нивелирования межкультурных противоречий стереотипы изучают с позиций диалога культур. Теория конфликтов подчеркивает дезинтегрирующую функцию стереотипов, которые, упрощая окружающую действительность, способствуют порождению предрассудков [5, с.95-96] относительно конкретных народов или социальных групп, что не способствует их сближению.

Несмотря на свое многовековое существование, стереотипы попали в центр внимания исследователей сравнительно недавно. Изначально стереотипы оказались в фокусе исследований, которые происходили в разных странах и относились к разным областям знания. Физиолог И.П. Павлов и социолог и журналист У. Липпман заложили основы изучения стереотипов в начале 1920-х годов. В центре внимания лингвистов [1] стереотипы оказались во второй половине XX века. Особое развитие проблема стереотипов получила у этнопсихолингвистов [3] и исследователей межкультурной коммуникации [10]. Многогранность стереотипов позволяет каждому специалисту отдельной области знания выявить черты, позволяющие создать наиболее полное представление о таком сложном феномене как стереотип [8; 9]. Когнитивный подход к изучению стереотипов позволил перейти на качественно новый уровень: от выявления закономерностей их функционирования и способов трансформации к процессам их восприятия и категоризации [25].

Термин «стереотип», заимствованный из типографской терминологии XVIII века, означавший монолитную печатную форму в виде рельефной копии с типографского набора, используемую для воспроизведения в печати, У. Липпман перенес в область социологии, употребив его для обозначения упрощенного и неизменного представления о каком-либо фрагменте реальности. Выбор данного термина не был случаен, У. Липпман осознавал, что жизнь человека сопровождается устоявшимися, передающимися из поколения в поколение, моделями (patterns), формулами, которые способствуют формированию априорных мнений о явлениях действительности. В том случае, если человек распознает нечто как знакомое, то при недостатке внимания он может увидеть его с помощью образов, уже имеющихся в его сознании [5, с.106-126].

Стереотипы относятся не к физиологическому, а социальному наследию, которые человек усваивает в ходе своего воспитания. При затруднении доступа к информации или ее отсутствии, «понимание контролируется стереотипами, <...> факты, имеющиеся в нашем распоряжении, фильтруются иллюзиями самозащиты, престижа, нравственности, пространства и способами выборочного исследования». Стереотипы, согласно У. Липпману, знакомят человека с миром еще до того, как он его увидит или непосредственно соприкоснется с ним, создавая предубеждения, которые управляют процессом восприятия мира человеком. Именно стереотипы ставят печать на объекте «либо как знакомые, либо как странные и необычные, усугубляя различие по этому параметру: слегка знакомое подается как очень близкое, а чуть-чуть странное — как абсолютно чужое». У. Липпман отмечает, что эти различия осознаются благодаря признакам, которые ранжируются от явных маркеров до едва уловимых аналогий, сопровождая свежее восприятие хорошо знакомыми образами, проецируя на мир то, что было сокрыто в памяти. Стереотипы У. Липпман воспринимает как осмысленное единообразие, их наличие способствует экономии усилий, а отсутствие – приводит к ошибкам. Стереотипы приводят не к обеднению человеческой жизни, но к прямо противоположному эффекту, они ее обогащают, помогая ориентироваться в пространстве и экономя усилия в его постижении. Устоявшиеся образы оказывают большое влияние на сознание человека, являясь основой его личной традиции, щитом, оберегающим его положение в обществе, поэтому «любое изменение стереотипов воспринимается как атака на основы мироздания». У. Липпман подходит к

стереотипам как необходимой данности, не ставя на них печать истинности или ложности, они, по его мнению, не тратят время на стремление познать мир целиком [5, с.104- 159].

Стереотипы входят в жизнь человека не только посредством устойчивых представлений о разных отрезках действительности, но и благодаря использованию стандартных образцов словоупотребления, устойчивых словосочетаний и синтаксических конструкций, общих моделей речевого поведения в конкретных ситуациях [6]. Стереотипизация рассматривается как «способ мышления, который не признает возможных различий между членами стереотипизируемой группы и не допускает исключений из общих правил» [36, p.169].

Стереотипы неоднородны по своим характеристикам, что позволяет выделить их в разные группы [7]. Стереотипы классифицируют на автостереотипы и гетеростереотипы, среди которых можно выделить индивидуальные и коллективные; антропостереотипы, стереотипы событийные и предметные; стереотипы персоналий; ментальные стереотипы; социальные стереотипы, которые помимо гендерных, включают герантологические, конфессиональные, профессиональные, этнокультурные, классовые; политические; стереотипы поведения, восприятия, контрастостереотипы [4, с.285].

Стереотипы выполняют многочисленные функции, охватывающие коммуникативную, когнитивную, аксиологическую, прогнозирующую, компенсаторную. Данное исследование посвящено гендерным стереотипам. Гендерные стереотипы отражают особенности культуры каждого народа, создают устойчивые образы, формирующиеся в сознании людей, посредством различных источников информации, к которым относятся произведения народного и индивидуального творчества. Гендерные стереотипы, созданные на основе языковых средств гасстики, отличаются образностью и схематичностью и прочно закреплены в индивидуальном и коллективном сознании народа.

Представляется необходимым начать с особенностей восприятия вкуса человеком. Ощущение вкуса неразрывно связано с восприятием запаха. Выделяются четыре основных классических вида вкуса: *солёный, сладкий, горький, кислый* (sour, sweet, bitter, saline (salty)). К ним можно добавить два новые: щелочной и вяжущий. Остальные разновидности и оттенки возникают из нашего восприятия вкуса, а также ощущений и ассоциаций с ним связанных. Психологи отмечают серьезное влияние испытываемых человеком вкусовых ощущений на его восприятие окружающего: «Вкусовые ощущения, порождаемые химическими веществами, поступающими из внешней среды, влияя на вегетативные функции, могут обусловить приятный или неприятный эмоциональный фон самочувствия. С.Л. Рубинштейн отмечал, что обычай сочетать празднество с пиршествами свидетельствует о том, что практика учитывает способность вкусовой чувствительности, связанной с воздействием на вегетативную нервную систему, влиять на чувственный тон общего самочувствия» [11].

Все, что вкусно – хорошо. Положительные эмоции от вкусной еды порождают положительные метафоры: *tasty* – так говорят о привлекательной женщине.

Рассмотрим, что воспринимается «вкусным», «хорошим» метафорически. В первую очередь выявляется, что хорошо то, что сладко.

'I must not stay to tell you his sweet sayings, save one' [19].

'It's a sweet, uplifting story about an English girl at a mission in India in the Thirties'[38]. Прилагательное *sweet* в значении *милый, красивый, привлекательный* используется для создания речевых портретов:

Mr James remembers her well, she was a sweet woman, all good nature, not a thought in her head, who asked for nothing but to love and cherish (her husband had been spectacularly unfaithful to her, even for Rome—it runs in that family) [15].

Сама любовь ассоциируется со сладостью. В словаре Dictionary of American Regional English даются следующие слова из тематического поля ласковых обращений к возлюбленным: *honey (honey bunch, honey bun, hun, honey pot, honey bear, honey bee, honey child, my honey, honey bunny), sweetie (sweets, sweetheart, sweetie pie, sweet pea, sweet thing, sweet potato), sugar (suger pie, suger plum, sug, sugar baby, sugar doll, sugar foot), lambie pie, peachie, pie, pudding, cookie, hot cake [37].*

Эти обращения могут быть адресованы к партнерам обоого пола:

‘Take care of your sweet self, love, and think of me occasionally’ [43].

Другим приятным вкусовым ощущением является восприятие в меру подсоленной пищи. Восприятие того, что *saline/salty*, воспринимается положительно, поскольку отсутствие соли делает еду невкусной (*tasteless*), пресной (*devoid of flavour*). В приведенном ниже примере *salty* употребляется в значении *острый, пикантный, соленый*, а, следовательно, и *интересный*.

‘It is as well that the Princess Royal has a salty sense of humour’ [41].

Оттенки вкуса в виде его остроты, пряности и пикантности прослеживаются в прилагательном *spicy*, где присутствует та же сема *вкусный, приятный* и просматривается в его синониме *sweet-scented* и коннотативно сближает его со *sweet*.

‘He invariably had *some spicy piece* of information to impart that would add to Preston's meagre understanding’ [17].

Прилагательное *sour* в значении *кислый* благодаря семе *испорченный, плохой, не пригодный к употреблению* приобретает негативные коннотации.

‘You wouldn't say that if you'd seen the old Zambia in action,’ Leila said, pulling a sour face’ [21].

Не только выражение лица может быть кислым, но и чувства могут стать негативными, а мечта померкнуть:

‘It was only as time, the weather, bad management, neglect and poverty took their toll that the dream turned sour’ [33].

‘And she thought: but evil longings and greedy desires and black sour emotions, as well’ [45].

То, что было сладко и приятно, может испортиться (*to turn sour, to go sour*):

‘Then the honeymoon went sour’ [40].

‘Those risks can *turn sour*, as they do for any pin-striped market-maker’ [41].

Следующий вкус – *горький*. Прилагательное *bitter* всегда несет в себе сему *bad, unpleasant*, может быть за исключением сочетания *горький шоколад*, где этим подчеркивается одно из основных достоинств шоколада:

‘Use hot or warm water and it turns bitter and unpleasant’ [18]

‘For the rest of Europe this assertion of German nationhood has its unavoidably bitter dimension’ [27].

'It is headed by Suresh Grover, who, like many associated with the organisation, has been active in radical Asian politics since the mid-1970s and the *bitter campaign* which followed the death of Blair Peach from a police truncheon blow in 1979' [28].

Из приведенных примеров видно, что четыре основных вкуса и их оттенки, воспринимаемые человеком, могут быть ассоциированы с положительными (наличие семы *вкусный, хороший* в группе прилагательных *sweet, salty, spicy*) и отрицательными (наличие семы *безвкусный, плохой, испорченный* в группе прилагательных *bitter, sour*) качествами, что нашло свое дальнейшее развитие в метафорах с этими прилагательными. Так вкус помогает человеку ориентироваться в мире и передавать свои чувства, эмоции и отношение. Отметив для себя вышеизложенное, вернемся к гендерным стереотипам.

Гендерные стереотипы объединяются в иерархически организованные системы. Родовыми по отношению к гендерному стереотипу являются феминные и мускулинные стереотипы. Феминные стереотипы – это культурно детерминированные, эмоционально-оценочно окрашенные представления о восприятии женщин и их положении в обществе, существующие в ментальном пространстве отдельной личности или в коллективе. Мускулинные стереотипы понимают как представления, касающиеся положения и оценки мужчин в обществе, существующие в индивидуальном или коллективном ментальном пространстве. Маскулинность и фемининность «подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов» [14, p.17] и поддерживаются специфическими для каждой группы языковыми средствами гасстики, создающими целостностное восприятия человеческого общества.

В гендерной стереопизации языковыми средствами гасстики создается «гендерная дихотомия» в восприятии мужских и женских качеств [35, p.20].

Как было установлено, мускулинные стереотипы существуют не сами по себе, а в контрасте с феминными [20, p.68.], которые, как и все противоположности, являются взаимодополняемыми. Это привело исследователей к выводу, что феминность и мускулинность не следует противопоставлять, поскольку они взаимообусловлены [16, p.53]. Мускулинность всегда соотносится с мужеством, отвагой и некоторой грубоватостью, поэтому есть некоторая циничность в *salty talk among men* — «мужские разговоры»:

'I can tell you now it's going to have some of that salty humour to it, that salty talk, but I am in no way a misogynist' [24].

К *salty* очень близок в этом значении *spicy* (в значении *пикантный, интересный*), эпитет используется для описания речи мужчин и их характеристики женщин, как например, в сочетании *spicy bits of scandal* – пикантные подробности скандала; или *spicy girls* – девушки «с перчинкой, с изюминкой»:

'The ferrymaster regaled them with spicy stories about the comings and goings of King Alexander' [23].

Другое значение для *spicy*, которое фиксируется словарями, очень мускулинное *нескромный, скабресный* как в *spicy expressions* – соленые словечки, вообще *spicy* может обозначать *колкий, язвительный* как характеристика чьей-либо речи. В американском варианте английского языка для *spicy* зафиксировано ещё одно значение: *враждебный, злой, строптивый, упрямый, агрессивный* (амер., разг.)

To jump salty означает внезапно разозлиться, окрыситься, озлобиться.

Феминные образы создаются с помощью прилагательного *sweet*:

‘Virginia was everyone’s favourite, a sweet woman whose schoolgirl looks appealed strongly to the over forty-fives’ [22].

В случае, если речь идет о постороннем мужчине, то характеристика *a sweet boy* уничижительна и имеет значение *слащавый парень*.

Как уже отмечалось, милая привлекательная женщина в глазах мужчины – *tasty*:

‘Smiling, snickering, he says ‘If you like girls come down front!’ referring to some ‘tasty’bird’already there’[32].

Взаимоотношения полов в счастливый период являют собой “Sugar & Spice”, с таким названием вышли два фильма: американский – в 2001 году и японский – в 2006 году, роман Лорана Конрада в 2010 году, а также многочисленные песни и сериалы англоязычного мира с 1962 по 1990 годы. Но если в любви идет что-то не так, то сладость превращается в горечь, скисает, а пряность и острота воспринимаются как излишние, а потому их невозможно воспринимать, что ярко отражено в высказывании Педро Кальдерона: «Женщина - это кушанье, достойное богов, если только чёрт не приправит его».

Впервые о качестве женщины с позиций гасистики было сказано в каноническом собрании священных текстов:

‘And I find more bitter than death the woman, whose heart *is* snares and nets, *and* her hands *as* bands: whoso pleaseth God shall escape from her; but the sinner shall be taken by her’ [30].

«Женщины слаще жизни и горше смерти» [2].

Роль женщины и её характеристика с точки зрения мужчины прослеживается в высказывании Вильгельма Фишера: «Как закваска придаёт хлебу вкус или делает его отвратительным, - так и женщина в жизни мужчины». Но и грубое отношение мужчины вызывает в женщине горькие чувства:

‘The point generally made in corroboration of this theory is that his poetry is marked by images of sterility and mechanical lust, and that the excised passages of *The Waste Land* which have now been published contain evidence of pervasive and sometimes *bitter misogyny*’ [13].

Гендерные стереотипы складываются с детства. Популярный с XIX века стишок, в котором знакомый с детства вопрос “*What are little girls made of?*” звучал несколько иначе, создав очаровательный феминный образ «сладкой женщины» посредством языковых средств гасистики:

Sugar and spice

And everything nice (or all things nice)

That’s what little girls are made of. [38]

Данный феминный образ, аккумулировавший устойчивые эмоционально-оценочные представления о женщинах, стал популярен во всей западноевропейской культуре и был переведен на все языки Европы. В качестве иллюстрации приведем перевод на итальянский язык:

Di cosa sono fatte le ragazze?

Zucchero e spezie,

e tutto ciò è bello!

Questo è quello di cui sono fatte le ragazze.

Перевод на русский язык не передает особенности языка гасстики оригинала, в нем на вопрос:

«Из чего же, из чего же, из чего же

Сделаны наши девчонки?»

дается ответ, создающий феминные образы, соответствующие общепринятым для данной культуры стереотипам далеким от гасстики. Положительный женский образ опирается на существующие в русскоязычной традиции образцы, связанными с цветочками, звоночками, тетрадками и переглядками [12], которые далеки от сказочного мира «пряничных домиков».

Следует отметить, что гендерные стереотипы, созданные на основе языковых средств гасстики, позволяют ускорить когнитивную эффективность гендерного восприятия личностей.

В массовом сознании *sweet* соотносится с детством.

‘Why are people so quick to associate children with sweet things?’ [34]. Эпитет *sweet* используется метафорически для создания прелестных образов малышей вообще: ‘sweet baby’: ‘Be still, my dear; sweet baby, sleep’ [38]. В английской традиции в состоянии *baby* (в русском языке для наименования ребенка в этот период тоже существует особая лексическая единица - *грудничок*) ребенок не воспринимается как носитель гендерных различий и для него используется местоимение *it*. Далее эпитет ‘sweet’ традиционно закрепляется за девочками: ‘My sweet little girl should be cheerful and mild’ [38], а затем за молодыми женщинами.

В гендерных стереотипах посредством языковых средств гасстики проводится грань между представителями разных возрастных групп в рамках одного гендера. Геронтологический элемент присутствует в гендерных феминных стереотипах, в которых языковые средства гасстики выполняют эмоционально-аксиологическую функцию, опосредованно характеризую персонажей популярного лимерика:

There was an old lady, all dressed in silk,
Who lived upon lemons and butter-milk;
And, thinking the world was sour old place,
She carried its acid all over her face [38].

Вкусовые ощущения кислого создаются посредством таких языковых средств как: *lemons, butter-milk, sour, acid*, которые ментально воздействуют на рецепторы вкуса, однозначно ассоциируясь со старостью и воспринимающиеся как норма, создают пейоративные стереотипы в коллективном сознании. Как известно, чувствительность вкусовых ощущений снижается при длительном раздражении одного и того же участка мозга посредством слишком долгого повторения лексических средств гасстики, служащих вкусовым раздражителем и вызывающих одни и те же вкусовые ощущения.

Но *кислый* и *сладкий* вступают в контрарные отношения при формировании того же геронтологического стереотипа, неся в себе семы *хороший/плохой*. В следующих строчках доминируют лексические единицы, вызывающие вкусовые ощущения сладкого, вводя оценочность и положительное отношение к пожилой даме:

Another old lady, all sunny and neat,

Who lived upon sugar and everything sweet [38], тем самым, создавая вариативность в рамках ранее созданного стереотипа.

В одном произведении происходит столкновение мнений относительно геронтологически схожих феминных образов, конструирующих стереотипы посредством языковых средств гастики. Для создания объективной картины восприятия феминных образов в произведении всегда присутствуют ассиметричные образы. «Стереотипический дуализм», являющийся разделением образа на контрарные элементы, всегда неоднозначен [29], в нем нет ярко выраженного размежевания на положительные и отрицательные стереотипы. Гендерные стереотипы, выраженные посредством языковых средств гастики, смягчают противоречия, создавая целостный, устойчивый и стабильный образ.

Таким образом, языковые средства гастики, вызывая вкусовые ощущения сладкого, связанного с чем-то приятным, нивелирует отрицательные вкусовые ощущения кислого, создавая позитивный геронтологический феминный образ.

Стереотипизация – это когнитивный процесс. Гендерные стереотипы гастики позволяют рационально подходить к процессу восприятия и оценки людей, опираясь на одни качества и сглаживая другие.

Следует отметить, что все гендерные образы, выраженные средствами языка гастики, пронизаны юмором и легкой иронией, которые воспринимаются в качестве защитного механизма, позволяющего сгладить конфликт поколений. В их основе лежит стремление к позитивному восприятию гендерно- и геронтологически отличающихся людей и тем самым избежать противоречий, характерных для представителей разных поколений. Такие «рифмы», усвоенные с детства, позволяют смягчить существующие геронтологические различия, создавая портрет собирательного геронтологического феминного образа.

‘Nursery rhymes’ как форма массового устного творчества народной культуры, отличается своеобразием ритма, рифмы, персонажами, которые описываются посредством призмы языковых средств гастики. Этим, усвоенным с детства стихам, присущи *воспроизводимость, легкость восприятия, устойчивость.*

В условиях постоянного увеличения информации стереотипы не могут исчезнуть, их количество может возрасти и значимость усилиться в сознании людей, поскольку они корректируют восприятие окружающей действительности и существующих в ней людей, создавая упрощенные и устойчивые образы, являющиеся результатом обобщения индивидуального и коллективного опыта.

Подводя итог, следует отметить, что гендерные стереотипы, закрепленные в языковых единицах гастики, несут оценочные коннотации и создают на основе личностных качеств собирательные феминные и мускулинные образы в их геронтологическом развитии. Возникшие и закрепленные в общественном сознании гендерные стереотипы, образованные на основе языковых средств гастики, создают устойчивые представления о мужчинах и женщинах, которые закреплены культурно-историческими традициями. Гендерные стереотипы порождены массовой культурой и направлены на массовые адреса. Инструментом распространения и закрепления в массовом сознании гендерных стереотипов с помощью средств гастики являются произведения искусства и литературы.

Литература

1. *Апресян, Ю.Д.* Образ человека по данным языкам: Попытка системного описания // *Вопр. языкознания.* – 1995. – № 1. – С. 37– 67.
2. Библия. Ветхий и Новый заветы. Ек. 7.26. URL: <http://azbyka.ru/biblia/?Eccl.7:26>]
3. *Красных, В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
4. *Леонтович, О.А.* Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. – Волгоград: Перемена, 2003. – 399 с. с.285.
5. *Липпман, У.* Общественное мнение/Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 382 с.
6. *Миньяр-Белоручева, А.П., Покровская, М.Е.* Этнические стереотипы в современном языковом пространстве // *Национальный психологический журнал.* – М., 2012. № 2 (8). С. 90–94.
7. *Миньяр-Белоручева, А.П., Покровская, М.Е.* Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы-персонификации и вербальные образы-антропонимы // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология,* № 1. – М., 2013, с. 52-65.
8. *Миньяр-Белоручева, А.П., Покровская, М.Е.* История развития зооморфного стереотипа в политическом дискурсе. *Вестник Орловского государственного университета.* Том 43, № 2. – Орел 2014, с. 168-172.
9. *Миньяр-Белоручева, А.П., Покровская, М.Е.* Зооморфизация национальных стереотипов в политическом дискурсе. *Вестник Чувашского университета.* Серия: Гуманитарные науки № 2. – Чебоксары 2015, с.192-197.
10. *Тер-Минасова, С.Г.* Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008. – 344 с.
11. *Рубинштейн, С.Л.* Основы общей психологии. – СПб, 2002. – 720 с.
12. *Халемский, Я.* Из чего же? Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.karaoke.ru/song/5188.htm>
13. *Ackroyd, Peter. Eliot, T.S.* London: Sphere Books Ltd, 1988, pp. 232-335. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
14. *Basow, S. A.* Gender: Stereotypes and roles. Pacific Grove, CA:Brooks/Cole.,1992. – 129 р.
15. *Bedford, S.A.* Compass Error. London: Virago Press Ltd, 1993, pp. 53-168. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
16. *Bourdieu P.* Masculine domination. Stanford: Stanford University Press, 2001. – 133 p.
17. *Bryers, P.* The Adultery Department. London: Bloomsbury Publishing Ltd, 1993, pp. 1-130. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

18. *Caterer & Hotelkeeper*, the magazine in the UK. Sutton, Surrey: Reed Publishing Group, 1991 URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
19. *Cecil, R.* The masks of death: Changing Attitudes in the Nineteenth Century. Lewes, Sussex. The Book Guild Ltd, 1991. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
20. *Connell, R.W.* Masculinities. Berkeley, Los-Angeles: University of California Press, 1995. – 295 p.
21. *Constantine, S.* Hermetech. London: Headline Book Publishing plc, 1991 URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
22. *Critchley, J.* The Floating Voter. London: Headline Book Publishing plc, 1993, pp. 1-150. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
23. *Doherty, P.C.* Crown in Darkness. London: Headline Book Publishing plc, 1991, pp. 27-151. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
24. Dublin's Hot Press magazine. Dublin, Ireland, 1991. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
25. Dictionary of American Regional English. URL: <http://www.daredictionary.com>
26. *Eberhardt, J.L., Fisce S.T.* Motivating individuals to change: What is a target to do? //In C. N. Macrae, C. Strangers & M. Hewstone (Ed.) Stereotypes and stereotyping. – New York: Guilford, 1996. – Pp.369–418.
27. Guardian, electronic edition of 19891111. London: Guardian Newspapers Ltd, 1989, Home material. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
28. Guardian, electronic edition of 19891213. London: Guardian Newspapers Ltd, 1989, World affairs material. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
29. *Hall, S.* The West and the rest: Discourse and power // Hall S., Greben B. (eds.) Formations of modernity. Cambridge: Polity Press in association with the Open University, 1992. – Pp. 275–331.
30. King James Bible Online: Authorized King James Version (KJV) of the Bible. URL: <http://www.kingjamesbibleonline.org/>.
31. National British Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> Date of access: September 10, 2015.
32. New Musical Express. London: Holborn Publishing Group, 1992. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
33. New Statesman and Society. London: Foundation House, 1992. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
34. Parents. London: EMAP Consumer Publications Ltd, 1991. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
35. *Peterson, V.S., True J.* New Times and New Conversations // The Man Question in International Relations. Zalewski M., Parpart J. (eds.). Boulder, CO and Oxford, UK: Westview Press, 1998. – Pp. 14–27.

36. Scollon, R., Scollon S.W., Jones R.H. Intercultural communication: A discourse approach. 3d edition. Malden MA: Wiley-Blackwell, 2012. – 336 p.
37. Survey results. URL: <http://dare.wisc.edu/survey-results/1965-1970/courtship-marriage-childbearing/aa3>
38. Sweet rhymes. URL: <http://www.sweethymes.com/nursery-rhymes/sweet-baby>
39. The Belfast Telegraph. u.p., n.d. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
40. The Daily Telegraph plc. Arts material. London, 1992. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
41. The Daily Telegraph plc, Leisure material. London, 1992. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
42. The Economist Newspaper Ltd. London 1991. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
43. Thought Catalog. URL: <http://thoughtcatalog.com/jim-goad/2013/11/100-quotes-about-women>
44. Wisden Cricket Magazines. Surrey, 1992. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
45. Wood, B. Rebel angel. London: Headline Book Publishing plc, 1993, pp. 162-252. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

Gender stereotypes in gustics discourse

Minyar-Beloroucheva A.P.,

Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
kafedra241@mail.ru

Pokrovskaya M.E.,

Candidate of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

---

The article deals with gender stereotypes in gustics discourse. A gender stereotype is one of the most important components of the linguistic Weltbild of every nation. The study of gender stereotypes through gustics discourse allows us to identify cultural and linguistic features of a particular nation, to create collective masculine and feminine images that facilitate effective intra- and intercultural communication.

Keywords: gustics discourse, gender stereotypes, feminine, masculine, linguistic Weltbild, images, intercultural communication.

References

1. *Apresyan Ju.D.* Obraz cheloveka po dannym yazykam: Popytka sistemnogo opisaniya [The image of man according to the language: the attempt of system description] // Vopr. yazykoznaniiya. – 1995. – № 1. – S. 37– 67.
2. Bibliya. Vetkhiy i Novyy zavety. Ek. 7.26. [The Bible, Old and New Testaments. Eccl.7:26.] URL: <http://azbyka.ru/biblia/?Eccl.7:26>].
3. *Krasnykh, V.V.* Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya [Ethnopsycholinguistic and cultural linguistics]. – M.: Gnozis, 2002. – 284 s.
4. *Leontovich, O.A.* Rossiya i SShA: Vedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu : ucheb. Posobie [Russia and the USA. Introduction to intercultural communication: a manual for a special course]. – Volgograd: Peremena, 2003. – 399 s., 285 s.
5. *Lippmann, W.* Obshchestvennoe mnenie [Public opinion] / Per. s angl. T.V. Barchunovoy. – M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. – 382 s.
6. *Minyar-Beloroucheva, A.P., Pokrovskaya, M.E.* Etnicheskie stereotipy v sovremennom yazykovom prostranstve [Ethnic stereotypes in contemporary linguistic space] // Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal. – M., 2012. № 2 (8). S. 90–94.
7. *Minyar-Beloroucheva, A.P., Pokrovskaya, M.E.* Etnicheskie stereotipy v

angloyazychnom prostranstve: vizual'nye obrazy-personifikatsii i verbal'nye obrazy-antroponimy [Ethnic stereotypes represented by personifications and anthroponyms created through visual and verbal images in English speaking area] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya, № 1. – М., 2013, s. 52-65.

8. *Minyar-Beloroucheva, A.P., Pokrovskaya, M.E.* Istoriya razvitiya zoomorfnogo stereotipa v politicheskom diskurse [History of a zoomorphic stereotype in political discourse]. Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Tom 43, № 2. – Orel 2014, s. 168-172.
9. *Minyar-Belroucheva, A.P., Pokrovskaya, M.E.* Zoomorfizatsiya natsional'nykh stereotipov v politicheskom diskurse [Zoomorphization of National Stereotypes in Political Discourse]. Vestnik Chuvashskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauk, № 2. – Cheboksary 2015, s.192-197.
10. *Ter-Minasova, S.G.* Voyna i mir yazykov i kul'tur [War and peace of languages and cultures]. – М.: Slovo, 2008. – 344 с.
11. *Rubinshteyn, S.L.* Osnovy obshchey psikhologii [Fundamentals of general psychology]. – SPb, 2002. – 720 s.
12. *Khalemskiy, Ya.* Iz chego zhe? [What are little girls made of?] URL: <http://www.karaoke.ru/song/5188.htm>
13. *Ackroyd, Peter. Eliot, T.S.* London: Sphere Books Ltd, 1988, pp. 232-335. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
14. *Basow, S.A.* Gender: Stereotypes and roles. Pacific Grove, CA:Brooks/Cole.,1992. – 129 p.
15. *Bedford, S.A.* Compass Error. London: Virago Press Ltd, 1993, pp. 53-168. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
16. *Bourdieu, P.* Masculine domination. Stanford: Stanford University Press, 2001. – 133 p.
17. *Bryers, P.* The Adultery Department. London: Bloomsbury Publishing Ltd, 1993, pp. 1-130. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
18. *Caterer & Hotelkeeper, the magazine in the UK.* Sutton, Surrey: Reed Publishing Group, 1991 URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
19. *Cecil, R.* The masks of death: Changing Attitudes in the Nineteenth Century. Lewes, Sussex. The Book Guild Ltd, 1991. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
20. *Connell, R.W.* Masculinities. Berkeley, Los-Angeles: University of California Press, 1995. – 295 p.
21. *Constantine, S. Hermetech.* London: Headline Book Publishing plc, 1991URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
22. *Critchley, J.* The Floating Voter. London: Headline Book Publishing plc, 1993, pp. 1-150. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
23. *Doherty, P C. Crown in Darkness.* London: Headline Book Publishing plc, 1991, pp. 27-

151. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
24. Dublin's Hot Press magazine. Dublin, Ireland, 1991. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
25. Dictionary of American Regional English. URL: <http://www.daredictionary.com>
26. Eberhardt, J.L., Fiske S.T. Motivating individuals to change: What is a target to do? //In C. N. Macrae, C. Strangers & M. Hewstone (Ed.) Stereotypes and stereotyping. – New York: Guilford, 1996. –Pp.369–418.
27. Guardian, electronic edition of 19891111. London: Guardian Newspapers Ltd, 1989, Home material. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
28. Guardian, electronic edition of 19891213. London: Guardian Newspapers Ltd, 1989, World affairs material. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
29. Hall, S. The West and the rest: Discourse and power // Hall S., Greben B. (eds.) Formations of modernity. Cambridge: Polity Press in association with the Open University, 1992. – Pp. 275–331.
30. King James Bible Online: Authorized King James Version (KJV) of the Bible. URL: <http://www.kingjamesbibleonline.org/>.
31. National British Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> Date of access: September 10, 2015.
32. New Musical Express. London: Holborn Publishing Group, 1992. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
33. New Statesman and Society. London: Foundation House, 1992. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
34. Parents. London: EMAP Consumer Publications Ltd, 1991. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
35. Peterson, V. S., True J. New Times and New Conversations // The Man Question in International Relations. Zalewski M., Parpart J. (eds.). Boulder, CO and Oxford, UK: Westview Press, 1998. – Pp. 14–27.
36. Survey results. URL: <http://dare.wisc.edu/survey-results/1965-1970/courtship-marriage-childbearing/aa3>
37. Scollon, R., Scollon S.W., Jones R.H. Intercultural communication: A discourse approach. 3d edition. Malden MA: Wiley-Blackwell, 2012. – 336 p.
38. Sweet rhymes. URL: <http://www.sweetrhymes.com/nursery-rhymes/sweet-baby>
39. The Belfast Telegraph. u.p., n.d. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
40. The Daily Telegraph plc, Leisure material. London, 1992. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
41. The Daily Telegraph plc. Arts material. London, 1992. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
42. The Economist Newspaper Ltd. London 1991. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

Миньяр-Белоручева А.П., Покровская Е.М.
Гендерные стереотипы в дискурсе гасистики
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 76–90.
doi: 10.17759/langt.2015020310

Minyar-Beloroucheva A.P., Pokrovskaya M.E.
Gender stereotypes in gustics discorse
2015, vol. 2, no. 3, pp. 76–90.
doi: 10.17759/langt.2015020310

43. Thought Catalog. URL: <http://thoughtcatalog.com/jim-goad/2013/11/100-quotes-about-women>
44. Wisden Cricket Magazines. Surrey, 1992. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
45. *Wood, B.* Rebel angel. London: Headline Book Publishing plc, 1993, pp. 162-252. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

Лингвоэкология этностереотипов современного медийного пространства

Туранская Н.В.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
Московский государственный социально-гуманитарный университет, Москва, Россия,
Tur_nad@yandex.ru

В данной статье исследуются этностереотипы номинации лиц отдельной этнической группы. По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), информационных ресурсов Рунета, текстов СМИ анализируются лингвоэкологичность употребления изучаемых языковых средств.

Ключевые слова: диффамация, агрессивное речевое поведение, межкультурная коммуникация, этноним, эмоционально-экспрессивная маркированность.

Для цитаты:

Туранская Н.В. Лингвоэкология этностереотипов современного медийного пространства [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Turanskaya.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020311

For citation:

Turanskaya N.V. Lingvoecology of ethnic stereotypes of the modern media space [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Turanskaya.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020311

По справедливому замечанию исследователей В.И. Шаховского и Н.Г. Солодовникова,[5] неэкологической лексикой пропитаны все сферы современной массовой коммуникации. В связи с чем становятся актуальными вопросы изучения форм нетолерантного диффамационного речевого поведения, а также вопросы использования прагмалингвистических стратегий диффамации в виде конкретных агрессивных дискурсивных проявлений или практик в сфере межкультурной коммуникации. В данном ключе особую значимость имеют исследования, посвященные анализу диффамационных речевых стратегий использования языковых средств, оказывающих воздействие на слушателя/читателя, которые формируют его социальную и политическую позицию по отношению к какому-либо событию или явлению окружающей действительности.

Предметом исследования является функционирование этностереотипов – стандартных представлений, имеющих у большинства людей, составляющих ту или иную народность, в отношении представителей другой этнической принадлежности, в нашем случае, еврейской нации в устной и письменной политической коммуникации современной России. Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ),

информационных ресурсов Рунета, текстов СМИ, реализующих коммуникативную стратегию диффамации. Так, в межличностной коммуникации лексические этностереотипы употребляются в качестве средств проявления непримиримой вражды, как обидные прозвища, как шуточные ярлыки. Тем самым неофициальные этнонимы имеют эмоционально-экспрессивную маркированность, что обуславливает восприятие подобных слов как этически неуместных, задевающих национальное достоинство, наносящих моральный вред носителям того или иного этноса.

Приведем исторический экскурс. Так, слово «жид» было традиционным славянским обозначением евреев, иудеев, также известно, что оно было заимствовано (через балканские романские языки) из итал. *giudeo*, где из лат. *judaeus* — «иудей» [2]. В старославянском языке и древнерусском слово служило нормативным этнонимом для иудеев, в том числе живших в Хазарском каганате и в Киевской Руси (в единственном числе употреблялась также форма *жидовинь*). Относительно современности летописи различали жидовинов и жидов хазарских. От этого времени остались многочисленные топонимы на Украине, как, например, Жидовские ворота в Киеве. Нейтральное значение слово сохраняло как минимум до XV века, что зафиксировано в своде Библии св. Геннадия Новгородского — жидовская ересь. При этом следует отметить, что уже в конце XII века зарегистрировано и бранное употребление этого слова, в одном ряду со словом «еретик», но при этом связанное не конкретно со словом «жидь» (в противопоставление некоторому нейтральному обозначению), а с данной религией и этносом как таковыми. Следует сказать, что уже в первом памятнике древнерусской литературы «Слове о законе и благодати» евреи (именуемые в тексте на книжный манер «иудеями») в полном согласии с обычным религиозным антисемитизмом Средних веков описываются как народ, отринутый и проклятый Богом за его отвержение Христовой истины, тогда как христиане вообще и русские в частности — как «новый Израиль», унаследовавший богоизбранность проклятого и рассеянного по лицу земли Израиля ветхого. Таким образом, круг антисемитских значений слова «жид», со временем превративший его в грубое ругательство, начал закладываться уже в киевскую эпоху.

В русском языке в XVIII веке слово «жид» уже воспринималось в России оскорбительным и бранным, что нашло своё выражение в издании Елизаветинской Библии, где ап. Павла редакторы поименовали гнавшим христиан иудеянином, оставив слово «жиды» для всех остальных случаев [1]. В течение XIX века слово «жид», как и другие оскорбительные этнонимы, было постепенно изъято из официального словоупотребления в Российской империи, но долгое время оставалось общераспространённым в бытовой лексике, в первой половине века — и среди высших классов, неся высокомерно-пренебрежительный оттенок, характерный для их отношения к евреям. При этом оно вовсе не обязательно имело (как позднее) грубо-уничижительный смысл (ср. выражение «Вечный жид», которое вошло в широкий обиход в 1840-е годы благодаря роману Эжена Сю). Однако по мере, с одной стороны, роста антисемитизма, а с другой — подъёма самосознания евреев - к концу века выражение стало считаться грубо-оскорбительным и совершенно недопустимым в интеллигентном обществе.

Литературной нормой для большинства же случаев словоупотребления в русском языке стало «еврей» в определении национальности и «иудей» для религиозной принадлежности, за исключением нескольких устоявшихся идиом, например, Вечный жид. При этом в народе слово «жид» использовалось, как и прежде, в прямом этническом смысле. Кроме того, оно развило дополнительное значение «скряга», что подтверждается словарём Даля. Из русского фольклора: Еврей, не видал ли ты жида? На всякого мирянина по семи жидовинов. Живи что

брат, а торгуйся как жид. Жид крещеный, недруг примеренный, да волк кормленный. Родом дворянин, а делами жидовин. Мужик сделан, что овин, а сбойлив, что жидовин. Проводила мужа за овин, да и прощай жидовин. Не прикасайтесь черти к дворянам, а жида к самарянам. По мнению научного редактора Краткой еврейской энциклопедии А. Торпусмана, к концу XIX века «словоупотребление еврей — жид разграничилось политически: социалисты и либералы пользовались только «официальным», нейтральным (и с некоторым оттенком уважительности) термином еврей, а националисты, монархисты и консерваторы — «народным» и очень неприязненным жид» [4]. В СССР в 1920—1930-е гг. в рамках инициированной большевиками кампании борьбы с антисемитизмом употребление слова «жид» и его производных было криминализировано и каралось тюремным заключением (по закону об антисемитской и погромной деятельности, принятому в 1918 г.). Политическая окраска слова обозначена также в составленном в то время словаре русского языка Ушакова. Слово «жид» и его производные были изъяты даже из репринтного переиздания словаря Даля, выполненного в 1950-е годы; в этом издании страница, где было слово «жид», отличается от остального текста словаря увеличенным интервалом между строчками.

В современном массмедийном пространстве обращает на себя внимание тот факт, что к области семантической диффамации относится широкое использование на необъятных полях Интернета неофициальных этнонимов с присвоением различного рода «ментальных бирок»: «жид», «жиденок», «жидяр», «жидишка», «жидюн», «жидюга», «жидомасон», «сионист»; «пейсатый», «картавый», «порхатый», «безродный космополит», «жидовская власть», «иго иудейское»; «жидовать», «жидоморничать», «жидоморить», «подъевреить», «еврей он и в Африке еврей», и другие. Большинство носителей русского языка осознают отрицательную коннотацию данных словоупотреблений (негативное / бранное прозвище еврея; грубое / обидное / оскорбительное / ругательное / презрительное название еврея; еврей — употребляется в шутку; пренебрежительное наименование / прозвище людей еврейской национальности, но с завидным постоянством продолжают их использовать. Заметим, что за употребление слова «жид» при проверке «курсора» модераторы Facebook текстов не снимают и авторов в «банн» не отправляют. В противном случае в русскоязычном сегменте Facebook осталось бы значительно меньше пользователей.

Незначительная часть участников интернет-сообществ употребляет этноним жид безоценочно: еврей; лицо еврейской национальности; тот, кто исповедует иудейскую веру; гражданин Израиля. Некоторые носители языка используют этноним «жид» в следующих контекстах: жадный человек; жадный и недоверчивый человек; жадный, наживший состояние человек; жадный, корыстный человек; жадный, скупой человек; грубоватое обозначение жадины и скупердя; человек, который жалеет свое имущество для окружающих его людей; человек, который стремительно наживается, очень жадный; тот, кто берет всё, не отдает ничего.

В функционально-семантическом поле «еврейства» формируется искусственная, имитационная парадигма якобы существующих в современном российском обществе «русско-еврейских противоречий», в систему которых закладывается целый ряд подтасованных сведений, внедряемых в общественное сознание в качестве аксиом, не подлежащих ни проверке, ни доказательству, что подтверждают заголовки газетных публикаций, например, «Московский комсомолец»: «В Москве искусственно плодили евреев» (№26674 от 15 ноября 2014), «Резать евреев студент пришел с целым набором ножей» (№ о № 26858 от 13.06.2009), «Жид или не жид - вот в чем вопрос» (24.04.2000), АИФ: «Доколе евреи будут править нами?», «Будем бить жидов или повременим?» [3].

Обращает на себя внимание тот факт, что образные номинации и эмоционально-оценочные компоненты лексического значения неофициального этнонима евреев далеко не всегда соответствует критерию объективности. Для указанных примеров характерно то, что часто авторы вышеперечисленных номинаций используют форму единственного числа, которая имеет в контекстах значение собирательности, то есть говорится не о каком-то конкретном человеке, а обо всех представителях еврейской национальности. Приведем частный прием стратегии диффамации – прием расширения, когда происходит перенос общих свойств, приписанных этнической группе или ее «типичным» представителям, на частный случай – человека или событие и наоборот. Так в российских СМИ не раз высказывается точка зрения, что евреи суть агентура в нашем обществе сионизма и масонства. Это убеждение тут же конкретизируется в обвинениях, адресованных конкретному лицу еврейского происхождения, например, Гусинскому, Абрамовичу, Чубайсу, Лившицу и др. Морально-нравственные установки отдельных представителей или отдельных слоев еврейского народа (как исторических лиц, так и современных, в том числе относящихся к правящим кругам) распространяются на всех представителей национальности, что подчеркивается употреблением формы единственного числа существительного «еврей» в собирательном значении. Таким образом, в современном социально-политическом пространстве формируется смысловая эмоционально-псевдологическая цепочка, связывающая воедино и приучающая общественное сознание воспринимать в едином контексте понятия еврей - жид – сионист; он же враг России, русской культуры, русского духа, он же крупный предприниматель, представитель новой экономической элиты России.

Итак, материалы исследований массмедийных текстов, проведенные на протяжении последнего десятилетия, фиксируют довольно большое и устойчивое внимание СМИ к этническим аспектам современной общественной жизни. Важно подчеркнуть, что этническая информация, передаваемая СМИ, не только формирует массовые представления людей в области межнациональных отношений, но и воспитывает в людях отношение к различным этническим общностям. Современные СМИ благодаря растущим возможностям виртуального воздействия на сознание и подсознание массовой аудитории предлагают обществу готовые ценностно-смысловые и поведенческие модели. Эти модели могут консолидировать общество, достаточно эффективно снимать социальную напряженность и стрессовые психологические нагрузки, но могут и подрывать позитивную консолидацию и психологическую устойчивость социума путем создания и продвижения в массы образов врага, расщепления эмоций зрителей, слушателей, читателей до уровня простейших, взвинчивания агрессивных настроений толпы.

Литература

1. Берлин И. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Петербург, 1919. 169 с.
2. Еврейская энциклопедия: В 7 т. Т.4, М., 1991. С. 587 – 588.
3. Малькова В. К. Этничность и толерантность в современных российских СМИ // Этнографическое обозрение. №5. 2003. С.135 – 147.
4. Торпусман А. Споры об определении еврейства - Иерусалим: издание культурно-просветительского общества «Теэна», 2000. 140 с.

Туранская Н.В.

Лингвоэкология этностереотипов современного медийного пространства

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 3. С. 91–96.

doi: 10.17759/langt.2015020311

Turanskaya N.V.

Lingvoecology of ethnic stereotypes of the modern media space

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 3, pp. 91–96.

doi: 10.17759/langt.2015020311

5. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / Науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. — Волгоград, 2013. 450 с.

Lingvoecology of ethnic stereotypes of the modern media space

Turanskaya N.V.,

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Literature, Moscow State Socio-Humanitarian University, Moscow, Russia, *Tur_nad@yandex.ru*

This article touches upon the ethnic stereotypes of the category of persons a separate ethnic group. According to the Russian National Corpus (NKRYA), information resources of Runet, and media texts are analyzed the lingvoecology of the use of linguistic resources.

Key Words: defamation, aggressive verbal behavior, intercultural communication, ethnonym, emotionally expressive markedness.

References

1. *Berlin I.* Istoricheskie sud'by evrejskogo naroda na territorii Russkogo gosudarstva. Peterburg, 1919. 169 s.
2. Evrejskaja jenciklopedija: V 7 t. T.4, M., 1991. S. 587 – 588.
3. *Mal'kova V.K.* Jetnichnost' I tolerantnost' v sovremennyh rossijskih SMI // Jetnograficheskoe obozrenie. №5. 2003. S.135 – 147.
4. *Torpusman A.* Spory ob opredelenii evrejstva - Ierusalim: izdanie kul'turno-prosvetitel'skogo obshhestva «Tejena», 2000. 140 s.
5. Jemotivnaja lingvojekologija v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kol. monogr. / Nauch. red. prof. *V.I. Shahovskij*; otv. red. prof. *N.N. Panchenko*, redkol.: *Ja.A. Volkova, A.A. Shteba, N.I. Korobkina.* — Volgograd, 2013. 450 s.

The Natural Choice? Metaphors for nature in a UK government white paper

Douglas Ponton,

Full Ph.D. (Philology), Department of Analysis of Political Social and Institutional Processes, Catania, Italy, dmponton@hotmail.co.uk

George Lakoff (1993) described metaphor as “a major and indispensable part of our ordinary conventional way of conceptualizing the world.” In the context of a critical approach to discourse studies, however, such conceptualizing is not a neutral phenomenon. Politicians and advertisers, among others, understand the potential of metaphor as a persuasive rhetorical figure. In the topical public debate on the environment, where environmental discourse has achieved a certain currency thanks to pressure groups such as Greenpeace, metaphors have a key role to play in influencing attitudes.

This study explores the construction of environmental discourse in a recent white paper from the British government, with an emphasis on the persuasive role of metaphor. It suggests that the notion of ‘value’ as a key metaphor can be understood in terms of the appeal it makes to potential readers in the corporate sphere.

Ключевые слова: metaphors, nature, Ecolinguistics, British government, The White Paper.

Для цитаты:

Дуглас Понтон К вопросу об употреблении метафор, связанных с природными явлениями в правительственных документах Великобритании [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Ponton.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020312

For citation:

Douglas Ponton The Natural Choice? Metaphors for nature in a UK government white paper [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Ponton.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy). doi: 10.17759/langt.2015020312

1. 1. Introduction

Among the many discourses that today compete for political, scientific and popular attention, as well as for public funding, that of the environment speaks with the loudest, most urgent tones. During the Cold War, nuclear proliferation threatened the future of life on planet Earth; now, the excesses of industrial processes have given rise to analogous visions of environmental catastrophe. Such is the background against which today’s ecological movement has taken shape. People have come together in ‘Green Parties’, which operate in many countries, in private organizations such as Friends of the Earth, Greenpeace, the Institute for Deep Ecology, and many more. Such groups express what Castells (2009: 322), calls ‘the widespread rise of deep ecological awareness’, which characterizes our age. He points out that more than one billion people worldwide took part in the 2007 ‘Earth Day’, evidence that, on a

popular level, there is a growing awareness of the importance to human beings of the environment in which we live.

Environmental discourse has achieved a level of political and social influence, thanks to the actions of these pressure groups. Multinational businesses now routinely incorporate ecological discourse as an element of their branding (Vasta 2005). Politicians of all persuasions have at least to pay lip service to ecological values. This study explores the construction of environmental discourse in a recent white paper from the British government, with a special emphasis on the persuasive power of the metaphors used. It uses corpus analysis together with a broadly critical perspective, suggesting that ideology and political considerations may underpin the apparently natural (*sic*) discourse of the 'value' of Nature.

Ecolinguistics is an emerging field, as many linguists have responded to these social themes. The website of the Ecolinguistics Association³⁷, collects articles on environmental topics. Some of these are responses to Goatly's (1996: 537) call for an 'ecological critical discourse analysis', and the current paper also has a critical orientation.

1.2. Introduction: White Papers

White papers are government documents on key policy issues. Their function is not legislative but rather to pave the way for future legislation (Chapin 1978: 33). By producing a white paper, governments invite stakeholders to suggest modifications, raise public consciousness of the issues, and assess the likely popularity of their future policies. White Papers present government policies while at the same time inviting opinions upon them (Pemberton 1969: 49). For example, the recent UK government white paper on the National Health Service makes the following explicit request for stakeholders and members of the public to express their views:

We are consulting on how best to implement these changes. In particular, the Department would welcome comments on the implementation of the proposals requiring primary legislation, and will publish a response to the views raised on the White Paper and the associated papers, prior to the introduction of the Bill. Comments should be sent by 5th October 2010, to: NHSWhitePaper@dh.gsi.gov.uk

This consultative dimension is less evident in the Natural Choice white paper on the Environment. It is mentioned that consultation has already taken place, via public surveys, and the views of respondents have been incorporated into the text. The paper provides details of the government's proposals, and a timetable of future legislation, together with an outline of the expected budget.

The text features persuasive rhetoric, designed to convince readers of the rightness of the government's proposals. This is not only the case with the text, however. The persuasive function affects the whole document from a wider, semiotic perspective, so that diagrams, photos, choice of colours, and so on, all play their part. This paper explores the persuasive aspect of the government document from both a textual and a multimodal perspective.

---

³⁷ <http://www.ecoling.net/#/articles/4563035324>. Accessed 10/05/2015.

2.1. Framing Nature: reading the cover image

The picture shows the cover of the 2011 White Paper on the Environment, 'The Natural Choice: Securing the Value of Nature' (Figure One). Kress and Van Leeuwen (e.g. 1996) suggest techniques for interpreting the grammars of multi-modal communication, which can be used to explore meaning in an image of this kind.

Figure One: cover of government White Paper on the environment

Colour and features of spatial composition combine in a reassuring image, which has the clarity of a magazine advert. It shows a multi-ethnic family in a public garden, bending over a flowerbed and laughing. Green is the dominant colour, and this basic environmental colour is also used for part of the verbal banner. Such features are predictable components of a document on the environment, and help associate the message-designers, the government, with ecological values.

Image constructors, say Kress and Van Leeuwen, tend to map given and new elements onto certain spatial areas, with the left side representing the former, the right side the latter:

Horizontal elongation causes a shape to lean towards the kind of structure in which what is positioned on the left is presented as 'Given', as information that is already familiar to the reader and serves as a 'departure point' for the message, while what is positioned on the right is presented as 'New', as information not yet known to the reader, and hence deserving his or her special attention. (Kress and Van Leeuwen 1996: 57)

Here, then, the family, visibly happy and engaged in some outdoor pursuit, represents the given. It is taken for granted that British families enjoy spending time together outdoors, in a green context, interacting with the natural world, like the child here with her bucket and net. The inclusion of a non-Anglo man in a scene that would otherwise show a stereotypically 'British' family in a familiar British garden seems to acknowledge the transformed social context of a multi-cultural/multi-ethnic Britain.

The group's attention is focused on the garden border, which occupies a central position, further underlining the left / right divide. The reader's curiosity about the object of their attention, however, is disappointed by what is found on the right of the picture - the 'new', or that which is 'deserving of special attention'. All that we see in this part of the picture is a combination of different natural objects - trees, lavender, grass and shrubs. The dominance of different shades of green in the 'new' section gives the colour itself communicative salience. The subliminal message of the picture could be that nature can provide a satisfying and joyous focus for family activity when encountered in the context of a well-kept garden.

As Kress and Van Leeuwen (ibid: 57) say, the principle of 'vertical elongation' gives greater communicative status to the elements at the top of an image; in this case, to the text. The picture can thus be seen as a semiotic representation, or illustration, of the message given textual form in the title. Somebody, presumably the government, is engaged in 'securing the value of Nature'. This reading of the image sees it as a semiotic metaphor which underlines the rhetorical force of the text itself.

2.2. Framing Nature: reading the title

'Framing', in Edwards' succinct description (2005: 15), means 'organizing information in a way that provides a particular interpretation or meaning for the audience' (see also Jaworski and Coupland 1999: 24, Yrjölä 2011: 211). The persuasive function of framing is well illustrated by George Lakoff in his discussion of political discourse in the USA, where he shows how Republicans appeal to listeners' experiences of parenthood to covertly enlist their support for right-wing programmes of removing social support structures³⁸.

In a multimodal sense, framing would refer to the decision to show nature in the context of a perfectly kept garden of a college or church. A wild landscape showing nature untouched by human intervention would convey a different message. Nature is here shown to be 'institutionalised', a resource which needs the controlling, nurturing force of government intervention if its value is to be realised.

Nor are the actual words of the title rhetorically neutral. The paper could have carried the straightforward label: 'Government White Paper on the Environment'. Instead, the title helps frame the discourse, engaging with a specific target audience. The prominence given to the notion of value in the title serves to emphasise the 'particular interpretation' which the writers aim to convey through the document as a whole.

2.3. The notion of Nature's value

The following section gives an idea of the general tone of the white paper:

Nature is good for human health. There is a wealth of evidence on the positive effect that spending time in the natural environment has on the health and emotional wellbeing of children. The quality of the local natural environment is one of the factors that shape our health over a lifetime. A good-quality environment is associated with a decrease in problems such as high blood pressure and high cholesterol. It is also linked with better mental health, reduced stress and more physical activity.

---

³⁸ http://berkeley.edu/news/media/releases/2003/10/27_lakoff.shtml Accessed: 3/05/2015

If every household in England were provided with good access to quality green space, an estimated £2.1 billion in healthcare costs could be saved. On the other hand, a poor local natural environment can damage people's health and contribute to health inequalities. For example, the social costs of the impacts of air pollution are estimated at £16 billion per year in the UK.

The text proceeds from a series of positive general statements about the environment to the following equations, expressive of a monetary value:

Access to quality green space = £2.1 billion

The impacts of air pollution = £16 billion per year

These equations are frequently encountered in the text, supporting the inference that when the word 'value' is used, the intended sense is monetary. Apart from the title, the text itself is full of references to value:

government and society need to account better for the value of nature, particularly the services and resources it provides (p.2)

Nature is framed as a resource, with an (economic) value. For example, on p. 52, we are told:

there is evidence that cyclists and walkers spend more in the local economy than visitors by car, benefiting local communities.

The 'value' of nature, for the text creators, can be quantified. As well as the financial increments to the local communities, there are also benefits to the cyclers and walkers, of an aesthetic/cultural kind, or in terms of health. These are quantifiable too, especially the latter, and elsewhere in the document the savings to the nation's healthcare costs of the population spending time in nature are given a financial estimation.

Writing in the Guardian newspaper, Green MP Caroline Lucas described the White Paper's approach as follows:

while the economic evaluation of the natural world might be a well-intentioned effort to convince economists and the business community of its importance, putting a price on the environment risks simply commodifying it. (Guardian 13 June 2011, in Sibley- Esposito 2013: 19)

I suggest, below, that the emphasis on value throughout the document can be explained with reference to just this factor. The widespread appeal of environmental discourse at a popular level, alluded to above, demonstrates that the public at large are increasingly aware of the importance of these issues to their quality of life. The government would indeed seem to be targeting 'economists and the business community', using the language they understand best.

3.1. Metaphor

Since Aristotle's first discussions of metaphor, in his Poetics and Rhetoric, it has been the subject of critical attention. It has been seen as central to poetic language or that of philosophical enquiry (Perelman and Olbrechts-Tyteca 1969: 403-4, Chilton 2009). Its presence has been studied in scientific discourse (Lemke 1990: 117). It has been identified as among key components of persuasive political rhetoric (Charteris-Black 2005 and 2009, Fairclough 2000: 32-3, Lakoff and Johnson 1980:

156-63, Rista-Dema 2008: 9-10). While for Aristotle it was an important figure of speech, especially useful in argumentation, more recent insights have tended to see it as a key, language-based resource in human cognition (Lakoff and Johnson 1980). In a recent popular work, James Geary summarises some of these developments:

Metaphorical thinking - our instinct not just for describing but for comprehending one thing in terms of another - shapes our view of the world, and is essential to how we communicate, learn, discover and invent [...] Our understanding of metaphor is in the midst of a metamorphosis. For centuries, metaphor has been seen as a kind of cognitive frill, a pleasant but essentially useless embellishment to 'normal' thought. Now, the frill is gone. New research in the social and cognitive sciences makes it increasingly plain that metaphorical thinking influences our attitudes, beliefs, and actions in surprising, hidden, and often oddball ways. (Geary 2011: 3).

Current metaphors about nature are manifold. In his book *The Politics of the Earth*, John Dryzek identifies some key metaphors that have figured in environmental discourse:

- Spaceship (the idea of 'spaceship earth')
- The grazing commons of a medieval village ('the tragedy of the commons')
- Machines (nature is like a machine that can be reassembled to meet human needs)
- Organisms (nature is a complex organism that grows and develops)
- Human Intelligence (ascribed to nonhuman entities such as ecosystems)
- War (against nature)
- Goddesses (treating nature in benign female form, and not just as Mother Nature)

(from Dryzek 2005: 18)

Such metaphors are not simply decorative semantic devices; rather, as Dryzek claims, their purpose is frequently rhetorical, aiming to "convince listeners or readers by putting a situation in a particular light" (Dryzek 2005: 19). An example of the 'nature is an organism' metaphor is the following phrase, from a website with an environmental theme:

For our own health we must tend to the health of our environment³⁹

This is an instance of the category, familiar from Critical Discourse Analysis, of 'presupposition', of which Jones and Peccei (1999: 42) say, it can "persuade people to take something for granted which is actually open to debate" (it presupposes that there is a relationship between our health and that of the environment). But the metaphor has deontological force as well, which derives from the associations of the phoros: if a man is sick, he must receive 'treatment' and be 'cured'. Support for environmental solutions and policies, therefore, is sought by means of this specific verbal formulation.

This familiar 'sick man' metaphor for referring to Nature is also found in the White Paper:

---

³⁹ <http://www.johnpaulcaponigro.com/blog/9081/environmental-metaphors-robert-and-shana-parkeharrison/> Accessed 15/05/2015

A healthy, properly functioning natural environment is the foundation of sustained economic growth, prospering communities and personal wellbeing (p.3)

The tie between a healthy environment and material prosperity is characteristic of the text. Once again, presupposition is involved, since the writers never spell out details of the cause/effect processes that connect unpolluted environments with economic success. The proposition is, in fact, questionable. The most successful global economy is currently that of China, a country notorious for its assault on its natural environment, and industrial processes in all countries have always been associated with environmental damage.

The intention is to explore the metaphors which are used by the white paper's authors, and try to account for them in terms of an 'imagined reader' (Coulthard 1994: 3) on whose behalf the persuasive attempt is being made. As Charteris-Black (2004: 34) says in his explanation of the purpose of critical metaphor analysis, the aim is to uncover the covert, possibly unconscious, intentions of the creators of the text.

3.2. Metaphors in the Natural Choice White Paper

Charteris-Black's work on metaphor has also provided a methodological guide. I have followed the procedure outlined in his 2004 book, which envisages:

a close reading of a sample of texts with the aim of identifying candidate metaphors [...] words that are commonly used with a metaphoric sense are then classified as metaphor keywords and it is possible to measure the presence of such keywords quantitatively in the corpus (Charteris-Black 2004: 35)

In the first table (Table One) I have recorded all instances of the first three candidate metaphors found during the close reading⁴. Other metaphors have only selected instances recorded.

Metaphor Keyword /occurrences	Instances	Metaphor scenario
System / 2	Nature is a complex, interconnected <i>system</i> the way that nature works as a <i>system</i>	Nature is a system
Systems /14	the value of natural <i>systems</i> and functioning natural <i>systems</i> natural <i>systems</i> support us natural water <i>systems</i>	

Дуглас Понтон

К вопросу об употреблении метафор, связанных с природными явлениями в правительственных документах Великобритании
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 97–120.
doi: 10.17759/langt.2015020312

Douglas Ponton

The Natural Choice? Metaphors for nature in a UK government white paper
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 97–120.
doi: 10.17759/langt.2015020312

Health / 6	connecting through nature's <i>health</i> service water bodies in England will be in excellent <i>health</i> the <i>health</i> of the country's natural resources their <i>health</i> is essential for our wellbeing improve the <i>health</i> of ecosystems the <i>health</i> of our natural resources	Nature given human attributes
Healthy / 32	A <i>healthy</i> , properly functioning natural environment <i>Healthy</i> natural environments the benefits of a <i>healthy</i> natural environment economic development and a <i>healthy</i> natural environment the economic and social benefits of a <i>healthy</i> natural environment biodiversity, <i>healthy</i> soils, clean air our seas to be clean, <i>healthy</i> a <i>healthy</i> environment is essential to long-term growth landscapes with <i>healthy</i> soils <i>healthy</i> peat vegetation <i>healthy</i> , fertile soils <i>healthy</i> well-functioning ecosystems <i>healthy</i> neighbourhoods <i>healthy</i> functioning ecosystems a <i>healthy</i> , resilient natural environment a <i>healthy</i> planet a <i>healthy</i> ecosystem the <i>healthy</i> soils <i>healthy</i> ecosystems <i>healthy</i> water bodies <i>healthy</i> places to live <i>healthy</i> soil	Nature a patient
Value / 75	nature's intrinsic <i>value</i> a network of 50 Natural <i>Value</i> Ambassadors to <i>value</i> natural capital	Nature a commodity

Дуглас Понтон

К вопросу об употреблении метафор, связанных с природными явлениями в правительственных документах Великобритании
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 97–120.
doi: 10.17759/langt.2015020312

Douglas Ponton

The Natural Choice? Metaphors for nature in a UK government white paper
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 97–120.
doi: 10.17759/langt.2015020312

the global *value* of natural resources the *value* of natural capital
high nature conservation *value*
the *value* of the natural world
the *value* of England's natural capital the *value* of natural resources
the highest biodiversity *value* in the world the wildlife *value* of the site
the *value* of
coastal wetlands
the *value* of
natural services
value of their
green spaces
ecological *value*
Protecting
natural *value*
high-*value* areas
in recognition of their particular
value
Capturing the *value* of nature
the economic *value* of the natural
environment nature's *value* to
society
the real
value of
nature
innate
value of
nature
biodiversity
value
goods, services and amenity *value*
the economic and social
value of nature add *value* to
a local area's development
the *value* of the natural
environment the *value* of

natural systems
the <i>value</i> of physical environmental assets the value of environmental resources
its real <i>value</i>
the true <i>value</i> of nature

Table One: the Natural Choice White Paper Metaphors (i)

The optimum scenario is clearly to consider all instances involving the keyword, which allows for the appreciation of nuances. For example, the human, institutional associations of the NHS are present in:

connecting through nature’s health service (p.46)

The next instance involves a standard phrase, ‘to be in excellent health’, which rather suggests a doctor’s report on a patient, or a patient’s communication with a relative:

water bodies in England will be in excellent health (p.29)

For reasons of space, however, other keywords only have one instance recorded (table two).

Metaphor keyword/ occurrences	Instances	Metaphor scenario
Service / 8	beneficiary of a natural service	Nature is a servant
Services / 142	A wide range of ecosystem services, including the inspiring beauty of our coasts	

Assets / 13	developing countries to value and enhance their own natural assets.	Nature is a resource
Capital / 95	The value of natural capital	Ditto
Rebuilds / 1	A new, restorative approach which rebuilds nature	Nature is a house
Functions / 8	valuable natural functions have already been degraded	Nature is an organism
Improvement / 13	support Nature Improvement Areas	Nature is an artefact
Restore / 10	We will restore natural capital where it is degraded	Nature is a work of art/or a patient?
Partnership / 10	We will establish Local Nature Partnerships	Nature is a business
Network / 22	a resilient and coherent ecological network across England	Nature is a system
Resources / 5	look after our natural resources	Nature is a resource
Benefits / 7	Too many of the benefits we derive from nature	Nature is an investment
Access / 21	Connecting through better neighbourhood access to nature	Nature is a closed space
Recovery / 1	a clear institutional framework to achieve the recovery of nature	Nature is a patient

Table Two: the Natural Choice White Paper Metaphors (ii)

I was interested in recovering metaphors for nature from the text, which meant that my close reading was directed towards the co-text of the words nature and natural, and this paper deals only with these terms. There are, however, many other ways of referring to nature, and it is also true that metaphors are involved in the use of terms such as green (itself a metaphor), biodiversity,

environment/al, ecology/ical, among others. These are only considered where they show up in the data beside an identified keyword (for example, biodiversity value).

It is also possible to come across metaphors which seem to provide no keywords:

Nature itself also stands to gain from an economy which better reflects its real value (p.35)

The figurative sense is once more in the area of profit / loss.

The metaphors which emerge from analysis of the keyword co-text can also be found in stretches of text without these keywords. For example, the notion that NATURE IS A PATIENT, clearly involved in text using the keywords health/y, is also found in the following:

nature in England is highly fragmented and unable to respond effectively to new pressures such as climate and demographic change (p.3)

This metaphor is suggestive of nature as a clinically depressed patient, unable to cope with the stresses of modern life.

The graph below shows the values for each keyword:

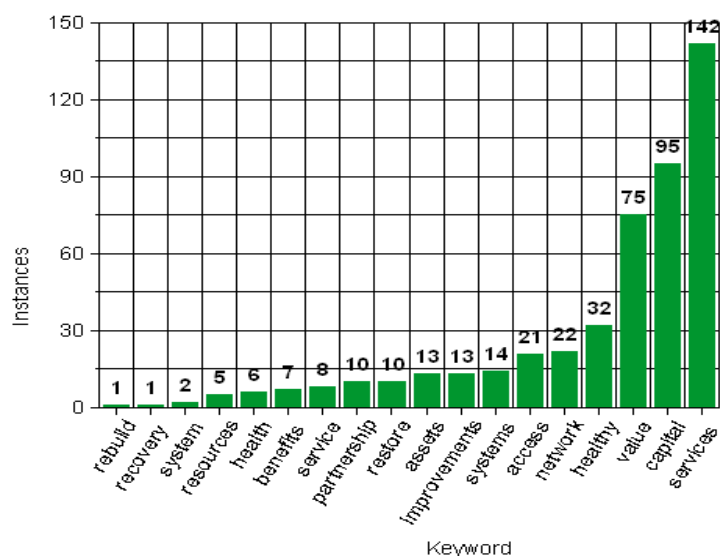

Figure Two: Metaphor Keywords

Two principle domains of metaphoric reference are clearly visible. Firstly that of business (capital, value, services, benefits, partnership, assets, resources), secondly that of health (health, healthy, restore, recovery). A third, smaller group can be identified which refers to system (system/s, network).

3.3 Discussion (1) Metaphors in ‘the Natural Choice’

80% of the metaphors are found in the domain of business, which is less surprising than it might be, given what has been said about the orientation of the White Paper. Among the most common collocates for ‘nature’ are the terms value, partnerships, services, benefits, economy/economic, businesses and markets, a finding that underlines the centrality of this semantic field.

The business metaphors emphasise a special understanding of nature that sees it primarily as a social resource on which a monetary value can be put. ‘Value’, of course, is a term which does not necessarily imply a monetary sense, and it is not always possible to identify the precise meaning in each case. At times, the context makes it plain that the ‘ordinary sense’ is intended, as in its first appearance here:

Most people rightly believe in the innate value of nature [...] But the value of nature to our economy and society, and to our personal wellbeing, is also clearer than ever (p.7)

The second instance, however, by referring to nature’s contribution to the economy, suggests a monetary value. Although the reference to ‘personal wellbeing’ seems to include non- monetary notions of value, elsewhere in the document such apparently abstract notions are brought down to earth:

If every household in England were provided with good access to quality green space, an estimated £2.1 billion in healthcare costs could be saved (p.46)

Nature, then, is indeed, commodified in these metaphors. Green spaces are not simply good for people in a vague, general sense; rather, a precise monetary value can be placed upon them. Such equations allow for activities like jogging, walking the dog, or kids having green spaces to play in to be included in economic calculations such as the annual budgets of central government.

The same applies to metaphors involving the keyword assets. One of the OED’s first definitions of the term refers to the realm of business:

an item of property owned by a person or company, regarded as having value and available to meet debts

Britain is thus metaphorically identified as a company, and its natural resources are seen as assets with a monetary value.

This is also the case with the term capital, one of the most frequent metaphors. The OED defines this as

wealth in the form of money or other assets owned by a person or organization or available for a purpose such as starting a company or investing

The term frequently collocates, in the text, with natural in the noun phrase natural capital (94 instances). This referential strategy may have a predicational purpose, and could be an example of grammatical presupposition (Treanor 2013) in which the use of natural as an adjective presupposes that there is such a category of capital (see also Van Dijk 2003: 100, Götzsche 2009: 176). The term is, in fact, current among economists (Ekins et al 2003). Once more, the metaphor affirms that the principle evaluation of nature’s significance is in terms of its contribution to the economy:

The Government will take action to capture the value of natural capital on the nation's balance sheet. In doing so, we will end the situation where gains and losses in the value of natural capital go unrecorded and unnoticed. (p.36)

The metaphor aligns the natural world with the interests of a capitalist society. In contrast to a scenario in which the capitalist project and the natural world are in conflict, nature is here included in the capitalist world view.

The most frequent of all metaphors for nature sees it as the provider of services of one kind or another. Services come in different forms:

- Provisioning services, including crops, livestock, fish, energy (wind power), water supply, etc.;
- Cultural services including recreation, landscape and cultural heritage;
- Regulating services including carbon storage, flood management, pollination, improving water, soil and air quality. (from p. 27)

Nature is positioned as humanity's benefactor, as it 'freely provides us' with all these things which, acting like spoilt children, we too often 'take for granted' (p.2). The authors' familiar strategy once more appears, as we are told:

There are multi-million pound opportunities available from greener goods and services, and from markets that protect nature's services (p.4)

Rather than as a manservant performing errands for humanity, perhaps closer to the mark is to see nature as one of the service industries - health, education, or transport - operating on a massive scale, its activity benefitting the whole society.

These metaphors operate as a kind of systematic web throughout the whole document, and carry a message which may at times be subliminal, but which is made explicit so often that it appears central to the communicative purpose of the text as a whole.

The other two metaphorical domains found, that of nature as system and as patient, are related to this overarching message. To view nature as a system relates it to patterns of human organization such as bureaucratic, transport or business systems. What is of interest in the metaphors from the realm of health, meanwhile, is the connection which the writers presuppose between a pristine natural environment and economic prosperity:

economic development and a healthy natural environment (p.10)

the economic and social benefits of a healthy natural environment (p.3)

a healthy environment is essential to long-term growth (p.10)

Once more the writers make a specific claim about the financial benefits of a 'healthy' environment:

we reject the outdated idea that environmental action is a barrier to growth or that achieving economic development and a healthy natural environment are incompatible objectives [...] protected

Дуглас Понтон

К вопросу об употреблении метафор, связанных с природными явлениями в правительственных документах Великобритании
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 97–120.
doi: 10.17759/langt.2015020312

Douglas Ponton

The Natural Choice? Metaphors for nature in a UK government white paper
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 97–120.
doi: 10.17759/langt.2015020312

natural areas can deliver economic returns that are 100 times greater than the cost of their protection and maintenance (p.10)

The White Paper's message, then, is clear. It is also clear why the writers regard 'protecting the value of nature' as a 'natural choice'. There are sound economic reasons behind environmentally friendly policies, and the metaphors play an important part in developing the argument.

3.4 The 'National Ecosystem Assessment'

The Secretary of State for Environment, Food and Rural Affairs, the Right Hon. Caroline Spelman, states in her foreword to the White Paper:

Over 500 scientists from around the world have now developed a tool by which we can assess more accurately the value of the natural world around us (p.2)

She is referring to the 'National Ecosystem Assessment'⁴⁰, a British government initiative introduced in response to the publication, in 2005, of the global Millennium Ecosystem Assessment. This report on the current state of the world's ecosystems, by more than a thousand prominent scientists, stimulated individual countries to produce their own ecosystem assessments. Britain's was the first to be completed. The point of the tool is precisely that it attempts to assess the range of 'services' nature provides in terms susceptible to economic analysis. Figure Two shows the division of the UK environment into eight broad habitat types. Of especial interest is the way so-called 'cultural' services (recreation and tourism, aesthetic values, cultural heritage, spiritual values, education, sense of place, health benefits) are tabulated together with regulating services (e.g. flood and wildfire regulation) and provisioning services such as food, timber and pharmaceutical products.

---

⁴⁰ <http://uknea.unep-wcmc.org/Resources/tabid/82/Default.aspx> Accessed 15/05/2015

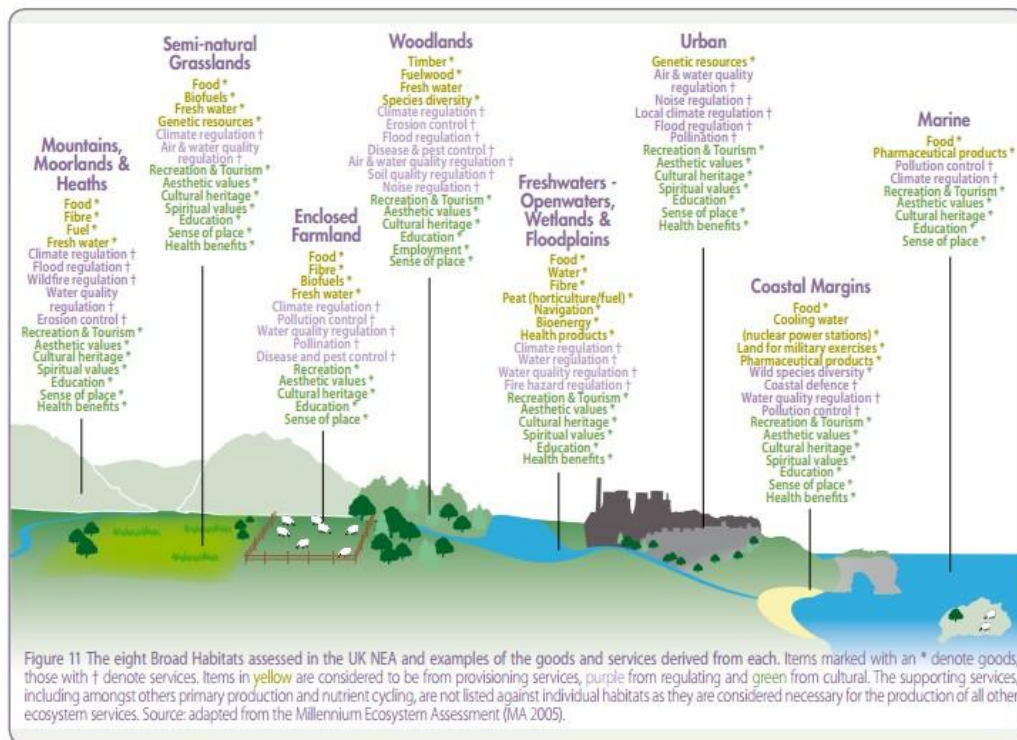

Figure Two: from the National Ecosystem Assessment (p.17)

Among other questions posed by the report is why the economic values of ecosystem services should be incorporated into decision-making. Some of the language is reminiscent of that found in the subsequent White Paper:

ecosystem services are clearly crucial to the more than 3,000 million outdoor recreational visits which UK residents make each year. Analyses conducted for the UK NEA shows that these visits generate a social value in excess of £10,000 million annually (p.42)

In its report on the release of the National Ecosystem Assessment, the Guardian newspaper quoted Bob Watson, co-author of the report, saying:

Putting a value on these natural services enables them to be incorporated into policy in the same way that other factors are. We can't persist in thinking of these things as free⁴¹.

Later in the article, the newspaper specifies some of the NEA's findings:

The health benefits of living with a view of a green space are worth up to £300 per person per year, in part by providing areas for people to exercise but also because simply looking at nature lifts people's spirits, according to scientific research. Living close to rivers, coasts and wetlands is also a boon - the benefits to residents are about £1.3bn a year.

⁴¹ <http://www.theguardian.com/environment/2011/jun/02/uk-green-spaces-value> Accessed 15/05/2015

The prominent role given to economic aspects of value found in the White Paper is thus continuing a discourse also found in the earlier study.

3.5 Political context

White papers are not produced in a political vacuum; rather, they represent policy tools of the current government, and as such are not free from ideological traces. The Natural Choice White Paper was published in 2011, during the Conservative-Lib Dem coalition government led by David Cameron. It would, therefore, seem to make sense to interpret the framing strategy displayed in terms of the underlying political constraints on the Conservatives, the dominant party in the governing coalition.

The Conservative party has two important strands of support, historically associated with it. On the one hand it is seen as the British party, par excellence, of industry and business, the natural ally of capitalist enterprises. On the other, it is associated with the countryside, with the conservation of rural areas and traditions. Ex-Prime Minister John Major was making an appeal to the country voter when he famously predicted:

Fifty years on from now, Britain will still be the country of long shadows on cricket grounds, warm beer, invincible green suburbs, dog lovers and pools fillers and, as George Orwell said, 'Old maids bicycling to holy communion through the morning mist'⁴²

The white paper recognizes that public concern for the environment has reached unprecedented levels ('Most people already recognize that nature has an intrinsic value' / p.2). By inference there must be some people excluded from this ('most' is not the same as 'all'). If this were not the case, there would be no need for government initiatives to protect nature. Given the emphasis on 'value' throughout the text, it can also be inferred that the people not recognizing nature's intrinsic value are the very people whose activity does the most damage to it, i.e. industrial corporations, multi-nationals, and capitalists generally. Social actors, that is, for whom the profit motive is the paramount factor in decision-making. The Conservative Party has always numbered these among its traditional supporters.

Multinational businesses have become accustomed to incorporate ecological discourse as an element of their branding; as if, far from being the cause of environmental degradation, they are working in harmony with local eco-systems (see Vasta 2005). Harré et al (1999: 115) speak of 'the seemingly incompatible accreditations of scientific, moral and economic discourses'. The writers of the document, then, attempt to transcend the apparently irreconcilable opposition between the needs of business and respect for the environment by emphasizing the monetary value of the latter. The aim could be to keep on board both factions of their traditional support.

However, this is to assume a strict connection between white papers and the government producing them which may be unwarranted. The White Paper on the environment, in fact, though published under the Conservative Lib-Dem coalition, must have been conceived some time before they came to office, during New Labour Prime Minister Gordon Brown's premiership. The rhetoric of business applied to environmental issues sits less comfortably with Labour ideology, however far to the right they may have moved under Tony Blair's leadership.

---

⁴² http://en.wikiquote.org/wiki/John_Major Accessed 15/05/2015

What seems more likely is that the actual branding decisions were not taken by politicians at all, but by bureaucrats at the Department of the Environment, Food and Rural Affairs (DEFRA), influenced by the National Ecosystem Assessment which, as we have seen, was another government document published in the same year (2011). How far the logic of financial evaluation is consistent with the ideology of Whitehall would make a fascinating study, although data collection would represent a significant hurdle.

4. Conclusion

We have explored the metaphors used in the White Paper on the environment, and seen their role in an attempt to convince readers of the financial benefits of smart environmental policies. In part, I have suggested, the persuasive effort is directed towards those whose actions have most impact, for good or ill, on the environment. The principle argument in this sense, to which the metaphors make their contribution, would seem to be:

SINCE

the only language corporate enterprises understand is that of money, and SINCE
their activities put nature at risk and SINCE

it is possible to make money through environmentally-friendly economic activity,

THEREFORE

Such firms should engage more in such activity.

How convincing they may find this argument is a matter, in the end, for the corporate businesses themselves. The population in general, I have suggested, are already aware of ‘the innate value of nature’.

Having said as much, however, the public, consultative character of white papers should not be forgotten. They are not private documents designed for circulation among a target audience, in this case the business community. It may be that a discourse of the economic value of nature can be accounted for with reference to wider social trends, even to the prevailing climate of global financial unrest. Many people across the UK are re-evaluating their relationship with the natural world, uncovering unexpected sources of income and possibilities of employment⁸.

Some observers have expressed doubt over whether monetary values can be attributed, at all, to intangible aspects of our interaction with the environment. In a report for DEFRA, for example, R.K.Turner, using the term ‘existence values’ to describe these, comments:

Existence value derives from individuals who feel a benefit from just knowing that, for example, an ecosystem and/or its component parts, exist and will continue to exist somewhere on the planet. The economic valuation literature has yet to reach a comprehensive consensus on whether use and non-use value can be formally distinguished using standard welfare economic measures.

The risk of this approach to nature would seem to be precisely that raised by the Guardian reporter, that it commodifies our environment by attempting to put a price on every aspect of our interaction with it. It is questionable, though, how far economic values can be attached to an ecological

phenomenon such as a natural park. For many visitors to the Lake District, for example, the experience may represent a re-charging of batteries that will lead, in turn, to an economic benefit in terms of improved workplace performance. But for a romantic poet, the inspiration of contact with nature could lead them to produce a 'Daffodils' or a 'Kubla Khan'. What economic value, one wonders, would DEFRA place on these?

References

1. *Castells, Manuel* 2009. *Communication power*. Oxford: Oxford University Press.
2. *Chapin, Henry and Denis Deneau* 1978. *Citizen involvement in Public Policy-making: Access and the Policy-making Process*. Canadian Council on Social Development: Ottawa.
3. *Charteris-Black, Jonathan* 2004. *Corpus approaches to critical metaphor analysis*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
4. *Charteris-Black, Jonathan* 2005. *Politicians and rhetoric: the persuasive power of metaphor*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
5. *Charteris-Black, Jonathan* 2009. *Metaphor and political communication*. In Musolff, Andreas and Zinken, Jörg (eds) *Metaphor and discourse*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
6. *Chilton, Paul* 2009. *Reading Sonnet 30: Discourse, metaphor and blending*. In Musolff, Andreas and Zinken, Jörg (eds) *Metaphor and discourse*. Basingstoke and New York. Palgrave Macmillan.
7. *Coulthard, Malcolm* 1994. *On analysing and evaluating written text*. In Coulthard, M. (ed) *Advances in written text analysis*. London and New York: Routledge.
8. *Dryzek, John S.* 2005. *The politics of the earth: environmental discourses*. Oxford University Press: Oxford.
9. *Edwards, Lynne, Y.* 2005. *Victims, villains, and vixens. Teen girls and internet crime*. In Mazzarella, Sharon R. (ed) *Girl wide web: girls, the internet and the negotiation of identity*. New York: Peter Lang.
10. *Ekins, Paul, Sandrine Simon, Lisa Deutsch, Carl Folke, and Rudolf de Groot* 2003. *A framework for the practical application of the concepts of critical natural capital and strong sustainability*. *Ecological Economics* 44: 165/185: Elsevier.
11. *Fairclough, Norman* 2000. *New Labour, new language*. London and New York: Routledge.
12. *Geary, James* 2011. *I is an other: the secret life of metaphor and how it shapes the way we see the world*. New York: Harper Collins.
13. *Goatly, Andrew* 1996. *Green grammar and grammatical metaphor, or language and myth of power, or metaphors we die by*. *Journal of Pragmatics* 25 (537-60). Elsevier.

14. *Götzsche, Hans* 2009. Presupposition. In Chapman, Siobhan and Routledge, Christopher (eds) Key ideas in linguistics and the philosophy of language. Edinburgh: Edinburgh University Press.
15. *Harré, Rom, Jens Brockmeier and Peter Mühlhäusler* 1999. Greenspeak. A study of environmental discourse. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage.
16. *Jaworski, Adam and Nikolas Coupland* (eds) 1999. *The Discourse Reader*. Abingdon and New York: Routledge.
17. *Jones, Jason and Jean Stilwell Peccei* 1999. Language and politics. In Thomas, Linda, Shân Wareing, Ishla Singh, Jean Stilwell Peccei, Joanna Thornborrow, and Jason Jones (eds) Language, society and power. An introduction. Second edition. London and New York: Routledge.
18. *Kress, Gunther and Theo Van Leeuwen*, 1996. Reading images: the grammar of visual design. London, Routledge.
19. *Lakoff, George* 1993. The contemporary theory of metaphor. In Ortony, Andrew (ed) Metaphor and thought (2nd edition), Cambridge University Press: Cambridge.
20. *Lakoff, George and Johnson, Mark* 1980. *Metaphors we live by*. University of Chicago Press: Chicago.
21. *Lemke, Jay* 1990. Talking science: language, learning, and values. Westport: Ablex.
22. *Pemberton, John E.* 1969. Government Green Papers. Library World 71:49.
23. *Perelman, Ch. and L. Olbrechts-Tyteca* 1969. The new rhetoric. A treatise on argumentation. University of Notre-Dame Press: Paris.
24. *Rista-Dema, Mimoza* 2008. Language register and the impacts of translation. In Gyasi Obeng, Samuel and A. S. Hartford, Beverly (eds) Political discourse analysis. New York: Nova Science.
25. *Sibley-Esposito, Clare* 2013. Accounting for ecology? The concept of 'natural capital' in British political discourse and policy (1997-2011). In Leydier, Gilles and Martin, Alexia (eds) Environmental issues in political discourse in Britain and Ireland. Newcastle-on-Tyne, Cambridge Scholars Publishing.
26. *Van Dijk, Teun A.* 2003. The discourse-knowledge interface. In Weiss, Gilbert and Wodak, Ruth (eds) Critical discourse analysis: theory and interdisciplinarity. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
27. *Vasta, Nicoletta* 2005. "Profits & Principles: Is There a Choice?" The Multimodal Construction of SHELL's Commitment to Social Responsibility and Environmental Care in and across Advertising Texts. In Cortese, G. and A. Duszak (eds) *Identity, community, discourse: English in intercultural settings*. Bern: Peter Lang.
28. *Yrjölä, Riina* 2011. Visual politics and celebrity humanitarianism. How colonial culture is revitalised in the West. In Stocchetti, Matteo and Kukkonen, Karin (eds) *Images in use*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.

Дуглас Понтон

К вопросу об употреблении метафор, связанных с природными явлениями в правительственных документах Великобритании
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 97–120.
doi: 10.17759/langt.2015020312

Douglas Ponton

The Natural Choice? Metaphors for nature in a UK government white paper
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 97–120.
doi: 10.17759/langt.2015020312

29. *Treanor, Fergal* 2013. Ideological Presuppositions - Six German Higher Education Policy Documents. Academia.edu: http://www.academia.edu/4039613/Ideological_Presuppositions-Six_German_Higher_Education_Policy_Documents.
30. *Turner, R.K.* 2013. A pluralistic approach to ecosystem assessment and evaluation. DEFRA: <http://www.defra.gov.uk/naturalcapitalcommittee/files/ncc-assetcheck-03.pdf>

К вопросу об употреблении метафор, связанных с природными явлениями в правительственных документах Великобритании

Дуглас Понтон,

доктор философии в Университете Катании, отдел политических и социальных наук, Катания, Италия, dmponton@hotmail.co.uk

---

Данная работа исследует строительство экологического дискурса в недавних правительственных документах Великобритании, которая акцентируется на убедительной роли метафоры.

Ключевые слова: метафоры, эколингвистика, Британское правительство, правительственные документы.

Литература:

1. *Castells, Manuel* 2009. Communication power. Oxford: Oxford University Press.
2. *Chapin, Henry and Denis Deneau* 1978. Citizen involvement in Public Policy-making: Access and the Policy-making Process. Canadian Council on Social Development: Ottawa.
3. *Charteris-Black, Jonathan* 2004. Corpus approaches to critical metaphor analysis. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
4. *Charteris-Black, Jonathan* 2005. Politicians and rhetoric: the persuasive power of metaphor. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
5. *Charteris-Black, Jonathan* 2009. Metaphor and political communication. In Musolff, Andreas and Zinken, Jörg (eds) Metaphor and discourse. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
6. *Chilton, Paul* 2009. Reading Sonnet 30: Discourse, metaphor and blending. In Musolff, Andreas and Zinken, Jörg (eds) Metaphor and discourse. Basingstoke and New York. Palgrave Macmillan.
7. *Coulthard, Malcolm* 1994. On analysing and evaluating written text. In Coulthard, M. (ed) Advances in written text analysis. London and New York: Routledge.
8. *Dryzek, John S.* 2005. The politics of the earth: environmental discourses. Oxford University Press: Oxford.

9. *Edwards, Lynne, Y.* 2005. Victims, villains, and vixens. Teen girls and internet crime. In Mazzarella, Sharon R. (ed) *Girl wide web: girls, the internet and the negotiation of identity*. New York: Peter Lang.
10. *Ekins, Paul, Sandrine Simon, Lisa Deutsch, Carl Folke, and Rudolf de Groot* 2003. A framework for the practical application of the concepts of critical natural capital and strong sustainability. *Ecological Economics* 44: 165/185: Elsevier.
11. *Fairclough, Norman* 2000. *New Labour, new language*. London and New York: Routledge.
12. *Geary, James* 2011. *I is an other: the secret life of metaphor and how it shapes the way we see the world*. New York: Harper Collins.
13. *Goatly, Andrew* 1996. Green grammar and grammatical metaphor, or language and myth of power, or metaphors we die by. *Journal of Pragmatics* 25 (537-60). Elsevier.
14. *Göttsche, Hans* 2009. Presupposition. In Chapman, Siobhan and Routledge, Christopher (eds) *Key ideas in linguistics and the philosophy of language*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
15. *Harré, Rom, Jens Brockmeier and Peter Mühlhäusler* 1999. *Greenspeak. A study of environmental discourse*. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage.
16. *Jaworski, Adam and Nikolas Coupland* (eds) 1999. *The Discourse Reader*. Abingdon and New York: Routledge.
17. *Jones, Jason and Jean Stilwell Peccei* 1999. Language and politics. In Thomas, Linda, Shân Wareing, Ishtla Singh, Jean Stilwell Peccei, Joanna Thornborrow, and Jason Jones (eds) *Language, society and power. An introduction*. Second edition. London and New York: Routledge.
18. *Kress, Gunther and Theo Van Leeuwen*, 1996. *Reading images: the grammar of visual design*. London, Routledge.
19. *Lakoff, George* 1993. The contemporary theory of metaphor. In Ortony, Andrew (ed) *Metaphor and thought* (2nd edition), Cambridge University Press: Cambridge.
20. *Lakoff, George and Johnson, Mark* 1980. *Metaphors we live by*. University of Chicago Press: Chicago.
21. *Lemke, Jay* 1990. *Talking science: language, learning, and values*. Westport: Ablex.
22. *Pemberton, John E.* 1969. Government Green Papers. *Library World* 71:49.
23. *Perelman, Ch. and L. Olbrechts-Tyteca* 1969. *The new rhetoric. A treatise on argumentation*. University of Notre-Dame Press: Paris.
24. *Rista-Dema, Mimoza* 2008. Language register and the impacts of translation. In Gyasi Obeng, Samuel and A. S. Hartford, Beverly (eds) *Political discourse analysis*. New York: Nova Science.
25. *Sibley-Esposito, Clare* 2013. Accounting for ecology? The concept of 'natural capital' in British political discourse and policy (1997-2011). In Leydier, Gilles and Martin, Alexia (eds) *Environmental issues in political discourse in Britain and Ireland*. Newcastle-on-Tyne, Cambridge Scholars Publishing.

Дуглас Понтон

К вопросу об употреблении метафор, связанных с природными явлениями в правительственных документах Великобритании
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 97–120.
doi: 10.17759/langt.2015020312

Douglas Ponton

The Natural Choice? Metaphors for nature in a UK government white paper
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 97–120.
doi: 10.17759/langt.2015020312

26. *Van Dijk, Teun A.* 2003. The discourse-knowledge interface. In Weiss, Gilbert and Wodak, Ruth (eds) Critical discourse analysis: theory and interdisciplinarity. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
27. *Vasta, Nicoletta* 2005. "Profits & Principles: Is There a Choice?" The Multimodal Construction of SHELL's Commitment to Social Responsibility and Environmental Care in and across Advertising Texts. In Cortese, G. and A. Duszak (eds) Identity, community, discourse: English in intercultural settings. Bern: Peter Lang.
28. *Yrjölä, Riina* 2011. Visual politics and celebrity humanitarianism. How colonial culture is revitalised in the West. In Stocchetti, Matteo and Kukkonen, Karin (eds) Images in use. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
29. *Treanor, Fergal* 2013. Ideological Presuppositions - Six German Higher Education Policy Documents. Academia.edu: http://www.academia.edu/4039613/Ideological_Presuppositions-Six_German_Higher_Education_Policy_Documents.
30. *Turner, R.K.* 2013. A pluralistic approach to ecosystem assessment and evaluation. DEFRA: <http://www.defra.gov.uk/naturalcapitalcommittee/files/ncc-assetcheck-03.pdf>

Международная научная конференция «Кусковские Чтения – 2015. Актуальные вопросы текстологии: традиции и инновации»⁴³

Дергачева И.В.,

доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультет «Иностранные языки» ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, *krugh@yandex.ru*

Сасим А.С.,

магистрант кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации» ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, *anna.fergie@hotmail.com*

Чекалкин А.В.,

магистрант кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации» ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, *chekalkin@hotmail.com*

Данная статья посвящена результатам международной научной конференции «Кусковские Чтения. Актуальные вопросы текстологии: традиции и инновации», проведенной на факультете «Иностранные языки». Проблематика конференции обозначена в рамках синтеза философских, эстетических и историко-культурных взглядов В.В. Кускова, играющих большую роль в современном образовательном процессе, а также в формировании духовно-нравственных представлений молодежи.

Ключевые слова: древнерусская книжность, русский язык, древнерусская литература, текстология, древнерусская культура, Кусков, памятники письменности, междисциплинарные исследования, лингвотекстология.

Для цитаты:

Дергачева И.В., Сасим А.С., Чекалкин А.В. Международная научная конференция «Кусковские Чтения – 2015. Актуальные вопросы текстологии: традиции и инновации» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Dergacheva_Sasim_Chekalkin.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020313

For citation:

Dergacheva I.V., Sasim A.S., Chekalkin A.V. International scientific conference “Kuskovskie Readings - 2015. Actual questions of textual criticism: tradition and innovation” [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru

---

⁴³ Издано при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) Проект № 15-04-14033 г.

Дергачева И.В., Сасим А., Чекалкин А.
О научной конференции «Кусковские Чтения – 2015.
Актуальные вопросы текстологии: традиции и
инновации»
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 121–127.
doi: 10.17759/langt.2015020313

Dergacheva I.V., Sasim A., Chekalkin A.
International scientific conference
“Kuskovskie Readings - 2015. Actual
questions of textual criticism: tradition and
innovation”
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 121–127.
doi: 10.17759/langt.2015020313

[Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 3. Available at:
http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Dergacheva_Sasim_Chekalkin.shtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi:
10.17759/langt.2015020313

С 20 по 23 сентября в Московском городском психолого-педагогическом университете на факультете «Иностранные языки» проводилась III международная научная конференция «Кусковские Чтения. Актуальные вопросы текстологии: традиции и инновации».

Проблема конференции обозначена в рамках необходимости синтеза философских, эстетических и историко-культурных взглядов В.В. Кускова, играющих большую роль в современном образовательном процессе, а также в формировании духовно-нравственных представлений молодежи.

Конференция посвящена памяти выдающегося исследователя древнерусской литературы – Владимира Владимировича Кускова (1920 – 1999), доктора филологических наук и почетного профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, академика Академии славянской культуры, автора трудов по изучению древнерусских текстов, а также вышедшего уже восьмым изданием учебника «История древнерусской литературы». Проведение «Кусковских Чтений» стало традицией нашего факультета, но данная конференция имела особое значение, так как год назад ушла из жизни супруга Владимира Владимировича, Валентина Ивановна Кононова, его замечательный соратник, известный специалист в области русского языка, кандидат филологических наук. В память о ней было названо одно из направлений конференции: *Нравственные искания в древнерусской литературе*, руководителем которого стала ученица Владимира Владимировича, доктор филологических наук Елена Леонидовна Конявская.

Рис. 1. В.В. Кусков и В.И. Кононова

В докладах участников «Кусковских чтений» были освящены многочисленные труды выдающегося филолога, которые помогли осознать то огромное влияние, которое древнерусская литература и культура в целом оказали на русскую классическую литературу. Учитывая специфику факультета иностранных языков, большое внимание докладчики уделили проблемам перевода литературных произведений, лингвотекстологии, фоновым знаниям, рецепции произведений русской литературы за рубежом.

Дергачева И.В., Сасим А., Чекалкин А.
О научной конференции «Кусковские Чтения – 2015.
Актуальные вопросы текстологии: традиции и
инновации»
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 121–127.
doi: 10.17759/langt.2015020313

Dergacheva I.V., Sasim A., Chekalkin A.
International scientific conference
“Kuskovskie Readings - 2015. Actual
questions of textual criticism: tradition and
innovation”
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 121–127.
doi: 10.17759/langt.2015020313

Основные задачи конференции – обсуждение традиционных и инновационных методов текстологического анализа литературных источников; метапредметное рассмотрение актуальных вопросов исследований в области древнерусской письменности; объединение усилий ведущих медиевистов для обсуждения традиций памятников средневековой письменности в литературе нового времени; освещение проблем перевода литературных произведений, восприятия произведений русской литературы за рубежом; анализ результатов научных исследований как опытных специалистов, так и молодых ученых; освещение идей патриотизма и высокой духовности, которую несут произведения древнерусской письменности; отражение нравственных исканий в древнерусской литературе; продолжение традиций В.В. Кускова в современной науке; обзор проблем русской концептосферы и новых достижений в исследованиях языковой картины мира.

Целью конференции явилось введение в научный оборот результатов исследований, базирующихся на классических инновационных методиках российских и зарубежных ученых в области текстологии, литературоведения, языкознания и межкультурной коммуникации. Авторы докладов опирались на современное развитие традиций культурно-исторической школы в литературоведении, которые были творчески применимы в XX веке Н.М. Сперанским, А.С. Орловым, И.П. Ереминым, В.В. Кусковым, В.П. Гребенюком, А.Н. Ужанковым, Е.Л. Конявской, В.М. Кириллиным, И.В. Дергачевой и др., а также на метод сравнительно-исторического изучения словесного творчества, основы которого были заложены академической школой XIX века А.Н. Веселовского. Учитывались также теоретические положения Библиейской герменевтики, труды Х.Г. Гадамера, Р. Пиккио.

Работа конференции началась 20 сентября с культурной программы – экскурсии к знаменитым памятникам древнерусской культуры историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника *Коломенское*. Организационный комитет и гости конференции выразили глубокую благодарность кандидату филологических наук, заместителю директора музея-заповедника Елене Александровне Верховской, ученице Владимира Владимировича, за прекрасную организацию яркой и содержательной экскурсии «Иван Грозный и Алексей Тишайший: диалог двух государей», блестяще проведенной кандидатом исторических наук Борисом Вадимовичем Мелешко.

С 21 по 23 сентября на факультете «Иностранные языки» проходила научная часть международной конференции «Кусковские Чтения». Работа конференции проводилась по

Дергачева И.В., Сасим А., Чекалкин А.
О научной конференции «Кусковские Чтения – 2015.
Актуальные вопросы текстологии: традиции и
инновации»
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 121–127.
doi: 10.17759/langt.2015020313

Dergacheva I.V., Sasim A., Chekalkin A.
International scientific conference
“Kuskovskie Readings - 2015. Actual
questions of textual criticism: tradition and
innovation”
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 121–127.
doi: 10.17759/langt.2015020313

следующим направлениям: *Нравственные искания в древнерусской литературе (Памяти В.И. Кононовой); Традиции В.В. Кускова в современной науке: генезис литературных формаций; Проблемы текстологии: традиции и перспективы; Духовно-нравственные основы современной литературы; Русская концептосфера и языковая картина мира; Современные методики преподавания языков и культур.*

С поздравлениями к участникам конференции обратились: Николай Григорьевич Денисов – доктор искусствоведения, заместитель начальника управления гуманитарных наук РГНФ, Сергей Сергеевич Матвеев – генерал-майор, председатель Совета Московской региональной организации ветеранов 35-й Краснознаменной орденов Кутузова и Александра Невского ракетной дивизии, Анатолий Иванович Кирсанов – доктор политических наук, директор института экстремальной психологии.

Ксения Николаевна Коротчук, историк-исследователь Витебской епархии и Патриаршего Подворья с Представительством Белорусского Экзархата в г. Москве, магистр Сорбонны, зачитала напутственное слово участникам конференции от Его Высокопреосвященства Владыки Димитрия, Архиепископа Витебского и Оршанского, в котором он отметил, что направления конференции отражают не только узкие теоретические искания и практические достижения, но и «касаются существенных вопросов жизни человека – духовно-нравственных основ и ценностей. Наука призвана быть духоносной, нравственно-ориентированной и открывать людям путь для плодотворного развития и духовного совершенства».

На конференции выступили с докладами ученые из российских и зарубежных вузов и научных организаций. Среди докладчиков конференции – представители самых разных российских регионов: Москва, Тверь, Ярославль, Брянск, Орел, Переславль-Залесский, Северодвинск, Калининград, Екатеринбург, Новосибирск, Челябинск. С каждым годом расширяется круг зарубежных участников конференции. Это не только представители стран ближнего зарубежья – Белоруссии, но и коллеги из Китая и Италии.

Огромную заинтересованность участники конференции проявили к выступлению профессора Флорентийского Университета Марчелло Гардзанитти с докладом *Культурный переворот Нового времени в церковнославянской книжности*, в котором предметом научного исследования стал культурный переворот Нового времени и процессы, связанные с ним. Профессор Гардзанитти рассмотрел памятники русской средневековой книжности, акцентируя свое внимание на функции библейских цитат, играющих концептуально – значимую роль в контексте целого. Презентацию книги Марчелло Гардзанитти *Библейские цитаты в церковнославянской книжности* представила доктор филологических наук Н.Н. Запольская. Профессор Университета Катании Паолина Муле выступила с докладом *The education of the teacher and the relationship between academic competence and teaching skills a debate still open*. В своем выступлении госпожа Паолина Муле подчеркнула важность исследований корреляций между образовательным процессом, преподаванием и общими образовательными дисциплинами. Главной целью выступления доктора философии из Университета Катании Дугласа Понтона (*The word and the world: representations of the environment in British political discourse*) стало освещение вопроса о связи защиты окружающей среды в политическом дискурсе Британии. Центральная идея работы состоит в том, что защита окружающей среды является важной темой, на базе которой появилось немало дисциплин, но уделяется ли ей достаточное внимание?

Особый интерес вызвал доклад постоянной участницы конференций *Кусковские Чтения*, профессора Маринеллы Мондаини из итальянского Университета *Карло Бо* в Урбино, на тему: *Некоторые аспекты восприятия Венеции в русской поэзии*. Представительница Китая,

Дергачева И.В., Сасим А., Чекалкин А.
О научной конференции «Кусковские Чтения – 2015.
Актуальные вопросы текстологии: традиции и
инновации»
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 121–127.
doi: 10.17759/langt.2015020313

Dergacheva I.V., Sasim A., Chekalkin A.
International scientific conference
“Kuskovskie Readings - 2015. Actual
questions of textual criticism: tradition and
innovation”
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 121–127.
doi: 10.17759/langt.2015020313

кандидат наук Юэ Ян, прочитала интереснейший доклад – *Meddling in the Middle East*, в котором были затронуты современные теории о международных отношениях, а точнее – международные споры нашего времени. Акцент в работе был сделан на войне между США и Ираком. Представители из Италии и Китая произвели огромное впечатление на слушателей конференции своими интереснейшими докладами в области межкультурной коммуникации, текстологии, духовно-нравственных основ в современной литературе, а также в области современных методик преподавания языков и культур.

Хотелось бы отметить выступления выдающихся отечественных ученых: М.В. Антоновой, А.Е. Ваненковой, В.А. Воропаева, Г.С. Гадаловой, О.В. Гладковой, И.В. Дергачевой, Л.Г. Дорофеевой, Л.И. Журовой, Т.Е. Зинкевич, Е.Л. Конявской, М.С. Крутовой, М.В. Михайловой, А.М. Ранчина, Л.Б. Сукиной, Н.В. Трофимовой, О.А. Туфановой, А.Н. Ужанкова, Г.Ю. Филипповского, доклады которых затрагивали различные актуальные аспекты современной науки. На заседании прозвучал доклад доктора филологических наук, ведущего научного

сотрудника Института российской истории РАН Елены Леонидовны Конявской *О начальном периоде древнерусской письменности: в продолжение традиций В.В. Кускова*, определивший вектор современной научной мысли в текстологии и литературоведении. Доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Владимир Алексеевич Воропаев в своем докладе «... *Молитесь обо мне, отец Филарет*»: *Оптинский адресат Гоголя* ввел в научный оборот новые факты, касающиеся биографии Н.В. Гоголя и его окружения.

Особый интерес вызвало сообщение доктора филологических наук, профессора, проректора по научной работе Литературного института им. А.М. Горького Александра Николаевича Ужанкова, разработавшего стадиальную теорию развития древнерусской литературы. А.Н. Ужанков возглавил секцию, на которой выступили его ученики, своими работами, подтвердившие ее научную значимость и обоснованность.

Вызвали заинтересованность доклады преподавателей факультета «Иностранные языки» Московского городского психолого-педагогического университета Баймурзаевой Г.Б., Зенкевич И.В., Мердановой С.Р., Михайловой А.Е., Мурашкиной О.В., Павлишак Т.А., Уткиной Л.Н., касающиеся вопросов современной методики преподавания языков и культур.

В работе конференции деятельное участие приняли студенты итальянского Университета Ла Сапиенца, подготовившие заседание круглого стола по следующей тематике: *Проблемы русистики в межкультурном дискурсе: Россия и Италия*. Аличе Лураски, Даниела Массарели, Мадалина-Андреа Пинтилие, Фердинандо Нардоне, Кьяра Беллучи, Альберто Маттеода, Кристиан Чиполла, Эмилиано Кукки, Елена Джанфеличи, Лука Чиччиоти, Кьяра Вердерессе осветили данную тему для всех слушателей на итальянском, русском и английском языках.

Дергачева И.В., Сасим А., Чекалкин А.
О научной конференции «Кусковские Чтения – 2015.
Актуальные вопросы текстологии: традиции и
инновации»
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 121–127.
doi: 10.17759/langt.2015020313

Dergacheva I.V., Sasim A., Chekalkin A.
International scientific conference
“Kuskovskie Readings - 2015. Actual
questions of textual criticism: tradition and
innovation”
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 121–127.
doi: 10.17759/langt.2015020313

К моменту начала конференции был выпущен сборник материалов III международной научной конференции «Кусковские Чтения. Актуальные вопросы текстологии: традиции и инновации», в котором представлены развернутые научные статьи участников конференции.

Подводя итоги прошедшей международной научной междисциплинарной конференции, хотелось бы отметить, что она подтвердила актуальность поставленных вопросов в области текстологии, литературоведения, языкознания и межкультурной коммуникации, мобилизовала интеллектуальное сообщество ведущих учебных заведений и академических институтов для выявления ценностей древнерусской литературы, укрепила

международное сотрудничество ученых в области совместных исследований по филологии, текстологии, истории, философии и социальных наук.

Дергачева И.В., Сасим А., Чекалкин А.
О научной конференции «Кусковские Чтения – 2015.
Актуальные вопросы текстологии: традиции и
инновации»
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 121–127.
doi: 10.17759/langt.2015020313

Dergacheva I.V., Sasim A., Chekalkin A.
International scientific conference
“Kuskovskie Readings - 2015. Actual
questions of textual criticism: tradition and
innovation”
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 121–127.
doi: 10.17759/langt.2015020313

International scientific conference “Kuskovskie Readings - 2015. Actual questions of textual criticism: tradition and innovation”

Dergacheva I.V.,

Doctor of Philology, Professor at the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication of the faculty of Foreign Languages in the Moscow State University of Psychology and Education, *krugh@yandex.ru*

Sasim A.S.,

1st year student of master program in MSUPE, Moscow, Russia, *anna.fergie@hotmail.com*

Chekalkin A.V.,

1st year student of master program in MSUPE, Moscow, Russia, *chekalkin@hotmail.com*

This article focuses on the result of the scientific conference "Kuskovskie Readings - 2015. Actual questions of textual criticism: tradition and innovation". "The issue of the conference as part of the synthesis of philosophical, aesthetic, historical and cultural sights V. Kuskova, which playing a big role in the modern educational process, as well as in the formation of spiritual and moral ideas of young generation.

Key Words: Old Russian book-learning, old Russian literature, Russian literature abroad, interdisciplinary researches, old Russian culture, language history, literary monuments, linguistic textual study, Russian language, Kuskov.
